

РОБЕРТ ДЖОРДАН

ЧАСТЬ

**ТЕНЬ
ВЛАСТЕЛИНА**

Роберт
Джордан

Annotation

Конан-варвар ЖИВ! Слишком велика была популярность самого знаменитого персонажа за всю историю «героических фэнтези», чтобы приключения его закончились со смертью его создателя. Вслед за Робертом Говардом эстафету саги о Конане принял Роберт Джордан – и подарил миллионам поклонников СЕМЬ РОМАНОВ о новых деяниях отважного киммерийца. На этот раз могучему варвару предстоит схватка с безжалостной жрицей древнего Бога Тьмы, которая намерена вернуть своего Властелина к жизни, принеся ему в жертву жизнь возлюбленной лучшего друга Конана...

- [Роберт Джордан](#)

- [ПРОЛОГ](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)

- [notes](#)

-
-

Роберт Джордан
Конан-заступник

ПРОЛОГ

Лучи солнца золотили гобелены на стенах. Безъязыкие (чтобы лишнего не болтали) слуги удалились, оставив вино для хозяина и его гостей. Наступила тягостная пауза.

Хозяин, Кантаро Албанус, лениво поигрывая висящей на груди золотой цепью, внимательно изучал четырех своих гостей. Женщина делала вид, что ее интересуют узоры гобеленов; мужчины уткнулись в свои кубки.

Полдень, как считал Албанус, самое подходящее время для подобных встреч. Но его гостей это нервировало, поскольку в соответствии с традицией заговоры создавались на полночных сборищах в подземных святилищах, обязательно закупоренных наглухо, чтобы даже лунный свет туда не проник.

Но традиции не всегда полезны. В самом деле, кто заподозрит, что среди бела дня в самом центре столицы среди этих достойнейших представителей Немедийского общества зреет предательство?

От этих мыслей его энергичное лицо нахмурилось, глаза помрачнели. Орлиный нос, седые пряди на висках, – он очень походил на генерала.

И он действительно был когда-то генералом – всего лишь год назад. Еще когда Албанусу было семнадцать, его отец обеспечил ему место в полку Золотых Леопардов, с незапамятных времен бывших телохранителями Немедийских королей. После смерти отца он ушел в отставку. Военная карьера была не для него. Тому, в чьих жилах течет кровь древних властителей Немедии, не подобает карабкаться по служебной лестнице. А если ему захочется занять трон, никто не посмеет назвать это предательством.

– Лорд Албанус, – нарушил тишину Барка Веджент, – мы много наслышаны...
Об особой помощи...

Которую вы собираетесь оказать нам...

В нашем деле. Но...

Как говорят в народе, лучше один раз увидеть. – Великанского сложения командир Золотых Леопардов тщательно выговаривал слова. Он старался скрыть свой акцент уроженца трущоб Бельверуса, хотя все знали об этой подробности его биографии.

– О, как осторожно вы выразили сомнение, Веджент, – съязвил Деметр Амариан, уткнувшись носом в коробочку с благовониями в попытке скрыть исказившую его по-женски полные губы гримасу. – Но мы знаем, что тебя интересует. Тебя интересует...

– Хватит, – оборвал его хозяин.

Деметр и Веджент, лицо которого багровело с каждой секундой, затихли, как собаки при звуке хозяйского голоса. Они постоянно грызлись друг с другом, а Албанус не собирался терпеть эти ссоры – особенно сегодня.

– Все вы, – сказал хозяин, – хотите что-то получить от меня. Ты, Веджент, жаждешь генеральства, которого тебе никогда не получить от короля Гариана. Ты, Деметр, хочешь вернуть владения, которые отец нынешнего короля отнял у твоего деда. А ты, Сефана, хочешь отомстить королю за то, что он отверг тебя. Сказал, что ему нравятся девушки помоложе...

– Ты говоришь это с изяществом настоящего лорда, – горько заметила женщина. На лице Сефаны Галериан, обрамленном гривой черных как ночь волос, выделялись ярко-фиолетовые глаза. Ее красное платье выгодно подчеркивало линии пышной груди и не закрывало при ходьбе ног.

– А что, по-вашему, требуется мне? – неожиданно для всех подал голос четвертый гость.

Константо Мелиус был из тех, кого нелегко запомнить, воплощенная посредственность,

образно говоря. Самыми заметными чертами в нем были редеющие волосы и мешки под глазами. И ум под стать внешности.

— А тебе нужно, чтобы к твоим советам прислушивались, — ответил Албанус. — Так и будет, пока я нахожусь на троне.

То есть, подумал он, пока я не прикажу тебя казнить. Гариан сделал ошибку, наказав дурака и оставил его в столице. Я такой ошибки не допущу. — Похоже, мы ушли от первоначальной темы, — вернула разговор в прежнее русло Сефана. — Но я, со своей стороны, тоже хотела бы знать, чем вы могли бы помочь нашему делу. Деметр и Веджент снабжают нас информацией.

Мелиус и я даем золото для организации беспорядков на улицах и платим разбойникам за уничтожение хлеба. А вы держитесь особняком и лишь смутно намекаете на какие-то чудеса, что если все пойдет хорошо, Гариан сам отдаст трон. Я тоже хочу знать, о чем идет речь.

Все настороженно притихли, но Албанус холодно улыбнулся. Поднявшись, он отдернул занавес и подвел всех к столу, на котором лежали какие-то предметы, укрытые материей. Албанус сам положил их сюда.

Широким жестом он сдернул покрывало. Он знал, что предметы на столе — сапфировая статуэтка, меч с серебристой гравировкой на волнистом лезвии, несколько кусков хрусталя и рубина с древними надписями — были, за одним исключением, практически бесполезны. Во всяком случае, даже с помощью всех томов своей древней библиотеки Албанус не смог понять их назначения. Настоящие ценности он хранил в другом месте.

Десять лет назад рабы в его загородном имении случайно откопали подземную камеру. К счастью, Албанус при этом присутствовал и сразу распознал хранилище магических предметов, принадлежавших какому-то чародею. Лорд опустошил его, а в свободившемся пространстве похоронил незадачливых работников.

Прошел целый год, прежде чем ему удалось установить, что клад относится к эпохе Ахерона — зловещей империи некромантов, черных магов. Более трех тысячелетий назад эта страна обратилась в прах. Все последние годы Албанус пытался проникнуть в тайны магии, избегая, однако, помощи учителей. Он боялся, что более сильный чародей может отобрать у него древние сокровища. Осторожность сослужила Албанусу хорошую службу. Когда король Гариан начал гонения на занимающихся колдовством, никто даже и не заподозрил лорда в запретной деятельности. «Я еще расквитаюсь с тобой, Гариан», — подумал Албанус и поднял со стола небольшой хрустальный шар красного цвета.

— Не доверяю я этим штучкам, — вздрогнув, заявила Сефана. — Следует полагаться на более естественные методы. Скажем, яд замедленного действия...

— ...

Приведет страну к гражданской войне за право наследования престола, — оборвал ее Албанус. — Я не собираюсь бороться за Драконий Трон с полудюжины претендентов. Нет, этот трон мне отадут. Отадут вместе с Драконьей короной.

— Поглядим — увидим, — проворчал Веджент.

Албанус знаком приказал всем молчать. В залу вошла светлокожая и светловолосая служанка. На вид ей было не больше шестнадцати. На ней была простая белая туника с вышитым знаком Дома Албануса, сшитая так, чтобы небольшие груди девушки и длинные ноги были почти на виду. Войдя, она опустилась на колени перед хозяином.

— Ее зовут Омфала, — сказал обладатель орлиного профиля.

При упоминании своего имени девушка вздрогнула, но головы не подняла. Она совсем недавно была продана в рабство за долги своего отца, но уже успела запомнить многие полезные уроки.

Поместив красный шар на ладонь вытянутой левой руки, хозяин дома начал заклинание.

– Ан-наал наа-таан Вас-ти но-ентей! – в то же время делая правой рукой пассы в воздухе.

Над кристаллом неожиданно вырос язык пламени длиной примерно с локоть, на вид более материальный, чем положено быть простому пламени. Среди желто-красного великолепия очень неприятно смотрелись два темных пятна, похожие на глаза какого-то существа, изучающего комнату и всех находящихся в ней. Все, кроме Албануса и Омфалы, которая приникла к полу, невольно сделали шаг назад.

– Демон огня, – заметил как бы между делом Албанус и, не меняя тона, добавил, – убей Омфалу!

Не успела бедная девушка крикнуть, как демон огня рванулся, опутывая ее целиком. Судорожно вздрагивая, она поднялась на ноги, постепенно исчезая в огненной сфере. Пламя шипело, и среди этого шипения слышался далекий женский крик.

Затем пламя с легким хлопком исчезло, оставив после себя сладковатый запах горелого мяса.

– Грязная работа, – отметил Албанус, ковырнув ногой образавшееся на мраморном полу черное маслянистое пятно.

Гости смотрели на него так, словно он вдруг обратился в сказочного дракона Ксутаркана. Как ни удивительно, первым нашелся Мелиус.

– А эти магические вещички? Нам бы они тоже не помешали, он моргнул и слабо добавил среди общего молчания, исключительно как знак взаимного доверия...

И равенства...

Албанус улыбнулся. Скоро он им покажет, насколько они равны.

– Конечно же, – спокойно произнес он, – я и сам об этом думал. – Он обвел рукой стол. – Выбирайте. Я скажу вам, какими свойствами обладает понравившийся вам предмет, – и спрятал красный шар в карман на поясе. Мелиус нерешительно прищурился и сделал шаг к мечу с волнистым лезвием, почти коснувшись его рукой.

– Какими же свойствами обладает вот этот меч, мой лорд?

– Любой, кто держит этот меч, непобедим в бою.

Обнаружив, что этим польза от меча ограничивается, Албанус утратил к нему интерес. Его не прельщала роль героя-воителя. Он будет королем, и таких героев у него будут легионы.

– Возьми сей меч, Мелиус. Или ты боишься? Тогда, может быть, Веджент? – хозяин обратился к великанию.

– Мне не нужны магические мечи. Я и так неплохо дерусь, – отрезал Веджент. Выбирать себе что-нибудь другое он не стал.

– Деметр? – сделав удивленное лицо, сказал Албанус. – И ты, Сефана?

– Я не доверяю магии, – сказал молодой человек, старательно отводя взгляд от стола.

Сефана была сделана из материи покрепче. Она спокойно покачала головой.

– Если это поможет убрать Гариана с трона, хорошо. Если же нет... – мгновение она смотрела в глаза Албануса, затем отвернулась.

– А я возьму меч, – неожиданно заявил Мелиус и взмахнул мечом в воздухе. – Меня не волнует, как Веджента, каким образом я стану мастером фехтования.

Фальшивая улыбка стерлась с лица Албануса.

– А теперь слушайте и внимайте, – медленно и отчетливо произнес он, по очереди глядя присутствующим в глаза. – Я показал вам лишь малую часть той могущественной силы, которая принесет мне трон Немедии и исполнит ваши желания. Запомните – я не потерплю ни малейшего отклонения от избранного плана, ни вмешательства в мои дела. Я уничтожу все преграды между мной и короной. ВСЕ! Теперь – идите.

Пятым задом, как будто Албанус уже сидел на троне, четверо выполнили приказание.

Глава 1

По улицам Бельверуса, наполненной мраморными храмами и монументами столицы Немедии, шел высокий мускулистый юноша. Он на все смотрел с осторожным прищуром, и руку далеко от меча не убирал. Кожа, которой была обернута рукоять его оружия, была изрядно потертой, это говорило о том, что меч этот – вовсе не украшение. Синие глаза и плащ на меху выдавали в мужчине уроженца Севера.

Бельверус видел многих северных варваров. Многие из них, еще не успев прийти в себя, обычно лишались кошелька, а то и золотых колец. Самые незадачливые, не оценившие благ современной цивилизации, уводились городской стражей, не обращавшей внимания на все их крики.

Молодой воин, которому было всего двадцать два года, ступал по булыжной мостовой с уверенностью человека, не раз попиравшего уличные камни городов еще более могучих – Аренжуна и Шадизара, прозванного дурным Султанапура и Аграпура, видавшего даже стены городов далекого Кхитая.

Он находился в районе рынка, всего лишь в полулиле от королевского дворца, но не мог найти здесь отличий от Врат Ада – района трущоб и ворья. Открытые прилавки, толпы народа, торгающихся из-за огирских тканей, аргосское вино, товары из Хата и Коринфии и даже из Турана. Но среди разносчиков было слишком мало торгающихся едой, и цены на продовольствие заставляли задуматься. Похоже, с его средствами долго здесь не протянешь. Между лавками сидели и лежали нищие, – слепые, увечные, – и их голоса порой заглушали зазывные крики торговцев.

На каждом углу можно было видеть группки плохо одетых людей с нехорошим огоньком в глазах, многозначительно держащихся за рукоятки мечей, затачивающих кинжалы, вертящих в руках дубины. Они, судя по всему, были бы не прочь заняться толстым купцом, проскользнувшим мимо, или зазевавшейся девушкой. Единственное, чего не хватало этому месту – это проституток с их нарядами, выставляющими товар на обозрение. В воздухе стоял какой-то гнилостный аромат, который юноша привык связывать с дешевыми ночлежками, – запах мочи, блевотины и фекалий.

На его глазах один из разносчиков, попытавшийся пересечь улицу, был окружена группкой одетых в живописное тряпье и обрывки дорогих тканей бандитов. Тощий торговец не смел поднять головы и лишь медленно краснел, пока они шарили среди его товаров, пробуя то и это и швыряя не пришедшиеся по вкусу куски на землю. Набив пазухи фруктами, они неторопливо пошли прочь, вызывающе поглядывая по сторонам и явно ища драки. Прохожие изо всех сил делали вид, что ничего не замечают.

– Очевидно, платить вы не собираетесь? – вырвалось у несчастного разносчика.

Один из грабителей, в потертом шитом золотом плаще поверх дырявого кафана, давно не бритый, повернулся и со словами «Сейчас заплатим!» саданул торговца по скуле. Тот, всхлипнув, распростерся рядом с тележкой. Расхохотавшись, бандит присоединился к своим товарищам, идущим напролом куда глаза глядят. Им уступали дорогу.

Мускулистый молодой человек остановился в шаге от тележки и спросил: – Почему бы тебе не позвать стражу?

– О нет, пожалуйста, не надо! Мне нужно кормить семью… Есть же и другие торговцы, – устало попросил торговец, распрямившись.

– Я не воришко, и у меня нет привычки избивать стариков, – ощетинился юноша. – Меня зовут Конан. Почему ты не стал звать городскую стражу?

— Городская стража! — горько рассмеялся старик. — Да они засели в казармах и не высовываются. Я видел однажды, как трое таких вот людей схватили стражника, подвесили за ноги и кастрировали. Вот вам и стража. — Он нервно вытер руки, осознав, что разговаривает посреди оживленного перекрестка с незнакомым северным варваром. — Мне надо идти, идти, — озабоченно забормотал он. — Мне надо идти... — он ухватился за ручки своей тележки и поспешил убраться с этого места.

Конан жалостливо посмотрел ему вслед. Он прибыл в Бельверус, чтобы наняться в качестве телохранителя или солдата. Ему не раз приходилось работать в этом качестве — равно как и в качестве вора, контрабандиста и разбойника. Но кому бы он ни стал здесь служить мечом — вряд ли это будут те, кто нуждается здесь в защите больше всего.

Некоторые из молодчиков заметили разговор Конана с торговцем и подступили ближе, намереваясь повеселиться за счет чужестранца. Но встретившись с его взглядом, холодным, как ледники его родной Киммерии, они передумали. Внезапно им почудилось, что сегодня по улицам города разгуливает смерть. Сегодня они еще найдут себе добычу в другом месте... Через минуту перекресток был чист.

Кое-кто посмотрел на него с благодарностью, поскольку Конан сделал этот уголок хоть чуточку безопаснее. Конан раздраженно покачал головой, злясь на себя и на окружающих. Он пришел сюда за золотом, а не для того, чтобы расчищать улицы от хулиганов.

Порыв ветра забросил обрывок пергамента ему под ноги. Конан лениво подобрал его и стал читать мелкие неровные буквы:

Король Гариан на троне сидит
Король Гариан на пищу глядит
А нам бы еды той!
— От голода мрем
Подохнем — на чай-нибудь нож попадем.
Но съест он все, сожрет молчком.
Пускай он подавится последним куском!
Спаси нас, Митра, от правителя такого,
На смену этому пожалуй нам другого.
Король Гариан на троне сидит
Король Гариан на пищу глядит...

Конан пустил обрывок по ветру, и он затерялся среди множества таких же кусочков. Время от времени люди поднимали их и читали. Некоторые тут же, будто обжеглись, швыряли стихи наземь. Но были и такие, кто украдкой прятал подметные стихи среди одежды.

Да, похоже, в этом городе не особенно любили короля. По всем признакам — Конан был наблюдателен — листочками дело не ограничится. Народ пойдет требовать еды. Даже гораздо более могучие властители в такой ситуации теряли голову — и в переносном, и в прямом смысле.

Вдруг мимо Конана промчался охваченный паническим страхом горожанин. За ним с воплем мчалась женщина, вслед за нею стайка ребятишек.

Впереди послышались крики и вопли, внезапно толпа ринулась к перекрестку. Даже те, кто еще ничего не понял, поддались панике и стали вопить во всю глотку. Конан с трудом выбрался из толпы. Он пытался сообразить, что же такое здесь происходит.

Незаметно все вдруг словно испарились куда-то, и Конан увидел, что улица, по которой бежали люди, усеяна телами. Кое-кто еще пытался шевелиться. Тех, что поближе, похоже,

просто затоптали в панике, но чуть подальше у лежавших на мостовой не хватало у кого головы, у кого разных конечностей. А посреди улицы стоял человек в богатой вышитой голубой тунике, держащий в руках странный меч с волнистым лезвием, весь красный от крови. Из угла его рта сбегала струйка слюны.

Конан положил руку на рукоять меча, затем убрал ее. Собственно, какое ему дело до этих несчастных? Вот если бы ему заплатили золотом... Конан направился в тень переулка.

Но в этот момент из лавки с воплем выбежала маленькая девочка лет восьми, не больше, и остановилась прямо перед убийцей. Тот поднял свой меч и с ревом устремился за ней.

– Эрлик тебя подери! – выругался Конан, а в руке его, как по волшебству, появился меч.

Не останавливаясь и не переставая кричать, девочка пробежала мимо Конана и скрылась из виду. Человек с мечом остановился. Несмотря на богатое облачение, вблизи он более всего походил на писца: редкие волосы, мешки под глазами. Но болотного цвета глаза остекленели в безумном порыве, а из горла доносилось рычание. Над разбросанными по улице фруктами гудели мухи.

По крайней мере, решил Конан, у него хватило мозгов не лезть на рожон.

– Стой где стоишь! – приказал он ему. – Я не ребенок и не какой-нибудь купец. Меня не так-то просто убить, даже если зайти сзади. Почему бы тебе не...

Конану померещилось, что он услышал голодный металлический лязг. Издав нечеловеческий вопль, умалишенный кинулся на него с поднятым мечом. Киммериец попытался парировать удар, но странный меч молниеносно изменил направление. Конан успел отпрыгнуть; чужая сталь полоснула его по животу, разрубив его рубаху и кольчугу под ней. Он отступил еще на шаг, чтобы иметь простор для собственной атаки, но маньяк неотступно следовал за ним. Его оружие рубило и кололо с неослабевающей яростью. Киммериец медленно отступал.

Конан внезапно понял, что ему трудно успевать защищаться от насеков этого внешне нечем не примечательного человека. У него просто не хватало на это времени. Ему приходилось напрячь все свое умение, силу и ловкость, и в то же время его, Конана, уже украсили с полдюжины ран. Так ведь запросто и убить могут.

– Ну нет, – выкрикнул киммериец. – Клянусь Кромом! – и был вынужден под звон мечей отступить еще на один шаг.

Этот шаг чуть не стал для него роковым. Под ногу ему попалась полураздавленная слива, и Конан грохнулся на спину. Из глубины замутненного ударом сознания киммериец следил за тем, как волнистое лезвие было занесено для решающего удара. Ну уж нет! – и Конан откатился в сторону. Меч высек сноп искр из булыжной мостовой. У стены Конан поднялся, и маньяк снова кинулся на него.

Воздух внезапно наполнился сердитым жужжанием, и сумасшедший вдруг сделался похож на ежа. Это прибывающая наконец Городская Стража, человек двадцать лучников в черных плащах, дала первый залп. Оставаясь на безопасном расстоянии, они снова натянули тетиву, поскольку умалишенный все еще стоял на ногах. Он издал нечеловеческий вопль и швырнул свой меч в киммерийца. Конан без труда отбил его в сторону. Оружие звякнуло о камни мостовой.

Стражники выпустили еще по стреле. Многократно пронзенный насеквье, человек пошатнулся и рухнул. За недолгий миг его падения печать безумия исчезла с его лица, сменившись выражением глубочайшего ужаса. Медленно, не выпуская оружия из рук, солдаты подошли к трупу.

Великан-киммериец со стуком отправил меч в ножны. Не нужно даже кровь вытираять с меча.

Какой позор! – единственная пролитая кровь принадлежала ему самому.

А от брошенного меча могла бы увернуться и десятилетняя девчонка. Это единственная

атака, в которой ему не пришлось расплачиваться кровью. Стражник грубо ухватил лежащее тело за плечи и перевернул его на спину, сломав при этом десяток стрел.

– Полегче, Гулио, – предостерег его товарищ. – Может статься, стоимость этих стрел вычтут из нашего жалованья. И зачем ты вообще...

– Клянусь троном Эрлика! – чуть не задохнулся Гулио. – Это же лорд Мелиус! – Группа стражников незаметно отступила в тень, оставив Гулио одного рядом с распростертым телом. Ни к чему болтаться рядом с трупом благородного лорда, особенно если ты сам помог его прикончить. И не важно, что он кучу народа покрошил. Когда дело касалось лордов, королевское правосудие делало порой странные изгибы.

Матерый сержант, чей нос был украшен видневшимся даже из-под стрелки шлема шрамом, сплюнул в сторону.

– Тут уж ничего не поделаешь, Гулио. – Стражник, к которому обращались, внезапно осознал, что стоит у трупа в одиночестве. Глаза его забегали из стороны в сторону.

– Гулио, накрой благородного лорда своим плащом. Пошевеливайся, тебе говорят! – прикрикнул сержант. Стражник неохотно подчинился. Сержант вызвал еще четверых: – Абидиус, Крато, Якорь, Назо! Хватайте его за руки и за ноги. Быстро! Или вы ждете, пока он тут сгниет? – Очень неохотно названные солдаты подошли к телу и подняли его. Сержант впереди, за ним носильщики, – стражники почти бегом покинули это место. Никто не обратил внимания на киммерийца.

– Что, уже не хватает быстроты, да? – раздалось неожиданно у него под ухом. Конан резко обернулся и увидел рядом с собой бородача, прислонившегося к стене. Резкий ответ умер на его губах.

– Уж на тебя-то, Ордо, моей быстроты будет достаточно, старый ты кошкодав!

Новоприбывший расправился. Он был ростом с Конана, но значительно шире в плечах. Кожаная повязка закрывала его левую глазницу. Выходивший из-под нее шрам шел через все лицо, оттянув вниз в вечном оскале левый уголок его рта, но правый улыбался.

Не исключено, что массивные золотые серьги в его ушах привлекали грабителей, но меч и кинжал за его поясом не давали этим мечтам воплотиться в действие.

– Не стану спорить, – откликнулся он. – Но какого черта ты делаешь в Немедии, Конан? Если, конечно, не принимать в расчет уроки фехтования, которые ты брал у этого достопочтенного старца. Насколько я помню, в последнюю нашу встречу ты говорил, что направляешься в Аграпур и хочешь поступить в армию Илдиза.

Ордо был другом Конана. Их дружба начиналась тяжело. Ордо вместе со своей шайкой пытался прикончить Конана в Заморийских степях по приказу рыжеволосой Карелы, известной под именем Красного Ястреба. Позже они вместе пытались добыть в Кезанкианских горах сокровища, похищенные чародеем Аманаром. Они с трудом тогда уцелели. После этого они встречались еще пару раз, пытаясь добыть себе состояние, но всей их добычи едва хватало на хорошую попойку в ближайшем кабаке. У Конана мелькнула мысль – неужели им снова предстоит совместное приключение?

– Ты прав, – ответил он Ордо. – Но вот уже год, как я покинул ряды Туранской армии.

– Влип в какую-то историю из-за женщины? – усмехнулся Ордо. – Это легко можно было предположить.

Конан только пожал своими мощными плечами. Из-за женщин у него всегда были неприятности. А у какого мужчины не было?

– А какая женщина выжила тебя из Султанапура, Ордо? Насколько я помню, при нашем последнем расставании ты сидел со своей женушкой в собственном трактире и клялся никогда больше не покидать этого города, – разве что на погребальный костер.

— Это все из-за Карелы, — одноглазый теребил бороду, голос его задрожал. — Я не мог смириться с тем, что она исчезла. А жена меня постоянно за это пилила. Она утверждала, что я делаю из себя посмешище. «Люди смеются», — говорила она, — «говорят, что у тебя с головой неладно». Ей не хотелось, чтобы на нее показывали пальцем — «вот женщина, которая вышла замуж за сумасшедшего!» Я терпел, терпел, и в один прекрасный момент ушел. Поклялся никогда не возвращаться.

— Ты все еще не забыл Карелу?

— Она жива, я в это верю. Такие женщины не умирают. — Он ухватил Конана за рукав. — Я ничего о ней не слышал. Ни-че-го. Если бы она умерла, я бы знал об этом. Знал. А ты, — ты ничего о ней не слышал?

Голос одноглазого дрожал. Конан знал наверняка, что Карела пережила их путешествие в горы. Но если сказать Ордо об этом, то придется говорить и о том, где он видел ее в последний раз скованную цепями, идущую среди других невольниц к базарной площади. А в кошельке у Конана было лишь несколько жалких медяков, которых никак не хватило бы на покупку полногрудой зеленоглазой невольницы. Конан мог бы вспомнить клятву, которую он был вынужден дать ей, никогда не поднимать руки в ее защиту. Да, она гордая женщина, Карела. По крайней мере — была такой. О ней давно никто не слышал. Возможно, неволя сломила ее гордыню, и она теперь уже добровольно услаждает своего черноглазого хозяина. Сказать Ордо об этом? Но тогда, возможно, ему придется убить старого друга, человека, который звал себя верным псом Карелы.

— Ну, последний раз я видел ее в горах, — Конан сказал почти что чистую правду. — Но я уверен, что она осталась в живых. Да ни одна шайка гордецов не справится с Карелой, когда в руке у нее меч!

Тяжело вздохнув, Ордо кивнул.

Люди начали возвращаться на улицу, изумленно глядя на мертвецов. То тут, то там женщины рыдали над телом мужа или сына.

Конан огляделся. Меч умалишенного лежал у порога лавки торговца тканями. Хозяина не было видно — убит, или, может, еще не вернулся. Конан поднял тяжелое оружие и вытер окровавленное лезвие о штуку желтого шелка. Проверяя баланс, он взвесил меч на вытянутой руке. Солнечный свет играл на серебряной филиграции. Старинная работа, сейчас таких не делают. Паутина драгоценного металла сплеталась в слова, которые Конан никогда раньше не видел. Но кто бы ни изготовил этот меч, он был настоящим мастером — меч казался продолжением его руки. Нет, скорее продолжением его мысли. Но Конан никак не мог забыть о тех, кто только что погиб от этой хищной красоты. Мужчины, женщины, дети. Убитые ударом в спину. Отрубленные руки, ноги, головы. Добитые раненые, пытающиеся уползти. Конан ощутил запах их пота и аромат свежей крови.

Киммериец фыркнул с отвращением. Меч — это меч, и ничего больше. Но...

Себе он этот меч не оставит. Он, конечно, возьмет его с собой — это слишком ценная вещь, чтобы бросать его на дороге. За него можно выручить несколько серебряных монет, которые будут вовсе не лишними.

— Надеюсь, ты не собираешься оставить этот меч себе? — спросил Ордо. — Этот меч проклят. Подумать только — женщины и дети... — он сплюнул и сделал отгоняющий зло знак.

— Ну ведь не настолько же он проклят, чтобы его нельзя было продать, — ответил Конан, заворачивая меч в свой плащ. Вещь редкая, думал он, и таскать его по улицам города в неприкрытом виде — значит нарыватьсь на неприятности.

— Если ты сейчас настолько беден, я бы лучше одолжил тебе несколько серебряных, — предложил Ордо.

— У меня у самого есть, — гордо ответил Конан, тряхнув кошельком. — На четыре дня, если остановиться в трактире, и на две недели, если в конюшне. А вот как это у тебя завелись вдруг лишние деньжата? Ты что, снова грабишь бедных горожан? Или вернулся к профессии контрабандиста?

— Тсс! — предостерег его Ордо, нервно оглянувшись. — О контрабанде кричать не стоит, — прошипел он Конану на ухо. — За это нынче сажают на кол. На острый — чтобы дольше мучились. К тому же король платит за такой донос столько, что я не стал бы доверяться родной бабушке.

— Так чего же ты туда полез?

— Я тебе ничего не говорил...

Всплеснул руками, сдаваясь, одноглазый. — Камни Ханумана! Да, я снова этим занялся. У тебя что — со слухом плохо, или зрение слабеет? Не видишь, какие нынче цены в столице? Пошлину дерут больше, чем вся стоимость товара. Контрабандист может купаться в золоте, если выживет.

— Слушай, а партнер тебе, случайно, не нужен? — задумчиво спросил Конан.

Ордо замялся.

— Знаешь, здесь ведь не как в Султанапуре. Все вино и весь шелк, что поступают в страну, минуя таможню, поставляет одна группа.

— Как, одна во всей Немедии? — изумившись, спросил Конан.

— Да. Уже больше двух лет, насколько мне известно. Сам-то я здесь всего только год. Легче отнять у нищего последний медяк, чем заставить их принять нового человека или даже хотя бы рассказать ему об этом деле. Я получаю указания от человека, который получает их от кого-то другого, которого я и в глаза не видел, — а тот, наверное, от кого-нибудь еще. Я конечно, попытаюсь...

Но ты особенно на это не надейся. — Да не может такого быть, возразил ему Конан. — Ты же ведь работаешь с ними, хотя и был здесь чуть больше года. Ордо потер нос пальцем и усмехнулся. — Ну, я — это особый случай. Я был в Хоте. Сидел в таверне в Норхемише. Прошел слух, что я...

Ну, в общем, это не имеет значения. Так оказалось, что Хассан, который работает на этих людей в Хоте, узнал, что я задаю вопросы. Он слышал о Красном Ястребе был без ума от ее подвигов. Узнав, что я работал вместе с ней, он предложил мне работу в Бельверусе. У меня тогда живот к хребтине присыхал, уже ремень свой варить собирался. Я согласился. Если бы Хассан был здесь, я бы мигом провернул это дело. Он остался там, в Хоте.

— Странно, — удивился Конан, — отчего же тогда он не оставил тебя там, вместе с собой? Раз вы оба с ним поклонники Красного Ястреба. Ну ладно, черт с этим. Сделай, что сможешь. До встречи.

— Попытаюсь, — Ордо прищурился на солнце, уже клонившееся к вечеру. — Мне пора идти. Дела. Я бы предложил тебе пройтись вместе со мной, но эти люди... Они не очень хорошо смотрят на тех, кто им не знаком.

— Не беспокойся, у нас полно времени, чтобы еще поговорить.

— Ты прав. Встречаемся у Бодливого Быка, что на улице Сожалений. Это чуть ближе к центру, чем Врата Ада. — Он засмеялся и хлопнул Конана по плечу. — Приходи после заката. Гульнем так, что весь город вздрогнет.

— Да уж, перевернем его вверх дном, — устало согласился киммериец.

Он сунул обернутый меч под мышку, повернулся и остановился. Богато украшенные носилки с пурпурными занавесями стояли в десятке метров от него. Вокруг них образовался почтительный кружок из прохожих. Но не золоченые носилки привлекали Конана, он уже много таких видел на улицах, — нет, его насторожило то, что занавесь в них была задернута именно в

тот момент, когда он обернулся. Конан мельком увидел женское лицо, скрытое вуалью так, что видны были только глаза. Киммериец готов был поклясться, что эти глаза смотрели прямо на него. Не просто смотрели. Пылали. Неожиданно передняя занавесь дернулась и носильщики – очевидно, получив приказ – быстрым шагом понесли носилки прочь.

Конан проводил их взглядом. Что-то с ним не в порядке. Все время что-то мерещится. Кроме Ордо, у него не было знакомых в Бельверусе.

Прижав к себе сверток, Конан двинулся, чтобы убить время до новой встречи с Ордо. Пока что можно заняться изучением города, в котором Конан намеревался добиться успеха.

Глава 2

Улица Сожаления находилась прямо перед Вратами Ада. Эта улица собрала всех тех неудачников, которые изо всех сил цеплялись за привычную жизнь, не желая переселяться отсюда в трущобы. Они горбили спины в тяжелой работе и знали, что если даже им самим и удастся остаться на плаву, то их детям наверняка такой удачи не выпадет. Кое-кто из них сумел выползти из района Врат Ада. Уйдя с Аллеи рваных цепей, они остановились здесь, боясь непонятного им города. Им было наплевать на ту вонь, которую приносил сюда с собой южный ветер. Тот, кто по-настоящему порвал с Вратами Ада, не задерживался на улице Сожалений. Ни на день, ни на час. Но таких было очень мало.

Живущие на этой улице пытались забыть о том, что ждет их за следующим поворотом судьбы, забыть кошмары давно минувших дней. Жизнь здесь напоминала один большой бессмысленный карнавал. На каждом углу уличные музыканты с лютнями и ситарами визгливой музыкой заглушали хохот, заполнивший все уличное пространство. В воздухе носились пьяные смешки, плотоядное гоготанье, истерическое хихиканье, вымученный смех.

Жонглеры с мячами и кольцами, булавами и сверкающими ножами состязались в своем искусстве перед полуобнаженными красотками, которые заполняли улицу, сверкая начищенной бронзой браслетов и застежек сандалий и выставляя товар, как говорится, лицом. Самые зазывные их жесты и самые откровенные движения предназначались богато одетым городским зевакам, узнававшим, развязив рты, о «глубинах разложения, возможных только в трущобах Врат Ада». Они были видны, как на ладони. И над всем этим царил Смех.

Бодливый Бык был заведением подстать этой улице. На возвышении в одном конце просторной комнаты, пропахшей стоялым вином, три пышных танцовщицы в ярко-желтых шелках бешено врашали бедрами под сибаритскую музыку. На них почти никто не глядел. Толстый коринфиец оглаживал медноволосую шлюху, на лице которой застыла натянутая улыбка, и словно бы пытался определить на ощупь ее цену.

Еще одна проститутка с волосами немыслимо красного цвета оглядела мощные плечи Конана и как бы невзначай поправила сбрую, вздывавшую ее пышную грудь. Она облизнула губы и качнулась в сторону киммерийца, но Конан отрицательно покачал головой. Он еще не видел в толпе Ордо. Потом, когда тот придет, и наступит время для женщин.

Одна из присутствовавших женщин сильно отличалась от других. Она сидела в одиночестве у стены, на столе перед нею стоял нетронутый кубок вина. Похоже, она была единственной, кого интересовал танец.

Ее черные как ночь локоны вились ниже плеч. Большие умные глаза, полные губы – она затмевала красоту любой «труженицы ночи». Она явно не была проституткой. Ее платье, скрывавшее все тело, было явно не в стиле улицы Сожалений. Но не хватало ему и богатой вышивки, так любимой женщинами городской элиты, которых, бывало, тянуло сюда попотеть под каким-нибудь убийцей. Или под кем-нибудь еще пострашнее.

Нет, напомнил себе Конан, женщины – после. Переложив сверток с мечом в другую руку, Конан огляделся в поисках свободного места. Костлявая рука, которая принадлежала, казалось, куче тряпья, а не человеку, ухватила его за рукав.

Слабый, сиплый голос произнес:

– Эй, киммериец, куда ты несешь это убийственное орудие?

Волосы на затылке Конана зашевелились. На месте глаз у этого старика, слишком высохшего, чтобы иметь морщины, была грязная повязка. Да хоть бы и были у него глаза – как он узнал, что в плаще у Конана находится тот самый меч, и откуда сам Конан родом?

– Что ты знаешь обо мне, старик? – потребовал он. – И откуда ты все узнал – ведь у тебя же нет глаз?

Его собеседник визгливо расхохотался, ткнув в повязку своей палкой.

– Боги забрали их у меня, но взамен они дали мне другой дар. Я не вижу того, что могли бы видеть мои глаза. Я вижу...

Другое...

– Слышал я и о таком, – пробормотал Конан. – Видел и почуднее. Ну а что еще ты можешь обо мне сказать?

– О, весьма и весьма много, молодой господин. Ты узнаешь любовь многих женщин, королев и крестьянок, и многих, и еще многих других. Ты проживешь долгую жизнь. Ты будешь королем, а твоя смерть будет окружена легендой.

– Дерьмо собачье, – авторитетно заявил подошедший Ордо.

– Я уже начал беспокоиться, куда ты подевался, – упрекнул его Конан. – Кстати, старику откуда-то известно, что я из Киммерии.

– С таким выговором, как у тебя, это несложно. Варварский акцент изо всех щелей так и прет. Вот старик и догадался. Пойдем, зайдем стол и закажем вина.

Конан покачал головой.

– Нет, я даже не успел ничего сказать, а он уже назвал меня киммерийцем. Скажи, старик, что меня ждет в ближайшие дни?

Нищий, слушавший их разговор с болезненным выражением на лице, распрямился. Улыбка обнажила голые десны. Он потер большой палец указательным.

– А как насчет этого? Я бедный человек, господин, дайте что можете, – и сунул ладонь Конану под нос.

Киммериец запустил два пальца в кошель. Как ни пусто там было, он нашел и бросил на протянутую ладонь серебряный.

Ордо обреченно вздохнул.

– Да сотня здешних астрологов наобещает тебе все, что угодно – и возьмет при этом в два раза меньше.

Пальцы слепца осторожно сомкнулись на монете.

– Щедрый человек, – пробормотал он. Монета исчезла среди его одежд.

– Дай мне руку, сын мой. Правую.

– Ха-ха, слепой хиромант! Как же ты без глаз будешь гадать по руке? – рассмеялся Ордо. Но Конан отодвинул его в сторону и протянул свою руку старику. Пальцы слепого легкими касаниями проследили линии руки киммерийца, останавливаясь на мозолях и шрамах. Когда он начал говорить, голос его был серьезен. В нем чувствовалась сила и мощь.

– Бойся девы золота и сапфиров. Она жаждет власти и этим может погубить тебя. Бойся девы изумрудов и рубинов, которая любит тебя. И в любви своей готова тебя убить. Бойся человека с душой из глины. И помни: не вечна молодость королей. – Конану казалось, что с каждым словом голос становится все громче, но никто из окружающих не обращал на них внимания. – Спаси трон, спаси короля, убей короля – или умри. И помни: что бы ни случилось, главное – вовремя исчезнуть.

– Старик, от твоих слов и вино скиснет, – упрекнул его Ордо.

– Да и смысл мне что-то непонятен, – признался Конан. Нельзя ли сказать яснее?

Слепой отпустил его руку и пожал плечами.

– Если бы я мог излагать свои пророчества яснее, то жил бы во дворце, а не в этом свинарнике.

Стуча палкой, он заковылял к выходу, привычно уворачиваясь от пьяных посетителей и

стороной обходя столы.

Повернувшись на пороге, он крикнул:

– Помни, Конан из Киммерии, мои слова всегда сбываются! – и с этими словами исчез в толпе.

– Старый идиот, – пробормотал Ордо. – Да и ты тоже хороши. Если тебе нужен совет, обратись к дипломированному астрологу. Зачем тебе понадобился этот шарлатан? – Он подмигнул Конану и почесался. – Ну ты как хочешь, а я пришел сюда для того, чтобы пить вино!

Одна из проституток, с ярко-алыми волосами, встала с табурета и направилась к лестнице. За ней двинулся коренастый орфянский разбойник. На освободившееся место хлопнулся Конан, жестом предлагая Ордо последовать его примеру. Он положил сверток с мечом на стол. Одноглазый схватил за руку темноглазую служанку, бедра которой были почти полностью прикрыты двумя кусками муслина.

– Вина! – заказал он. – Самый большой кувшин. И две чашки. – Служанка привычно вывернулась из его рук и скрылась на кухне.

– Ну как, насчет меня ты еще не говорил? – поинтересовался Конан.

– Говорил, но они не хотят, – со вздохом ответил Ордо и покачал головой. – Конечно, работа у меня – не бей лежачего, золота хватает всем. Но я обязан подчиняться приказам Эраниса, этого толстого ублудка, который все время смотрит куда-то в сторону. И воняет от него, как от грязной навозной кучи. Этот мешок слизи сделал мне выговор – мне, ты представляешь! – чтобы я не доверял чужакам в эти опасные времена. Времена. Тьфу!

– Ладно, забудь об этом, – сказал ему Конан. Ему стало грустно. Он все же хотел бы поработать вместе с этим медведем...

Вернувшаяся служанка поставила на стол две кожаные чашки и грубый глиняный кувшин размером в две человеческих головы. Наполнив чашки, она протянула руку за платой.

Ордо, успев ущипнуть ее, вытащил несколько медяков. А теперь иди, милочка, пока мы не решили, что нам нужно нечто значительно лучше того, чем ты тут торгуешь.

Служанка удалилась, потирая бедро, но при этом она успела бросить на Конана жаркий взгляд, в котором читалось желание обсудить поднятый вопрос более подробно.

– Я сказал ему, что ты никакой не чужак, что мы вместе с тобой занимались контрабандой в Султанапуре, – продолжил рассказ Ордо. – Но он даже не стал меня слушать! Он заявил, что ты, похоже, очень опасный человек. Сказал, чтобы я держался от тебя подальше. Похоже, он думал, что я его послушаюсь, можешь себе такое представить?

– Не могу, – согласился Конан.

Киммериец вдруг ощущил нежное прикосновение к своему кошельку. Его рука метнулась назад и подтащила воришку к столу.

Золотые локоны обрамляли по-детски невинное лицо, на котором сияли чистые голубые глаза. Пышная грудь распирала полоску красного шелка, намекая на профессию девушки. О том же говорил и поясок из медных монет, с которого свешивались куски розового полупрозрачного муслина, едва прикрывавшие ее лоно спереди и ягодицы сзади. Рука, попавшая в железный капкан киммерийца, была стиснута в кулак.

– Вот тебе и женщина «сапфиров и золота», – захотел Ордо. – Почем отдаешься, девочка?

– В следующий раз, – заметил Конан, – не пытайся практиковаться на тех, кто еще достаточно трезв. Грубо работаешь, разве что мертвецки пьяный не заметит.

На лице девушки появилась отработанная улыбка.

– Вы ошибаетесь, я хотела только прикоснуться к вам. С такого прекрасного господина я возьму совсем немного – тем более что, по словам лекаря-травника, я уже совсем выздоровела.

Ордо чуть не подавился вином.

– Травник?! Отпусти ее, Конан. В этом городе ходит двадцать девять видов оспы. Если даже она уже переболела одним из них, у нее может быть любой из оставшихся двадцати восьми.

– И она мне об этом скажет, – полуутвердительно заявил Конан. Он сильнее сжал руку девушки. На лбу ее выступили капли пота, и она тихонько вскрикнула. Рука ее разжалась, и две серебряные монеты упали в подставленную Конаном ладонь. Он мгновенно завел ей руку за спину и подтолкнул девушку к себе, прижав ее к своей груди.

– Скажи мне правду, – произнес он, глядя в ее испуганные голубые глаза. – Ты воришка или шлюха? Или то и другое сразу? Скажи правду, и я тебя отпущу. А если попытаешься соврать, я уведу тебя в номера. Получить то, что мне причитается.

Она нервно облизнула губы.

– Ты и правда меня отпустишь? – прошептала девушка. Конан кивнул. Облегченно выдохнув, так, что ее груди приподнялись к широкому торсу киммерийца, она ответила: – Я не проститутка.

– Значит, воришка, – хмыкнул Ордо. – Но готов поклясться, что оспа у нее есть.

– Ты играешь в опасную игру, девочка, – сказал Конан.

Она гордо тряхнула светлой гривой волос.

– Кто заметит еще одну шлюшку среди многих? Я беру понемногу, с каждого всего по несколько монет, и они думают, что потратили их на выпивку. А стоит только упомянуть травника, как они сразу теряют ко мне интерес. – Она привстала на цыпочки. – Я не шлюха, – прошептала она ему на ухо, – но я бы не жалела о ночи, проведенной в твоих объятиях.

– Да, – засмеялся Конан, – не шлюха, а воришка. Я знаю таких. Просыпаешься утром, а кошелек, плащ, меч, и, возможно, сапоги – фюишь – как ветром сдуло!

Глаза девушки вспыхнули пламенем гнева, и она забилась в железных объятиях киммерийца.

– Твоя удача сегодня тебя покинула, девочка. Я чувствую это. – С этими словами Конан отпустил ее. Секунду она стояла, не смея в это поверить. Тогда могучая длань варвара опустилась на ее ягодицы с такой силой, что она вскрикнула и чуть не упала. Кто-то засмеялся. – Давай, иди отсюда, – сказал ей Конан. – Твоя удача сегодня не с тобой.

– Я хожу там, где хочу, – сердито ответила она и скрылась в глубине таверны. Конан повернулся к вину, сразу забыв об инциденте. Он отхлебнул из чашки и, глядя поверх ее края, наткнулся на взгляд той девушки, что оказалась здесь не на месте. Она смотрела на него с явным одобрением. Но не больше. И она что-то писала на пергаменте.

Конан мог бы поклясться, что на этой улице едва ли найдется десяток женщин, умеющих написать хотя бы собственное имя. То же самое можно было сказать и о мужчинах.

– Нет, эта не для нас, – заметив ее взгляд, заявил Ордо. – Кто бы она ни была, ее не купишь, это видно с первого взгляда.

– Меня не интересует, кто она такая, – покривил душой Конан. Она была прекрасна, а Конан всегда испытывал слабость к красивым женщинам. – Все, что меня интересует в данный момент – это найти подходящее место прежде чем у меня совсем выйдут деньги. Я тут походил днем и заметил, что телохранители здесь в моде. Конечно, это не столь прибыльное дело, как контрабанда, но я уже не раз был телохранителем и, похоже, займусь этим снова.

Ордо кивнул.

– Да, телохранители сейчас нарасхват. Каждый, кто год назад имел одного телохранителя, сейчас имеет пятерых. У некоторых особо зажиточных, как, скажем, Фабиус Палиан и Энаро Эстариан, целые отряды на службе. Если бы у тебя был свой отряд, можно было бы сделать немало денег.

– Если бы я имел достаточно золота, чтобы его нанять, – согласился Конан. – У меня же не хватит денег на вооружение для одного человека, не то что на отряд.

Одноглазый задумчиво поводил пальцем в лужице вина.

— С тех пор, как начались всякие неприятности, половина всего нашего товара — оружие. За хороший меч берут большие деньги. — он посмотрел Конану в лицо. — Если я не ошибаюсь, мы вполне можем украсть столько, сколько потребуется для твоего отряда. Никто и не заметит.

— Как, уже мы?

— Ханумановы камни! А что же ты думал? С тех пор, как мне начали указывать, с кем я могу водиться, а с кем нет, у меня к этому делу душа охладела.

— Тогда остается проблема, где достать серебро для выплаты первого жалованья. Скажем, для пятидесяти человек...

— Золото, — поправил его Ордо. — Нынешние цены — по золотой марке на человека.

Конан присвистнул.

— Вряд ли я когда-нибудь увижу столько в одном месте сразу. Если, конечно, ты мне их...

— Ты же меня знаешь, — грустно покачал головой Ордо. Я слишком люблю женщин, вино и игру в кости. Деньги долго не задерживаются.

— Вор! — завопил кто-то. — Вора поймали!

Конан оглянулся и увидел, как все та же блондинка с детским невинным лицом пытается вырваться из рук приземистого бородача в заляпанной маслом рубахе и высокого мужчины, посадкой своих глаз чем-то напоминающего крысу. — Она залезла ко мне в кошелек! Я поймал ее на месте! — торжествовал бородатый.

Со всех сторон посыпались непристойные советы.

— Я же сказал ей, что удача ушла, — пробормотал Конан.

Девушка закричала, когда бородач сорвал шелк с ее груди. Затем он кинул ее в руки высокого, который уже взобрался на стол. Как она ни сопротивлялась, он сорвал с нее остатки одежд и повернул ее лицом к себе.. Бородач потряс над головой стаканчик с игральными костями.

— Ну, кто желает попытать счастья? — Около него собралась толпа мужчин.

— Пойдем отсюда, — сказал Конан. — Не хочу этого видеть. — Он поднял завернутый в плащ меч и направился к выходу. Ордо бросил полный сожаления взгляд на едва начатый кувшин и последовал за ним.

У дверей Конан вновь поймал на себе взгляд той загадочной женщины в простом синем платье. На этот раз во взгляде сквозило неодобрение. «И что он такого сделал?» — удивился Конан. Впрочем, к черту все это. У него есть дела поважнее.

Глава 3

На улицу Сожалений легла ночная прохлада, и ее обитатели встретили темноту с удесятеренной активностью, будто пытаясь движением восполнить недостаток одежд. Шлюхи не дрейфовали, а буквально прыгали от одного потенциального клиента к другому. Акробаты изгибались и кувыркались, демонстрируя полное пренебрежение к законам земного тяготения и анатомии собственного тела, в обмен на это получая только пьяный смех прохожих. Но они тем не менее упорно продолжали свое занятие.

Конан задержался, глядя на жонглера. Целых шесть горящих факелов торжественно выписывали в воздухе над лысой головой актера огненный круг. Рядом с ним, как и повсюду здесь, стояла небольшая кучка зевак.

Представление их не особенно интересовало. Парочка уйдет, парочка присоединится, и тоже ненадолго. Конану стало немного жаль жонглера, и он, нашупав в кошеле медяк, бросил его в лежащую на земле шапку. Он заметил, что в шапке лежало всего лишь две монетки. К его удивлению, жонглер развернулся к нему лицом, не прекращая жонглировать поклонился, как щедрому меценату, и начал откалывать совсем уж немыслимые коленца, пропуская факелы между ног, за спиной, так что стал теперь казаться заключенным в огненное кольцо.

Ордо потянул Конана за рукав, вытащив из толпы.

– Всего за медяк, а! – бормотал он себе под нос. – А ведь совсем недавно он такие штуки делал не меньше чем за полновесную серебряную монету, а то и больше. Нищета!

– Да, – согласился Конан. – По-моему, город спятил. Я нигде по эту сторону Валайстского моря не видел столько нищих. Их здесь настолько много, и они настолько бедны, что дадут сто очков вперед любым другим трем городам, вместе взятым. От цен, которые заламывают здешние торговцы, купца в Султанапуре хватил бы удар, а у здешних такие кислые лица, будто они вот-вот по миру пойдут. Два кувшина вина стоят целый серебряный, а жонглер показывает свои лучшие трюки всего за грош. Похоже, здесь всем наплевать, что будет завтра. Скажи мне, что здесь происходит?

– Слушай, я тебе что, ученый? Жрец? Пророк? Я слышал, ходят слухи, что здешний трон проклят богами, что сам Гариан проклят.

Конан непроизвольно сделал отгоняющий злых духов жест. С проклятиями следовало быть поосторожнее. Несколько прохожих заметили движение руки киммерийца и поспешили убраться в тень. У них, по-видимому, хватало и собственных проблем, и лишние им были ни к чему.

– Слушай, – спросил после недолгого раздумья Конан, насчет вот этого самого проклятья. Оно как, официально объявлено? Допустим, выступил жрец, или там парочка дипломированных астрологов?

– Нет, ничего такого не было, – признал Ордо. – Но об этом болтают все, кому не лень.

– Ну так какого...

Ты как попугай все это повторяешь? – грязно выругался Конан. – Ты же прекрасно знаешь, что то, о чем все кому не лень болтают, скорее всего обыкновенная ложь. Или есть хоть какие-нибудь доказательства?

– О да, такие доказательства есть, киммериец, – заявил Ордо, тыкая в Конана пальцем для вящей убедительности. – В тот самый день, когда Гариан унаследовал трон, на улицах города свирепствовал жуткий монстр. Убил человек двадцать, не меньше. Он выглядел так, как выглядел бы человек, если его сделать из глины, а потом смять, не очень сильно. А некоторые поговаривают, что он был похож на самого Гариана.

– Человек из глины... – задумчиво повторил Конан, вспомнив о данном ему пророчестве.

– Да забудь ты про этого слепого осла, – посоветовал ему Ордо. – К тому же, того монстра сразу прикончили. Кстати, это сделала вовсе не городская стража, которую ничем из казарм не выманишь. Какая-то старушка, не помнящая себя от страха, запустила в это чудовище масляной лампой. Оно вспыхнуло моментально, потом один только пепел остался. Стражники хотели ту старушку забрать, якобы им нужно было задать ей «парочку вопросов», но соседи ее отстояли. Забросали этих бездельников ночными горшками.

– Ладно, пойдем дальше, – Конан свернул в переулок.

Ордо остановился.

– Ты хоть понимаешь, куда идешь? Там же Врата Ада!

– За нами следят, – объяснил Конан. – Еще от «Бодливого Быка». Мне интересно узнать, кто это. Нам сюда.

Уличка стала еще уже и свернула в сторону. Сюда уже не долетал свет с улицы Сожалений. Запах падали и мочи резко усилился. Здесь не было мостовой, лишь случайный хруст камешка под сапогом да их собственное дыхание нарушали тишину. Они двигались в полной темноте, лишь иногда прорезаемой светом из окон, находившихся настолько высоко, что живущие за ними могли чувствовать себя в некоторой безопасности.

– Продолжай говорить, – прошипел Конан. – О чем угодно. Что у вас за король, этот самый Гариан.

– Расскажи ему все, да расскажи, – пробормотал Ордо. Он король – и больше мне нечего о нем сказать. Лично мне на королей наплевать. Да и тебе, вроде, тоже.

– Ты прав, – согласился Конан и добавил, понизив голос: – Продолжай. Мы слишком пьяны, чтобы молчать, гуляя в такое время в районе Адских ворот. – Конан проверил, как движется в ножнах меч. Далекий свет из окон отразился в его глазах, придав ему сходство с лесным животным. С хищником. Ордо запнулся обо что-то вонючее, с сочным чавканьем облепившее его сапоги.

– Да разрази гром это поганое место! Ну что еще я могу сказать о Гариане? Хорошо, что он избавился от этих чародеев. Короли мне нравятся больше, чем эти чернокнижники.

– Как это ему удалось? – спросил Конан, прислушиваясь кенным звукам. Кажется, скрипнул песок под ногой?

– О, это у него вышло очень просто. На третий день своего правления он обезглавил всех придворных заклинателей. У его отца, Гатениуса, их было несколько дюжин. Кое-кому из них все же удалось спастись, а остальных... Гариан отдал приказ своим Золотым Леопардам перед рассветом, и уже к восходу солнца всех вытащили из постели и обезглавили. Гариан заявил потом, что те из них, которые успели бежать, были подлинными чародеями, и поэтому он не станет конфисковывать их имущество. А те, кто не сумел разгадать его, Гариана, замысел, на самом деле были паразитами и шарлатанами. Он раздал их имущество беднякам – в том числе даже обитателям этого квартала. Последнее его доброе дело.

– Интересно, – протянул задумчиво Конан. Вглядываясь в мрак перед собой, он заметил впереди перекресток. А что сзади? Оттуда доносилась приглушенная ругань кого-то, кто вступил в оставленный Ордо след. – Продолжай, – подбодрил он друга. Едва слышно прошелестел вынутый из ножен меч.

– А вот насчет проклятия, – заметил Ордо как бы между делом. – Гатениус заболел сразу после сева зерна. Как только он слег, наступила засуха. В Офире выдалось дождливое лето. Как из ведра, лило в Аквилонии. Но в Немедии дождя не выпало ни капли. И чем хуже делалось Гатениусу, и чем ближе становился для Гариана трон, тем погода делалась все жарче и жарче. Когда он вступил на престол, наши поля были уже как высушенная кость. Вот и говори теперь,

что никакого проклятия не было.

Они достигли перекрестка. Конан отступил в поперечную аллейку, знаком указав Ордо следовать вперед. Спотыкаясь, одноглазый здоровяк проследовал мимо.

— Зерна не было, и Гариан купил его в Аквилонии. Чтобы заплатить за него, он повысил налоги и пошлины. Какие-то спящие разбойники начали громить хлебные обозы, и король снова увеличил пошлину, чтобы оплатить охрану обозов и чтобы купить еще зерна, потому что эти ублюдки не успокаиваются и по-прежнему продолжают жечь хлеб. Конечно, здесь рай для контрабандиста, но уж лучше бы я...

Конан прислушивался и ждал. Он даже хотел было развернуть то волнистое лезвие, но все же оно показалось ему, скажем так, нечистым, и поэтому они не стал этого делать, а просто прислонил сверток к стене. Шаги приблизились. Похоже, за ними шел только один человек.

Закутанная в плащ фигура приблизилась к перекрестку и остановилась — прислушиваясь, наверное, к шагам удаляющегося Ордо. Конан шагнул вперед, ухватил незнакомца за плечо и швырнул к стене, вышибая из него дух. Приставив к горлу преследователя меч, он подтащил его к свету, падавшему из какого-то окна. Конан чуть не вывихнул от изумления челюсть, когда узнал лицо той девушки, что наблюдала за ними в таверне. В ее глазах светился страх, но голос ее не дрогнул.

— Ты хочешь убить меня? Думаю, ты не постыдишься убить беззащитную женщину. Ты ведь так легко бросаешь их на произвол судьбы.

— О чём ты говоришь? — не понял Конан. — Ты что, девочка, работаешь на грабителей?

С виду эта женщина, конечно, не походила на приманку, но киммериец видел в своей жизни и не такое.

— Нет, конечно, — ответила девушка. — Я пишу стихи. Меня зовут Ариана. А теперь, если ты не собираешься перерезать мне горло, ты не мог бы убрать меч? Ты что, не видел, чем они там занимались, когда вы ушли? Совсем-совсем ничего?

— Кром! — крякнул Конан, опуская меч. — Связывайся с такими...

Девушка нервно сглотнула и продолжила.

— Они разыгрывали в кости право...

Очереди с ней. Каждый хотел принять участие. А в ожидании они по очереди били ее по ягодицам, пока те не стали напоминать две спелые сливы.

— А, блондинка! — восхитился Конан. — Ты говоришь про ту светловолосую воровку? И что же, ты пошла за мной только для того, чтобы рассказать мне обо всем этом? Сюда, в Адские Врата?

— Я знала, что вы пойдете именно сюда, — сердито призналась она. — Вообще-то я часто поступаю, не подумав. А тебе какое дело, где я хожу? Я свободная женщина, не рабыня, — во всяком случае, не твоя. Бедняжка. Когда ты ее отпустил, я решила, что ты ей посочувствовал, что ты не такой, как все эти скоты — несмотря на твой облик — но...

— А ты знала, что она воровка? — сурово спросил Конан.

— Но ведь ей же надо на что-то жить, — она перешла к обороне. — Едва ли ты знаешь, как люди становятся ворами, что толкает их на это. Во всем виновата их бедность, голод и нищета. Откуда тебе об этом знать. С таким здоровенным мечом и огромными мышцами и, и...

— Заткнись! — скомандовал Конан, и тут же приглушил голос, огляделвшись по сторонам. Ни к чему привлекать к себе внимание. Он посмотрел на нее. — Я знаю, что такое бедность. Мне известно, что такое голод. Что значит быть вором. Я с этим давно знаком. Я голодал, был нищим, воровал — еще прежде чем начал бриться.

— Мне очень жаль... — медленно произнесла она, и Конан с раздражением подумал, что это в равной мере может относиться и к его словам, и к ее обвинениям.

– Что касается той девушки – я дал ей шанс. Отпустил ее. Она выбросила его на ветер. Я же ей сказал, что удачи ей не будет. Ты ведь это видела.

– Наверное, – вздохнула Ариана. – Надо было мне с ней поговорить.

Конан покачал головой.

– Ну что ты за женщина? Стихи пишешь! Сидишь в кабаке на улице Сожалений и печешься о ворах. Одеваешься, как дочка торговца, никогда не знавшая мужчину, а говоришь, как благородная. Ты последовала к Вратам Ада, чтобы меня пристыдить, да? – засмеялся Конан. Сейчас вернется Ордо, и мы отведем тебя обратно, и сохрани тебя Митра от сводников и разбойников.

В глазах девушки сверкнул опасный огонек.

– Я поэт, и неплохой причем. А что такого ты нашел в моем платье? Тебе, наверное, хотелось бы видеть меня чуть прикрытой полупрозрачным шелком, врачающей задницей, как на...

Конан зажал ей рот своей ладонью и замер, прислушиваясь к тишине. Ее глаза испуганно раскрылись. Да, настороживший киммерийца звук повторился – звук извлечаемой из ножен стали. Толкнув девушку в глубину переулка, Конан повернулся и встретил мечом атаку первого из нападавших. Тот рухнул на землю, заливая все вокруг кровью из взрезанного горла.

Из темноты показались еще трое. Первый споткнулся о труп и жалобно вскрикнул, когда меч киммерийца впился в основание его шеи. Сзади них послышался вопль, перешедший в бульканье и крик – «красный сокол» дал ему знать, что в бой вступил Ордо.

Воин перед Конаном присел – пытаясь понять, что же происходит за его спиной, и не выпустить при этом противника из поля зрения.

Конан вскрикнул, сделав обманное движение, как будто собираясь ударить сверху. Его противник попытался отразить этот удар своей саблей. Выпад – и клинок Конана на целый локоть вышел из спины. В глазах умирающего Конан увидел осознание смерти. Затем там осталась лишь смерть. Конан вытащил меч и вытер его о плащ убитого.

– Конан, тебя не задели? – спотыкаясь о тела, Ордо двинулся к нему.

– Нет, я просто вытираю меч... – Невыносимая вонь заползла ему в ноздри, и он выругался. – Кром! Что это за запах!

– Я на чем-то поскользнулся, – виновато объяснил одноглазый. – Поэтому я немного задержался. А это что за девка?

– Я не девка, – заявила Ариана.

– Ее зовут Ариана, – ответил Конан, задумчиво наблюдая, как девушка прячет очень даже не игрушечный кинжал в складках плаща. – А ты вроде его раньше не доставала, да?

– Он был со мной, – ответила она. – Я, может быть, решила, что с тобой мне кинжал не потребуется. А это что, были твои друзья?

– Грабители, – пренебрежительно фыркнул он.

Ордо, закончив изучение трупов, распрямился. Взгляни-ка сам, Конан. Что-то уж слишком они хорошо одеты для здешних мест.

– Здешняя элита, – ухмыльнулся Конан, сморщив нос. Ордо, как только мы вернемся, ты немедленно идешь в баню. Во всяком случае, если ты намерен продолжить с выпивкой.

Ордо пробормотал что-то непонятное.

– Если бы не баня, – задумчиво произнесла Ариана, закусив губу. Она нерешительно кивнула. – Да, все будет нормально, – сказала она как бы для себя. – Совсем рядом с улицей Сожалений есть трактир, они называется «Знак Тестис». Там можно вымыться. Вы можете прийти туда в качестве моих гостей. По крайней мере, на этот вечер.

– Тестис, – нахмурился Конан. – Кто хоть раз слышал о кабаке, названном в честь

покровительницы музыки и всякого такого?..

— Достаточно того, что я слышала, — осадила его Ариана. — Если вы гости, то еда, вино и постель — бесплатно. Хотя если вы захотите сделать пожертвования, никто возражать не станет. Увидите — поймете. Ну как? Идете, или собираетесь вонять до тех пор, пока не решитесь выложить пару серебряных за баню?

— С чего бы это? — подозрительно спросил Конан. — Вроде бы совсем недавно ты не питала ко мне никаких дружественных чувств.

— Ты мне интересен, — просто ответила она. Ордо мерзко хихикнул; если бы от него пахло хоть чуточку лучше, Конан обязательно дал бы ему оплеуху. — Ладно, пошли, — сказал Конан, поднимая с земли древний меч. — Сваливаем отсюда, пока здесь не собрались все местные подонки.

Они двинулись обратно.

Глава 4

Сердитым рывком затянув золотистый пояс халата, Албанус вышел из спальни в коридор. Золотые светильники мягко освещали стены, на которых искусный скульптор изобразил батальные сцены из жизни Брагораса. От этого полулегендарного короля Немедии Албанус вел свое происхождение, причем как по линии отца, так и по линии матери.

Лорд приказал своим слугам, чтобы его разбудили немедленно, как только появятся ожидаемые им люди.

Судя по всему, ни Деметру, ни Ведженту поспать этой ночью не удалось. Украшенная изображением леопарда верхняя накидка воина была помятой и вся в пятнах пота. Глаза стройного юноши покраснели от бессонницы.

– Итак, что же вам удалось узнать? – Албанус взял быка за рога.

Деметр пожал плечами и, как всегда, сунул нос в благовония.

Веджент, с трудом сдержав усталый гнев, ответил:

– Ничего. Меч исчез. И черт с ним. Нам он не нужен вообще, а бедному Мелиусу больше не понадобится. Хотя, клянусь Митрой, невелика потеря.

– Откуда мне было знать, что проклятый меч завладеет его умом? – крикнул Албанус и, с трудом взяв себя в руки, добавил: – Меч должен вернуться ко мне. Еще один такой инцидент, еще один такой берсеркер на улицах, и Гариан поймет, что здесь замешано волшебство. Даже при всей его нелюбви к магии он вполне может пригласить ко двору настоящего чародея, чтобы тот разобрался в происходящем. Я не могу этого допустить. Это будет крах всех моих планов!

– Наших планов, – вкрадчиво поправил Деметр, скрывшись за своей коробочкой с благовониями.

Албанус улыбнулся одними губами.

– Наших планов, – согласился он. Улыбка исчезла с его лица. – Вы стражников допросили? Ведь они действительно убили досточтимого Мелиуса. Веджент коротко кивнул.

– Допросили всех, кроме их сержанта. Он исчез из казармы, когда мои Золотые Леопарды окружили их и начали аресты. Он чувствует вину, помяните мое слово. Он что-то знает.

– Наверное, – пробормотал Деметр. – Он слишком хорошо знаком с методами допроса.

– Если это не он захватил с собой меч, – пробормотал Албанус. – Так что же показали стражники?

– Ничего существенного, – вздохнул Веджент. – По большей части они просили о пощаде. Все, что им было известно, – что им приказали остановить сумасшедшего, который рубил мечом прохожих в торговом районе. Когда они прибыли на место, Мелиус бился с каким-то северным варваром. Они убили лорда, а когда поняли, что натворили, то от страха забыли про меч. Они даже не захватили того варвара с собой.

– Он что, остался жив? – удивился Албанус. – Должно быть, мастер боя на мечах.

Веджент расхохотался.

– Да Мелиус с трудом мог отличить один конец меча от другого, не то что сражаться.

– Дело в самом мече, – пояснил Албанус. – Шесть мастеров были убиты в процессе его изготовления, их кровь была использована для его закалки после нагрева в костре из их костей. Сущность их искусства смешалась со сталью меча.

– Круши да руби – вот и все, что знает Веджент, – усмехнулся Деметр. – Но настоящее искусство фехтования... – сталь его клинка запела в воздухе, —...

Ему не по зубам. – И Деметр, скользя по ковру, выполнил сложный трюк.

– Ха, – заявил Веджент. – Все эти штучки хороши на дуэлях до первой крови,

распространенных среди благородных. Иное дело в битве, когда от меча зависит твоя жизнь.

— Ну хватит! — прикрикнул на них хозяин. — Вы оба, заткнитесь! — Он перевел дыхание. Наступит день, и он разрешит им сразиться. А победителя посадит на кол. Но время пока еще не наступило. Еще не все сделано, и нельзя дать всем усилиям пропасть даром.

— Варвар, возможно, взял меч с собой. Найдите его! Найдите клинок!

— Я уже начал, — хитро заявил солдат. — Я оповестил Таэраса. Теперь его трущобные крысы будут охотиться за этим мечом ночь напролет.

— Отлично, — потер ладони Албанус. Звук при этом получился, как от пергамента. — А ты, Деметр? Что ты делаешь, чтобы найти меч?

— Задаю тысячи вопросов, — устало ответил юноша. — От улицы Сожалений до Дома Тысячи Орхидей. Я ничего не узнал. Если бы досточтимый Веджент известил меня об этом варваре раньше, мне бы, возможно, было проще его найти.

Веджент демонстративно рассматривал свои ногти. На его губах змеилась улыбка.

— Кто бы мог подумать, что ты побывал в Доме Тысячи Орхидей? Они же предоставляют клиентам только женщин.

Деметр с треском вогнал клинок в ножны, как бы вонзая его в сердце солдата. Но прежде, чем он успел что-либо сказать, вмешался хозяин.

— Не время ссориться. Найдите меч. Украдите. Купите, если придется. Верните его сюда — мне все равно, как. И не привлекайте к себе лишнего внимания.

— А если нашедший его уже успел узнать о чудесных свойствах меча? — осторожно спросил Деметр.

— Тогда убейте его, — не раздумывая, ответил Албанус. — Его или ее. — Он повернулся, готовясь уйти.

— И еще одно, — неожиданно сказал Веджент. — Таэрас хочет встретиться с вами.

Албанус повернулся и посмотрел ему в лицо. Глаза его метали молнии.

— И этот голодранец осмеливается хотя бы мечтать об этом? Да он должен камни лизать на мостовой за то золото, которое уже получил от нас! — Он боится, — ответил Веджент. — Он и еще несколько его людей. Они не могут понять, зачем они делают все то, что им приказывают. Я могу их запугать, конечно, но даже золото вряд ли вернет им утраченное мужество, если вы, лорд, не встретитесь с ними лицом к лицу и не убедите их в том, что все пойдет согласно вашему плану.

— Разрази их Митра! — Поднятые вверх глаза Албануса задержались на барельефе. Неужели Брагорасу тоже приходилось иметь дело с таким дерьямом? — Ладно. Договоритесь о встрече где-нибудь в тихом местечке.

— Слушаюсь.

Впервые настоящая улыбка появилась на лице Албануса. Когда я займу трон, то первым делом прикажу запороть Таэраса и его прихлебателей насмерть. На площади Королей. Хороший правитель должен защищать народ от таких, как они. Ха-ха. А теперь — идите. И без меча не возвращайтесь!

Он резко повернулся и ушел, не в силах больше переносить общество своих гостей. Они полные идиоты, если не видят, что в его глазах они ничуть не лучше того же Таэраса. И кончат не лучше. Кто предал одного короля, запросто предаст и другого.

В тусклом полумраке спальни он нетерпеливо подошел к висящему на стене квадратному куску хрустала. На тонком материале не было никаких знаков, кроме загадочных символов по его внешнему краю. В свете единственного светильника буквы были почти не видны, но благодаря долгой практике пальцы Албануса нажали их в нужной последовательности, в то время как он произносил слова мертвого языка.

Кристалл потемнел. Внутри него медленно появилось изображение. Человек двигался и размахивал руками, что-то говорил, но звуков не было слышно. Албанус смотрел на Гариана, который, ощущая себя в безопасности, разговаривал с длиннобородым Сульпициусом и лысым Малярином, своими доверенными советниками.

Король был высок и до сих пор не утратил силы, которую приобрел в детстве и юности, проведенных вместе с армией. Но полгода бездействия уже покрыли его тонким слоем жира. Его лицо с квадратной челюстью и глубоко посаженными глазами утратило прежнюю открытость – тоже благодаря короне. Пальцы Албануса пробежали по краю кристалла, и лицо Гариана заполнило весь квадрат.

– Зачем ты так часто это делаешь?

Блондинка, задавшая этот вопрос, смотрела на него сквозь опущенные веки своими сапфировыми кошачими глазами. Она потянулась, и ее тело отразило свет, как хорошо полированная слоновая кость, а ее длинные ноги показались еще длиннее. Ее большие грушевидные груди приподнялись, когда она изогнула спину. В Албанусе проснулось желание.

– Почему ты не отвечаешь? – невинным голоском спросила она.

Вот сука, подумал Албанус.

– Для меня это значит, что он как бы здесь, вместе с нами, и смотрит, как ты кричишь и извиваешься в моих объятиях, Сулария.

– Вот как ты ко мне относишься, – ее голос напоминал бальзам. – Так это всего лишь способ отомстить Гариану?

– Да, – грубо заявил он. – Если бы у него была жена или дочь, они бы тоже разделили со мной постель.

Ее глаза устремились к лицу в кристалле.

– У него нет времени даже для меня, его фаворитки, не то что для жены. Конечно, большинство неприятностей ему создал ты. А что если твои заговорщики узнают, какому риску ты их подвергаешь, встречаясь с королевской фавориткой? Что они тогда сделают?

– По-твоему, это опасно? – Его голос стал жестче. – Уж не себя ли ты считаешь главной опасностью?

Она повернула к нему лицо, изогнувшись, чтобы подчеркнуть стройность талии.

– Я совершенно безопасна, – прошептала она. – Я желаю только одного – служить тебе.

– Почему? – настаивал он. – Сначала я хотел всего лишь переспать с тобой, а ты зачем-то начала шпионить для меня во дворце, и рассказывать потом на коленях, что вот тот сделал это, а этот сделал то. Почему?

– Власть, – коротко выдохнула она. – Я могу чувствовать в людях их силу, я чувствую, кто скоро станет могуч. Меня тянет к ним, как мотылька – на пламя свечи. В тебе я чувствую силу значительно большую, чем в Гариане. – Ты чувствуешь силу, – прикрывая глаза, повторил Албанус и тихо добавил, – я тоже чувствую силу внутри себя. Я всегда ее ощущал, знал о ней. Я рожден быть королем, рожден сделать Немедию империей. И ты – первый человек, который это понял. Скоро, очень скоро люди выйдут с оружием на улицы и потребуют, чтобы Гариан отрекся от власти – в мою пользу. В этот день я возведу тебя во дворянское звание, дам тебе титул. Сулария. Леди Сулария.

– Благодарю, Ваше Высочество.

Албанус сбросил халат, и повернулся так, чтобы человек в кристалле, если бы он мог видеть происходящее, имел бы прекрасный обзор.

– Иди и славь своего короля, – приказал он.

Улыбаясь, женщина подползла к нему на коленях.

Глава 5

Утром, спускаясь в общую залу «Знака Тестис», Конан решил, что попал в логово лунатиков.

Рассевшись по углам, музыканты играли на трех арфах, четырех ситарах, двух лирах и трех флейтах разных размеров. И каждый играл свое. Обращаясь к стене, какой-то чудак читал стихи, сопровождая их драматическими жестами. Примерно дюжина юношей и девушек, сидевших у заваленного кусками скульптур большого стола, спорили, перекрывая музыку. Они указывали друг другу на недостатки в работе. У самой лестницы трое каких-то людей кричали друг на друга, пытаясь выяснить, когда морально низкое действие может потребоваться для спасения общественной морали. Во всяком случае, Конану именно это показалось. И вообще все присутствующие, среди которых каждый был едва ли старше других, о чем-то кричали.

Конана и Ордо здесь приняли вполне доброжелательно. Поздним вечером, когда они появились, в трактире было едва ли двадцать человек. Если, конечно, это был трактир.

Эти чудики смотрели на них так, как будто Ариана привела двух бритюнианских медведей. И здесь ни у кого не было оружия – так, несколько ножей для еды. Едва ли больше.

Пока Ордо отмывался в здешней бане – в деревянной лохани прямо на глиняном дворе, это вам не мраморное великолепие всего остального города – Конан сидел, окруженный этими странными людьми, и рассказывал им истории. Едва лишь в его чашке начинало показываться дно, ее тут же наполняли вновь, и просили рассказать еще. Когда вернулся Ордо, заставили говорить и его. И они до самого утра пытались перещеголять друг друга рассказами о своих похождениях.

Эти странные юноши и девушки – как им было сказано, художники, музыканты и даже философы – слушали их, открыв рты, как будто никогда такого прежде не слышали. Время от времени философы отпускали весьма странные замечания, оставлявшие Конана в недоумении. Понадобилось немало времени, прежде чем Конан понял, что остальные этих замечаний тоже не понимают. За каждой репликой следовала тишина, как будто ждали, что гости кивнут, соглашаясь, или рассмеются над шуткой. Пару раз Конану показалось, что над ним насмехаются, но он не стал никак на это реагировать. Не стоит убивать человека, пока не понял смысла его слов.

Он протиснулся между философами – те даже не заметили его появления – и остановился в изумлении.

На столе в углу залы стояла обнаженная Ариана. Тонкая, но с полными грудями. Ее изящная талия в сочетании с округлыми бедрами производила приятное впечатление.

Стряхнув плащ с плеча – древний меч был надежно припрятан в комнате, где Конан провел ночь – он прошел через весь зал и сунул плащ ей.

– Держи. Это занятие не для тебя. Если тебе нужны деньги, то у меня пока хватит на двоих.

Секунду она смотрела на него, а потом, откинув голову назад, расхохоталась. Конан побагровел – он не любил насмешек. Она мгновенно опустилась на колени. Ее лицо было полно раскаяния. Ее груди покачивались всего на расстоянии ладони от носа Конана, и на его лбу внезапно выступили капли пота.

– Прости, Конан, – сказала она тихо (насколько можно тихо). – Это самое лучшее, что мне когда-либо говорили. Мне не следовало смеяться.

– Если тебе так уж хочется покрасоваться голой перед людьми, – обиженно сказал Конан, – почему бы тебе не выбрать местечко побогаче?

– Видишь этих людей? – она указала на трех мужчин и двух женщин, сидевших рядом с их столом. У каждого из них был прикрепленный к доске лист пергамента, а в руке – кусок угля.

Все они метали в него странные взгляды.

— Я позирую для них. У них нет денег, чтобы кого-нибудь для этого нанять. Я согласилась им помочь.

— Прямо здесь? — с сомнением спросил Конан.

— Здесь не такое уж людное место, — удивилась она. — Кроме того, здесь каждый — художник. Они меня даже не замечают.

Оглядев ее оценивающим взглядом, Конан был готов отстаивать иную точку зрения. Но он только сказал:

— Что ж, это твое дело.

— Да, ты прав.

Она помахала рисовальщикам и соскочила со стола, выделявая всякие интересные подпрыгивания и покачивания. Конану захотелось, чтобы она перестала прыгать. Что за поведение! Он с трудом сдерживался от того, чтобы перекинуть ее через плечо и оттащить к себе в комнату. Потом он заметил огонек в ее глазах и ярко вспыхнувшие щеки. Да она же все понимает, догадался Конан.

Быстрым движением она взяла плащ из его рук и завернулась в него.

— А сейчас я хочу выпить вина. Вместе с тобой. — Конан вопросительно поднял бровь, и она прыснула со смеху. — Есть большая разница. Там, на столе, я позировала, здесь же я нарушаю приличия. Идем, вон освободился стол.

Она метнулась в сторону. Конан последовал за ней, размышляя о том, какое небольшое расстояние от земли до стола и где же здесь большая разница, и сомневаясь, что он когда-нибудь понимал женщин.

Как только он уселся на табурет, кто-то грохнул на стол кувшин вина и две металлические чашки и исчез, прежде чем Конан достал монету.

— Впервые вижу заведение, где не требуют платить вперед, — удивился он.

— Тебе разве никто этого не объяснил? — рассмеялась Ариана.

— Может, и рассказывали об этом. Слишком уж много вина вчера было.

— А ты что, действительно совершил все то, о чем рассказывал вчера вечером? — Она наклонилась ближе, и Конан увидел верхнюю часть ее груди через немного распахнувшийся плащ. Каким-то уголком своего мозга Конан отметил, что на него это действовало так же возбуждающе, как и вид груди, обнаженной целиком. Не сделано ли это нарочно?

— Ну так, кое-что, — осторожно ответил он. По правде говоря, он просто не помнил, что они с Ордо вчера наболтали. Вина было более чем достаточно. Он наполнил чашки.

— Я так и подумала, — с удовлетворением заметила Ариана. Что касается денег, то ты даешь, сколько можешь. Так поступает каждый. Хотя от тех, кто пришел на день, мы ничего не ждем. Некоторые из нас получают деньги от своих семей. Все идет в дело. Они этого не одобряют — я говорю о семьях — но значительно больше им не хочется иметь своих отпрысков у себя дома. Их это стесняет. А если у нас что остается, мы распределяем это среди бедных. Конечно, этого мало, — вздохнула она, — но голодный рад и крошке хлеба.

— У кого-то из них достаточно богатые семьи? — недоверчиво спросил Конан, обведя взглядом присутствующих.

— Мой отец — лорд, — призналась Ариана. В ее устах это прозвучало как признание в преступлении — быть лордом или даже быть дочерью такого лорда. — Так какого черта ты живешь здесь, рядом с трущобами Врат Ада, и почему ты позируешь, стоя на столах? Ты что, не можешь писать стихи во дворце отца?

Ариана вздохнула.

— Конан, ты что, не понимаешь? Это же несправедливо, когда знать владеет всем золотом и

живет во дворцах, а бедняки мрут с голоду.

— Может, и так, — ответил Конан. — Но мне золото нравится, хотя я и имел не очень-то много золота. Ну а что касается бедных... Если бы я был богат, многие бы поправили свое состояние за счет того, что я пропью и прогуляю.

— Чего еще можно было от тебя ожидать? — к столу подсел невероятно тощий мужчина. Его лицо казалось мрачным из-за сходившихся на переносице бровей. Он схватил чашку Арианы и одним глотком ополовинил ее.

— По крайней мере, это был честный ответ, Стефано, — ответила ему Ариана. Тот фыркнул.

Теперь Конан вспомнил его. Вечером он называл себя скульптором, и к тому же распускал руки. Тогда Ариана не возражала. Но сегодня она сердито отобрала свою чашку.

— Он щедр, Стефано. Я думаю, он не утратит щедрость, даже если разбогатеет. — Она посмотрела Конану в лицо. — Но разве ты не видишь, что одной щедрости недостаточно? За Адскими Вратами многим не хватает на хлеб, а лорды сидят у себя во дворцах и в ус не дуют. Купцы жиреют день ото дня. Гариан — плохой правитель. По-моему, ясно, что следует делать.

— Ариана, — прикрикнул Стефано, — ты говоришь опасные слова. Придержи язык!

— Какое право ты имеешь так со мной разговаривать! — разгневанно заявила женщина. — Что бы ни было между нами, я еще не твоя собственность. — Я этого и не говорил, — так же экспансивно ответил Стефано. — Я прошу тебя во имя того, что ты сама поручала моему руководству, — не говори так в присутствии незнакомцев!

Ариана презрительно тряхнула головой. Глаза ее были холодны.

— Не ревность ли говорит твоими устами, Стефано? Уж не хочешь ли ты избавиться от соперника?

Скульптор побагровел.

— Может быть, он и чужестранец, — продолжила она. — Но он тот, кто нам нужен. Воин. Сколько раз Таэрэс говорил тебе об этом? Нам нужны бойцы, если мы хотим...

— Спаси нас Митра и сохрани! — простонал Стефано. — Что для тебя осторожность, девочка? Это же северный варвар! Он даже не знает, кто его отец. Он готов продать свою гордость за серебряную монету. Осторожней в высказываниях!

Левой рукой Конан чуть вынул меч из ножен, так, чтобы стал виден полированный металл.

— Когда я был еще мальчишкой, я видел, как умер мой отец. С оружием в руках. Этим самым клинком я убил тех, кто это сделал. Есть еще вопросы? Стефано, выпучив глаза, замолк. Задыхаясь, он наконец произнес:

— Вот. Вот видишь, что он за человек. — Проскрипев табуретом, он поднялся. — Идем со мной, Ариана. Оставь его.

Ариана, демонстративно не замечая скульптора, придинула свою чашку к киммерийцу.

— Не нальешь ли ты мне еще вина?

Стефано неуверенно посмотрел на них, сделал шаг назад и, прошипев: «Придержи язык!», торопливо скрылся, чуть не налетев на соседний стол.

— Ну что, будешь молчать? — тихо спросил Ариану Конан.

Казалось, она была погружена в созерцание вина.

— Судя по твоим рассказам, ты служишь тем, у кого есть золото. Всегда ли ты служишь тем, кто больше платит?

— Нет, не всегда, — ответил киммериец. — Порой я отказывался от золота, чтобы не выполнять несправедливых приказов. Но я люблю золото, — добавил он, вздохнув.

Ариана поднялась и запахнула плащ.

— Возможно...

Возможно, мы поговорим об этом позже. Они ждут, что я продолжу позировать.

– Ариана, – начал было Конан, но девушка перебила его.

– Стефано думал, что имеет на меня особые права, – сказала она быстро. – На самом деле нет. – И удалилась почти так же быстро, как Стефано.

Ругнувшись себе под нос, Конан закончил с вином и повернулся. Ариана как раз сбросила плащ и поднялась на стол. Через минуту их взгляды встретились. Она отвела глаза. И снова вернула взгляд. И снова. Грудь вздымалась в участившемся дыхании. На ее щеках появились красные пятна, разгоравшиеся все ярче и ярче. Неожиданно вскрикнув, она соскочила со стола, подхватила плащ, завернулась в него и убежала по лестнице. Киммериец удовлетворенно улыбнулся и налил еще вина. Похоже, дела не так плохи, как он думал.

На освободившееся место опустился Ордо.

– Слышал, что здесь говорят? – вкрадчиво спросил он. – Если бы здесь нашелся доносчик, многие головы украсили бы пики на городской стене. «За недозволенные намерения.»

Конан оглянулся. Никто не смотрел на них.

– А может, за восстание?

– Эти-то? – одноглазый сплюнул. – Да это все равно, что просто просить палача прийти и лишить их голов. Не то чтобы город не гудел от слухов и всевозможных разговоров. Но у этих шансов уцелеть не больше, чем у грудных младенцев.

– А если бы у них были деньги? Золото, чтобы нанять бойцов?

Ордо поперхнулся.

– Да откуда они его возьмут? Если бы хоть кто-нибудь из них имел богатого покровителя, он бы здесь не жил.

– Отец Арианы – лорд, – возразил Конан. – И она сказала мне, что есть и другие богачи, дающие деньги.

Осторожно подбирая слова, одноглазый спросил:

– Не хочешь ли ты сказать, что они действительно готовят восстание? Или тебе это только кажется?

– Да они – Стефано и Ариана – едва ли не открыто в этом признались.

– Начнем тогда с самого начала. Может быть, у них и есть какие-нибудь таланты, но таланта к бунту у них явно нет. Если только вчера они с тобой познакомились, а уже сегодня столько наболтали, то что они могли нарассказать другим? Помни, наши головы будут смотреться на городской стене нисколько не хуже, чем их головы.

Конан покачал своей головой. Ордо был прав – по крайней мере, в первом приближении.

– Мне здесь нравится, – только и сказал он.

– Тебе нравится эта девочка-поэтесса, – горячо упрекнул его Ордо. – Смотри, ты когда-нибудь погибнешь из-за женщины. Вспомни, что напророчил тебе тот слепец.

– Насколько я помню, ты тогда назвал его ослом, – рассмеялся Конан. – Пей, Ордо. Будем мечтать о своем собственном отряде.

– Пока я что-то не вижу золота, – кисло отозвался тот.

– Я найду золото, – сказал Конан, вложив в свои слова значительно больше убежденности, чем было у него на самом деле. Он понятия не имел, где взять столько денег. Но заранее составленные планы еще никому не мешали. Выигрыш нескольких дней может значить многое.

– Я найду деньги. Ты говорил, что мы могли бы...

Эээ...

Позаимствовать оружие на складах твоих контрабандистов. Оно в приемлемом состоянии? Видел я контрабандные кольчуги, настолько ржавые, что они рассыпались при первом дожде, и мечи, ломавшиеся от одного удара.

– Не беспокойся. Все отличного качества. Все, что душе угодно... Любой тип клинка там

без труда можно обнаружить. Вендиjsкие тульвары, иранистанские шаликиры, десятки разнообразных мачеров из коринфийских городов-государств. Штук пятьдесят того, сотню этого. Достаточно, чтобы вооружить пять-десять тысяч человек.

— Так много? — недоверчиво спросил Конан. — Почему же они держат так много мечей на складах? Зачем столь большое разнообразие? Мечи должны использоваться.

— Не спрашивай. Мне платят золотом, и я вожу, что меня попросят. Мне плевать, что они с ними потом делают, пусть хоть землю ими копают, лишь бы мне платили.

Ордо опрокинул кувшин над своей чашкой. Пара капель скатилась по стенке.

— Вина! — крикнул он, перекрыв шум. Воцарилась тишина.

Все посмотрели на них. Стройная девушка в таком же простом платье, как у Арианы, нерешительно подошла к ним и поставила на стол кувшин. Ордо покопался в поясе и брякнул о стол серебром.

— За вино. Остаток возьми себе, малышка.

Девушка недоуменно посмотрела на монету, весело рассмеялась и присела в насмешливом книксене. Вокруг медленно возобновилось говорение. Музыканты набрали громкость, и поэт продолжил свой разговор со стеной.

— Очаровашки, — заметил Ордо, наполняя чашу. — Но одеты, как храмовые девственницы.

Конан с трудом сдержал улыбку. Похоже, одноглазый вчера крепко выпил. Ну ничего, скоро он узнает, что за вино здесь не платят. А пока пусть жертвует за двоих.

— Подумай, Ордо. Столь странная коллекция оружия как раз то, что могли собрать эти художники.

— Ты снова о том же, — проворчал собеседник. — Во-первых, кто бы ни заправлял нашим делом, он вряд ли жаждет сбросить Гариана с трона. Эти дурацкие пошлины, может быть, и плохи — для бедных — но благодаря им мы имеем очень неплохую прибыль. Во-вторых... — лицо его помрачнело, белый шрам задергался. — Во-вторых, мы уже участвовали в одном восстании. Или ты забыл ту скачку к вендиjsкой границе? Едва ушли от погони.

— Я все помню, — ответил Конан. — Но я пока и не предлагаю принять участие в восстании.

— Ничего не сказал, но много чего подумал, — пробурчал Ордо. — Ты романтический идиот, Конан. Ты всегда им был и, наверное, таким и останешься. Клянусь камнями Ханумана, тебе больше не удастся втянуть меня в заварушку. Лучше думай, как достать золото для нашего отряда.

— Я все время думаю о золоте, — ответил Конан. — Возможно, я уделяю ему слишком много внимания.

Ордо разочарованно вздохнул. Но от необходимости говорить что-либо Конан был избавлен появлением той самой девушки, что приносila им вино. Склонив голову набок, она одарила его таким взглядом — полу-вызов, полу-нерешительность — что Конану вдруг стало жарко.

— Как звать тебя, девочка? — спросил Ордо. — А ты вообще ничего себе. Сними эту хламиду, одень шелка — и тебя в любой таверне примут с распостертыми объятиями.

Тряхнув пышной гривой волос, девушка рассмеялась.

— Благодарю, добрый господин. Спасибо и за ваш щедрый вклад.

Ордо нахмурился, не понимая ее.

— Я — Керин, — продолжила она, не сводя взгляда с больших карих глаз киммерийца. — Если судить по ширине плеч, ты, должно быть, тот самый Конан, от которого мне рассказывала Ариана. Я пока работаю только с глиной, но надеюсь, что когда-нибудь мои работы будут отлиты и в бронзе. Не согласишься ли ты позировать для меня? У меня нет денег, чтобы заплатить тебе, но, может быть... — Полуоткрытый рот, взгляд ее глаз не оставляли сомнений в том, какого рода сделку она предлагает мускулистому варвару. Конан перестал ее слушать сразу после того, как

она упомянула о позировании. Он вдруг представил себе Ариану, стоящую на столе. Он ощутил, как загорелось его лицо. Не могла же она... Она же не могла и в самом деле хотеть...

Он сглотнул и прокашлялся.

— Ты упомянула Ариану. Не передавала ли она что-нибудь для меня?

— Ну почему ей всегда так везет? — вздохнула Керин. Да, передавала. Она ждет тебя у себя в комнате. Хочет сказать тебе что-то очень важное. По ее словам, — подмигнула девушка.

Конан отодвинул табурет.

— Девочка, — заявил Ордо, — а что это за слово «позировать»? По-моему, я для этого вполне подошел бы.

Керин села на освободившееся место.

Пересекая залу, Конан нервно ждал разгневанного вопля Ордо. Но когда уже у подножия лестницы он обернулся, он увидел, как Ордо, расплывшись в довольной улыбке, медленно кивает... Смеясь, Конан преодолел ступени. Похоже, его другу сегодня повезло — он не зря потратил деньги.

В галерею выходило довольно много дверей, большинство из них были сколочены весьма грубо. Похоже, бывшие здесь прежде помещения были заново разгорожены. Конан толкнул свою дверь. У окна стояла завернутая в плащ Ариана. Ее руки были сжаты в кулаки. Закрыв за собой дверь, он прислонился спиной к косяку.

— Да, я позирую, — без всяких вступлений сказала девушка. Ее глаза почему-то блестели в полумраке. — Я позирую для своих друзей, которым не по карману настоящие натурщицы. Я часто это делаю, и ни разу мне не было стыдно. Ни разу — до сегодняшнего дня.

— Я просто смотрел на тебя, — тихо сказал Конан.

— Ты смотрел на меня. — Она издала сдавленный звук, нечто среднее между рыданием и смехом. — Ты смотрел на меня, и я внезапно почувствовала себя одной из тех бедняжек, что в «Бодливом Быке» извиваются под взглядами мужчин, Митра разрази твои бесстыжие глаза! Да как ты осмелился на меня так смотреть!

— Ты — женщина, — ответил Конан. — Я смотрел на тебя так, как мужчина смотрит на женщину.

В отчаянии она закрыла глаза и запрокинула голову к потолку.

— О Хама, Мать Всеобщая, почему я должна краснеть под взглядом этого варвара, который думает своим мечом? — На ее лице появилась решительная гримаса, утонувшая в свете ее глаз. — Мужчина может брать столько женщин, сколько захочет. Я отказываюсь иметь меньшую свободу, и если я общаюсь только с одним в одно время и сплю вместе с ним до тех пор, пока кто-либо из нас не решит расстаться, — это мое дело. Можешь ли ты с этим согласиться?

Конан рассмеялся.

— Тебе никогда мама не говорила, что мужчины любят спрашивать об этом сами?

— Митра разбей твое сердце! — сердито выкрикнула она. — Почему я теряю здесь свое время? — Она направилась к двери, что-то бормоча под нос, полы ее плаща развевались.

Конан протянул свою массивную руку и обхватил ее талию под плащом. Она успела лишь вскрикнуть, прежде чем он прижал ее к своей груди. Плащ упал на пол.

— Ты останешься со мной, Ариана? — спросил он, глядя в ее изумленные глаза. Прежде чем она смогла ответить, Конан привлек ее лицо к своему и поцеловал. Ее кулаки стучали по плечам Конана, ноги безуспешно били по его голеням. Постепенно она прекратила сопротивление, а когда в ее горле послышался удовлетворенный стон, Конан отпустил ее волосы. Задыхаясь, Ариана опустила свою голову ему на грудь.

— Почему же ты передумал? — наконец спросила она.

— Я не передумывал, — ответил Конан. Она посмотрела ему в глаза, и Конан улыбнулся. —

Просто в этот раз прошу я. А до этого – ты. Рассмеявшись низким грудным смехом, она откинула голову назад.

– О Хама, Мать Всего Живого, – вскрикнула она. – Пойму ли я когда-нибудь этих странных существ, именуемых мужчинами?

Он нежно опустил ее на постель, и долгое время тишину нарушали лишь звуки страсти.

Глава 6

Улица Сожалений была поутру под стать его настроению. Редкие прохожие с распухшими лицами и красными носами опасливо поглядывали на Конана, а он шел уверенно, пиная ногами мусор и рыча на недовольных его появлением бродячих собак.

Да, это было неплохо. Десять дней в «Знаке Тестис», в объятьях Арианы, неугасающее пламя страсти. Стефано топил свою ревность в вине, но язык свой держал за зубами. Ордо, околдованный чарами стройной Керин, перетащил сюда свои пожитки. Каждый вечер они вместе пили и говорили о жизни, пока их не разлучали женщины. Таковы были вечера и ночи. Дни же были заняты иным.

Кто-то его догонял. Конан остановился, и вскоре к нему присоединился Ордо.

– Опять неудача, да? – спросил одноглазый, заглядывая Конану в лицо. Конан кивнул.

– Когда я победил всех трех охранников, лорд Эранис предложил мне три золотых марки, если я стану его главным телохранителем. И еще по две марки за каждую десятидневку.

– И он называет это неудачей! – завопил Ордо. – Да ведь это же в два раза больше, чем платят нормальному охраннику. Чего доброго, так и я тоже рискну переквалифицироваться. По крайней мере, мне тогда больше не придется бояться палача.

– И кроме того, я должен был принести клятву перед Городским Советом в течение двух лет не покидать службу без разрешения хозяина!

– Да-а.

Конан с размаху ударил кулаком по ладони.

Шедший навстречу пьяница испуганно подскочил и рухнул в лужу блевотины. Конан этого даже не заметил.

– Всюду одно и то же, – он буквально выдавливал из себя слова. – Возьми ты хоть целый отряд или нанимайся в одиночку. Плата у всех та же, и все требуют принесения клятвы. Причем кое-кто – на три года, если не на все пять.

– Пока не ввели этот обычай, – задумался Ордо, некоторые меняли хозяев каждый день, с каждым разом получая на серебряный больше. Послушай, отчего бы тебе все же не взяться за ту работу, где лучше платят? У этого лорда Эраниса, например? Если же тебя одолеет охота к перемене мест, ну а он тебя не отпустит, плюнь на все иди. Нельзя считать клятвой обещание, которое делает из человека раба.

– Я уйду, и мне придется покинуть Бельверус, а возможно, и Немедию. – Конан помолчал, задумчиво поддавая черепки носком сапога. Наконец он сказал: – Раньше это была просто болтовня – об отряде, который я возглавлю. Сейчас это нечто большее. Я не наймусь на работу, пока не смогу встать во главе собственного отряда.

– Это что, так много для тебя значит? – недоверчиво спросил Ордо.

Отпрыгнув в сторону, он удачно избежал помоев, вылитых из окна. Виновника беспокойства он проводил отборной руганью.

– Да, ты прав, – сказал Конан, игнорируя замечание одноглазого о деръме, запачкавшем его сапоги.

– Может быть, по большому счету у человека нет ничего, кроме него самого. Ничего, кроме сильной руки и клинка в ней. Все равно. Чтобы подняться над всеми, оставить след в этом мире, человек должен повести за собой других. – Я был вором, но я достиг чинов и в туранской армии, был неплохим командиром. Я еще не знаю, куда может привести меня моя судьба, но я собираюсь подняться настолько высоко, насколько мне позволят мой ум и острый меч. Я буду иметь СВОЙ отряд.

– Ну что ж. Когда у тебя будет свой отряд, – сказал одноглазый сухо, – не забудь проследить, чтобы они такую клятву принесли.

С этими словами они свернули в переулок к «Знаку Тестис».

Конан засмеялся. В этот момент трое с мечами в руках перекрыли впереди них узкую уличку. Звук сапог позади заставил Конана обернуться. Там стояли еще двое, отрезав путь для отступления. Клинок киммерийца свистнул, выскоцив из ножен. Ордо, держа свой меч наготове, повернулся к заходившим сзади.

– В сторону! – крикнул Конан троице. – Вы можете найти для себя добычу полегче.

– О втором ничего не говорили, – растерянно произнес стоявший слева от Конана. Его крысиное лицо подергивалось. Стоявший справа, блеснув на солнце бритой макушкой, сделал неопределенный жест мечом. – Одного без другого никак не уделать?

– У нас вы можете найти только свою смерть, – продолжил Конан. Он обернулся свою левую руку плащом.

Бородач – очевидно, лидер – приказал: «Убейте их!» – и его меч нацелился в живот киммерийцу. С кошачьей грацией Конан отступил в сторону. Оружие бородатого запуталось в развевавшемся плаще, и правая нога Конана с чмоканьем вошла главарю в пах. Одновременно киммериец отвел в сторону выпад бритоголового.

Ловя ртом воздух, главный попытался распрямиться, но Конан развернулся на одной ноге и левым сапогом заехал ему в ухо, опрокинув его под ноги крысолицему.

Бритоголовый погиб, засмотревшись на лежащих. Меч Конана разрубил ему горло. Он медленно опустился на колени и ткнулся лицом в мостовую, залив ее кровью. Поднявшись на ноги, крысолицый попробовал нанести удар сверху, но клинок Конана звякнул, остановив движение меча. Широким круговым движением Конан отвел оружие противника в сторону и вниз, и его меч скользнул вдоль руки нападавшего. Прямо в грудь.

Быстрый удар ноги рядом – и второе тело распростерлось на камнях. Конан развернулся и оказался лицом к лицу с побагровевшим от ярости главарем. Конан еще не успел развернуться полностью, а тот уже нанес размашистый удар. К его изумлению, киммериец присел на корточки, и его меч прочертил кровавый след на животе противника. Высокий завизжал и, бросив меч, безуспешно попытался засунуть внутренности назад. Он умер еще до того, как упал.

Конан повернулся как раз вовремя для того, чтобы увидеть, как Ордо обезглавил своего второго оппонента. Голова покатилась по мостовой. Ордо посмотрел Конану в лицо, кровь катилась из раны на его груди и из другой, поменьше, на лбу.

– Я становлюсь слишком стар для этого, киммериец.

– Брось. Ты это постоянно твердишь. – Конан принялся обыскивать карианы убитых им людей.

Ордо настаивал:

– Это правда. Если бы они не раздумывали, а сразу кинулись бы на нас, у них был бы неплохой шанс покрошить нас на куски. Мои двое и так чуть не лишили меня наследства. Нет, я слишком стар для таких развлечений.

Конан выпрямился и подбросил на ладони несколько золотых марок.

– Может быть, они вели себя глупо, но их наняли прикончить одного из нас. Кто-то не пожалел для этого десять полновесных золотых. – Он кивнул в сторону убитых Ордо. – Проверь их, и ты обнаружишь, что у каждого есть парочка монет.

Кряхтя, Ордо согнулся и обыскал тела. Вскоре он расправился и, сжав в руке четыре марки, задумчиво произнес.

– Клянусь Митрой! Интересно, кто бы это мог заплатить десять золотых за кого-нибудь из

нас? А ведь они не ожидали встретить двоих.

Из переулка вышел какой-то малолетний здешний обитатель. Увидев тела, он с отчаянным криком бросился прочь.

— Ну ладно, пойдем продолжим наш разговор у Тестис, предложил Конан, — пока здесь у нас не появились зрители. Это обязательно окажется тот самый единственный день, когда городская стража вышла на обход.

До трактира было рукой подать, но, очевидно, здесь никто ничего не слышал, только Керин одарила их взглядом. В эти утренние часы народу было еще очень немного, и поэтому стояла необычная тишина.

— Ордо, — спросила Керин. — Что у тебя с рукой?

— Упал, порезался о битый кувшин, — со слабой улыбкой объяснил Ордо. Она косо взглянула на него, вышла и вернулась с чистой тряпкой и кувшином вина. Открыв пробку, она щедро полила вином рану.

— Нет! — обреченно воскликнул Ордо и выхватил кувшин.

— Но это же не настолько больно, — улыбнулась Керин.

— Совсем не больно, — промычал Ордо. — Но это не лучший способ использования вина. — Он запрокинул голову присосавшись к горлышку и свободной рукой пресекая все попытки Керин вернуть кувшин. Когда Ордо перевел наконец дыхание, остатков вина едва хватило, чтобы смочить тряпку. Керин промокнула ею его рану.

— Держись, Ордо, — подбодрила его она. — Сейчас я принесу еще вина.

На другом конце зала Конан заметил незнакомое лицо. Красивый юноша в богато вышитой красной бархатной тунике сидел за боковым столиком и разговаривал с Гракусом, невысоким чернявым скульптором, которого часто можно было видеть в компании Стефano.

В Конане после сегодняшних событий проснулась осторожность. Он обратился к Керин.

— Этот мужчина, — спросил он, — ну вон тот, который говорит с Гракусом. Кто он? Что-то слишком хорошо он одет для художника.

— Никакой он не художник, — фыркнула девушка. — Педераст и никчемный человечишка. Говорят, что он остроумен, но я так не считаю. Иногда ему приходит в голову поразить нас своим великолепием.

— По-твоему, это он? — спросил Ордо.

Конан пожал плечами.

— Он, или кто-нибудь другой.

— Клянусь Эребусом, Конан. Я слишком стар для этого.

— О чем это вы говорите? — вступила в разговор Керин. — А, лучше мне и не знать об этом. — Она встала и потянула Ордо за собой, как медведя на поводке. — Твоя рана нуждается в особом лечении. И не говори мне, пожалуйста, ничего о битом кувшине.

— Как только я вернусь, — крикнул, обернувшись, Ордо, — мы начнем подыскивать себе людей. На деньги врага, неплохо, правда?

— Согласен, — крикнул в ответ Конан. — А я пойду достану тот меч. За него можно получить еще пару-тройку монет.

У себя в комнате киммериец приподнял половицу и вытащил меч с волнистым лезвием. В тусклом свете блеснула серебром гравировка. Конан почувствовал, как от меча исходит ощущение темной злобы. Он взял плащ и завернул в него клинок. Ему было неприятно держать его в руках, от этого его начинало мутить.

Конан начал спускаться по лестнице и увидел, что у ее подножия его ждет тот самый человек в красной тунике, закативший глаза, утопив свой нос в благовониях. Но острый взгляд Конана заметил, насколько потертой была рукоять его меча, и что на руках его были мозоли от

постоянного обращения с оружием. Киммериец решил пройти мимо.

— Секундочку, пожалуйста, — сказал юноша. — Меня зовут Деметр. Я собираю мечи старых мастеров. До меня дошел слух, что у тебя есть такой меч, и ты хочешь его продать.

— Ни разу никому не говорил, что он древний, пробурчал под нос Конан. Собеседник ему не нравился. Было в нем что-то змеиное. Словно ему ничего не стоит улыбаться и жать руки, в то же время направляя кинжал в твое сердце. Но Конан решил посмотреть, что из всего этого выйдет.

— Возможно, я действительно ошибся, называя меч древним, — без запинки ответил Деметр. — Если так, то он мне не нужен. Но если это действительно старый меч, то я могу дать за него хорошую цену. — Он указал на сверток в руках киммерийца. — Он у тебя здесь?

Конан размотал плащ и взял меч в руку.

— Вот он, — произнеся это, он остановился, увидев, что Деметр отскочил назад, схватившись за оружие. Киммериец подбросил меч и протянул его рукоятью вперед. — Может, желаете проверить, как он сидит в руке?

— Нет, — слабым голосом отказался юноша. — Я вижу, что это то, что мне нужно.

Побелевшие губы собеседника навели Конана на мысль, что его клиент боится этого меча. Что за ерунда! Киммериец положил меч на ближайший стол. Почему-то и ему тоже было не по себе, когда он держал меч в руках. Странно.

Деметру, похоже, стало легче. Он посмотрел на лежащий меч, сглотнул и спросил:

— Нет ли у него особых свойств? Магических?

Конан отрицательно покачал головой.

— Если и есть, то я об этом ничего не знаю.

— Конечно, за магический меч можно было запросить намного больше, но ведь наличие магии можно легко доказать.

— И сколько ты предлагаешь?

— Три золотых марки, — быстро ответил Деметр.

Киммериец растерянно мигнул. Он пока что думал в серебре. Но если меч так уж нужен этому юноше, можно поторговаться.

— За столь древний меч, — заявил он, — многие собиратели с радостью заплатят и двадцать!

Деметр растерянно взглянул на него.

— Я...

У меня с собой нет столько.

Конан был потрясен. Деметр даже не пытался сбить цену! Неужели меч принадлежал какому-то легендарному королю? Опытным взглядом он оценил усеянный аметистами браслет в пятьдесят золотых марок, а рубиновую булавку в сто. Похоже, у этого юноши денег куры не клюют.

— Я могу подождать, — начал было Конан, но Деметр сорвал браслет с руки и сунул его киммерийцу.

— Возьми его, — молил он. — Я не могу позволить, чтобы кто-нибудь мог перекупить этот меч, пока я хожу за деньгами. Браслет стоит больше двадцати марок, уверяю тебя. Только дай мне вместе с мечом и плащ, ведь не могу же я нести его по улицам в обнаженном виде!

— Меч и плащ — твои! — провозгласил Конан, обменяв их на браслет. Сердце его ликовало. Вот он, его отряд! Шестьдесят крон — это человек сорок!

— Позволь только спросить, — добавил он, — чем этот клинок так замечателен? Может быть, он принадлежал королю? Или герою стародавних времен?

Деметр осторожно заворачивал меч в плащ — так осторожно, отметил Конан, словно у него в руках было опасное животное. Услышав эти слова, он поднял голову.

– Как тебя зовут?

– Конан.

– Ты прав, Конан. Это меч короля. Можно даже сказать, что это меч самого Брагораса, – и он рассмеялся, будто сказал что-то очень веселое. Смеясь, он взял меч в руки и исчез в дверях.

Глава 7

Албанус остановился у дверей, засмотревшись на Суларию, сидевшую перед большим зеркалом. Грубый меховой сверток у него под мышкой нарушал общее великолепие комнаты. Халат на Суларии позволял видеть ее белоснежные плечи. Рабыня расчесывала золото ее волос. Заметив Албануса, Сулария приспустила халат, позволяя ему увидеть в зеркале ее безупречную грудь. Лорд щелкнул пальцами. Рабыня повернулась и, подчинившись жесту хозяина, покинула комнату.

– Ты принес мне подарок? – спросила женщина. – Он очень странно завернут, если хочешь услышать мое мнение.

Она всмотрелась в свое лицо и легким движением кисточки добавила румян на скулы.

Лорд рассмеялся.

– Нет, это не для тебя. Это меч бедняги Мелиуса.

Сняв с шеи висевший на золотой цепи ключ, он открыл им большой лакированный сундук, сложным образом повернув его сначала в одну, потом в другую сторону. Если ошибиться при этом, объяснил он Суларии, то сложная система воздуховодов и мехов метнет в лицо открывающему отправленные дротики.

Откинув крышку, Албанус с величайшей осторожностью уложил меч на подготовленное для него место. Плащ он презрительно отбросил в сторону. Здесь, в этом сундуке, лежали переплетенные в кожу девственниц и завернутые в шелка тома древнего Ахерона. Здесь же находились и наиболее важные магические инструменты. Пальцы хозяина на мгновение задержались на скрученных в трубку кусках пергамента. Эти наброски и картины с портретами Гариана, хоть они и не имели никакого магического значения, играли важную роль в его плане. На почетном месте, на шелковой подушечке покоился хрустальный шар глубокого синего цвета. Внутри него вспыхивали и гасли серебристые огоньки.

Сбросив халат на пол, Сулария подошла к нему сзади. Быстрыми движениями языка облизывая губы, она спросила:

– Неужели это тот самый меч, который убил столь многих? Не слишком ли он опасен? Может, лучше его уничтожить?

– Он для этого слишком ценен, – ответил хозяин. – Если бы я знал раньше то, что узнал сейчас, я бы ни за что не позволил никому к нему прикоснуться. Особенно – идиоту Мелиусу. Мне помогли эти руны, что идут вдоль лезвия. Книги открыли наконец секрет.

– Но как Мелиус смог убить столь многих?

– При изготовлении меча в сталь клинка были заключены сущности шести мастеров. – Он любовно провел пальцами по мечу, ощущая заключенную в нем силу. Эта мощь будет его мощью. Сила более могучая, чем могут представить себе простые смертные, власть значительно более крепкая, чем власть всех земных правителей. – От этого и произрастает безумие.

Он наклонился, чтобы взять меч за рукоять, но вовремя остановился.

– Достаточно одной и той же руке трижды взять клинок и использовать его, как разум обладателя меча заражается болью безумия. Руби – и тебе станет легче. Круши! Бей! – Он перешел на крик.

Опомнившись, он посмотрел на Суларию и увидел, что она смотрит на его руки со страхом.

– Сколько уже раз ты брал его в руки? – прошептала она.

Он рассмеялся и убрал руку. Вместо этого он взял хрустальную сферу, коснувшись ее осторожно и нежно. Он обращался с ней как со святыней, хотя знал, что вряд ли есть в мире сила, способная отбить хотя бы осколок от этого хрупкого на вид предмета.

— Тебя пугает меч? — спросил он мягко. Его твердый взор пронзal глубины хрустальной синевы. — Вот чего стоит бояться. С ее помощью можно управлять — демоном? богом? существом такой моши и силы, что даже мои древние тома говорят от них лишь намеками, полными почтения и страха.

И он будет властелином этой силы — силы, которой никогда не обладать земным королям. От этой мысли всколыхнулось сердце. Он ни разу еще не осмеливался совершить ритуал, поскольку в нем имелась опасность. Простой смертный мог оказаться игрушкой во власти бессмертного существа, утратить свою сущность, быть уничтоженным. Но разве сам они не был потомком легендарного Брагораса, древнего короля-героя, зарубившего дракона Ксутаркана и ввергшего демона Даргона в пучины Западного моря?

Непрошенные слова древнего ритуала сами собой начали скатываться с его языка:

— Аф-фар миа-рлолд. Орисни деас каан, эт-фар ба-алам офеа кристи...

С каждым словом небо над городом темнело. В безоблачном небосводе засверкали молнии, затмевая тусклое солнце. Земля вздрогнула.

Албанус запнулся и с ужасом заметил, как шевелятся стены — совсем как шелк на ветру. Нет, сейчас не время! Безумием было даже пробовать! Есть все же шанс — он ведь не довел заклинание до конца. Он торопливо вернул сияющий шар на место и изгнал из головы все мысли, чтобы не осталось ни малейшего признака призыва к высшим силам. Ни малейшего.

Синее сияние медленно угасло, земля перестала трястись. Молнии пропали, и над городом вновь засияло солнце.

Долгое время Албанус не мог взглянуть на женщину. Если бы она сказала об этом хоть слово, хоть одно единственное слово, он бы удавил сучку ее собственными кишками. Лорд повернулся к ней свое покерневшее от гнева лицо. В глазах Суларии горел огонь похоти.

— О, как ты могуч, мой господин! — прошептала она. — Я боюсь ослепнуть от твоего великолепия. — Ее грудь волновалась. — И с помощью этого ты уничтожишь Гариана?

Дух Албануса воспрянул, а вместе с ним и его гордость.

— Гариан недостоин этой чести, — скривил рот хозяин. — Я создам человека, своими руками оживлю его и тем заставлю узурпатора испытать на себе силу рока. Я стану его судьбой.

Сулария чуть не задохнулась.

— Ты настолько могуч, мой лорд?

Тот пренебрежительно махнул рукой.

— Для меня это сущая безделица. Я уже совершил это и в следующий раз не повторю прежних ошибок.

Он схватил ее за волосы и грубо повалил на пол, хотя она с удовольствием сделала бы это для него сама.

Опускаясь на нее, Албанус сказал:

— Ничто не устоит на моем пути. — Женщина кричала от удовольствия, и в ее криках ему слышался голос народа, провозглашавший его их королем. Их богом.

Сефана поднялась с постели. После бурно прошедшей ночи ее пышное тело было покрыто потом. Груди колыхались в такт движениям.

Мужчина в ее постели, молодой стройный капитан Золотых Леопардов, неуверенно приподнялся на локте, провожая ее взглядом, полным восхищения. — Ты ведьма, Сефана. Каждый раз я думаю, что умру от наслаждения.

Каждый раз я думаю, что достиг величайшего экстаза. И каждый раз ты даешь мне все больше и больше.

— Но мне кажется, что я стала тебе надоедать, Баэтис, — с укором улыбнулась она.

— Никогда, — с жаром заявил мужчина. — Ты должна мне поверить. Ты для меня земное

воплощение Деркето.

– Но ты отказываешь мне в такой малости.

– Сефана, ты сама не понимаешь, что просишь. Мой долг...

– Ну а небольшое одолжение? – продолжила она, возвращаясь к постели. Глаза мужчины жадно следили за ней. Она была пленительно округлой женщиной, жемчужиной, которая зажигала огонь страсти в душе любого мужчины.

Он потянулся к ней, но она отступила назад.

– Дверь, не запертая на засов, – прошептала она. – Оставленный без охраны коридор. Не станешь же ты лишать короля возможности испытать то наслаждение, которое сейчас испытываешь?

Тяжело дыша, молодой капитан сомкнул веки.

– По крайней мере, я должен быть там, – наконец вымолвил он.

– Несомненно, – ответила она и оседлала его. – Несомненно, Гаэтис, любовь моя. – В глазах ее сверкал жар безумия, волчий оскал кривил губы. Пусть Албанус строит себе дальнейшие планы на будущее... Ее удар его опередит. Конечно, жаль, что Баэтису придется умереть вместе с Гарианом. Но это будет потом, а сейчас... – И она предалась наслаждениям.

Глава 8

Соломенные мишени-вязанки размером были с туловище взрослого мужчины. Конан установил последнюю в ряду, вскочил в седло и проскасал сто и еще пятьдесят шагов, остановившись рядом со своими людьми, набранными за последние пять дней.

Хорошо бы сейчас был здесь Ордо, подумал Конан. Но у Ордо были еще дела с контрабандой, и они переносили товар из склада, который должен был подвергнуться якобы внезапной проверке королевской таможни. Никогда не знаешь, где и когда могут пригодиться старые связи.

Конан сдавил коленями бока своего черного аквилонского жеребца и поднял короткий тяжелый лук на обозрение перед своими двумя двадцатками.

— Эта штука служит для стрельбы с коня. — Луки были удачной находкой, поскольку искусство стрельбы с лошади было неизвестно на западе. Конан надеялся, что их умение позволит получить лучшую работу. Луки с ненатянутыми тетивами лежали на складе контрабандистов. Они считались слишком тугими и слишком короткими, чтобы найти сбыт.

Каждый из сорока присутствовавших мог поблагодарить контрабандистов за свое снаряжение: легкие металлические кирасы поверх стеганых кафтанов, остроконечные шлемы. У седла висел круглый щит, и добрый турецкий скимитар, несущий клеймо королевских кузниц в Агропуре, болтался на бедре. Конан надеялся, что такое вооружение придаст им чужеземный оттенок.

Люди склонны верить, что чужакам знакомы тайные приемы боя. Если удастся затея с луком, то эта вера будет оправдана. Конан и Ордо выбирали тех людей, у кого уже были лошади — денег у них было всего лишь на плату рекрутам, на лошадей бы уже не хватило. И они выбирали тех, кто знаком со стрельбой из лука. Конан собрал их на поле недалеко от Бельверуса.

— Вы все привыкли к специальному кольцу на большом пальце — для натягивания тетивы, — продолжал он. — Но если вы вступили в бой верхом, вам потребуется мгновенно переходить от лука к сабле, от сабли к копью и так далее. Кольцо делает вашу хватку ненадежной.

— Да как вообще натянуть эту чертову штуку? — спросил широкоплечий ветеран с багровым шрамом поперек широкого носа. Держа лук в вытянутой руке, он попытался его натянуть. Тетива сдвинулась не больше чем на ладонь, что вызвало смех у всех остальных.

Его звали Махаон. Он не узнал Конана, но киммериец сразу вспомнил его. Он был сержантом того патруля городской стражи, который убил Мелиуса. — Берись за тетиву тремя пальцами, — сказал Конан, когда смех утих, — а натягивай вот так.

Мускулистый киммериец взял стрелу и, держа ее вместе с тетивой у скулы, другой рукой выжал тугой лук вперед, натягивая его. Сделав это, он движением колен заставил вороного коня развернуться.

Он пустил стрелу. С коротким стуком она увязла в середине центральной связки соломы.

Люди оживленно зашептались.

— Вот как это делается!

— Оч-чень странно, — заявил высокий мужчина. Ввалившиеся щеки и глубоко запавшие глаза придавали ему вид человека, страдающего неизлечимой болезнью. Но те, кто знал его, утверждали, что его глажет его собственный несносный характер. — Если это такая полезная штука, то почему его не используют армии Немедии, или Аквилонии, или какой другой цивилизованной страны?

Махаон опередил Конана.

— Открой глаза, Нарус, — сказал он, — и в первый раз попробуй взглянуть на жизнь

беспрестранство. Думай. Мы можем появиться, нанести удар и исчезнуть, прежде чем пешие лучники успеют вогнать в землю острые колышки для защиты от конной лавы, в то время как солдаты с пиками и просто пехота смыкают ряды, готовясь к отражению известной им опасности. Вражеская кавалерия только успеет выставить свои копья, а наши стрелы уже пронзят их сердца. Попробуй, наконец, улыбнуться, Нарус. Представь, как они удивятся такому сюрпризу!

Нарус растянул губы в улыбку, отчего стал еще больше походить на жертву чумы. Его попытка была встречена смехом и неприличными замечаниями товарищей.

— Махаон правильно понял суть метода, — провозгласил Конан. — Отныне он будет моим сержантом.

На изуродованном лице Махаона появилось изумленное и в то же время задумчивое выражение. Остальные криками выразили одобрение, даже, похоже, Нарус — только по своему.

— А сейчас, — сказал Конан, — вы по очереди будете стрелять в мишени. Сначала — с неподвижной лошади.

Он гонял их почти до полудня. Сначала они стреляли, пуская лошадь шагом, затем с галопа. Конечно же, к концу этого времени они еще не сравнялись в мастерстве с турецкой легкой кавалерией. Но их умения было уже достаточно, чтобы посеять смятение в рядах любой западной армии. Лучшим после Конана был, естественно, Махаон и, ко всеобщему изумлению, Нарус. После они вернулись в конюшни, где предоставили лошадей заботе конюхов. Теперь люди были свободны до утра, как было в обычай всех наемных отрядов. Утром в конюшне должна была состояться их следующая встреча.

Конан собрался уходить, когда его остановил Махаон.

— Момент, капитан, — сказал он Конану, остановив его у двери. В молодости Махаон был красивцем. Если оставить в покое багровый шрам, по его лицу можно было сказать, в каких боевых кампаниях он участвовал. На левой щеке вытатуирована небольшая шестиконечная звезда — страна Хот. Из мочки правого уха свисали три тонких золотых серьги аргосской работы. Волосы были подрезаны в стиле огирского пограничья — коротко спереди и длинно сзади.

— Было бы лучше, капитан, если бы мы скорее были приняты на чью-нибудь службу. Не прошло и нескольких дней, а кое-кто уже громогласно заявляет, что здесь нам слишком мало платят, и не пойти ли принять еще одну клятву, но под другим именем и у другого совета.

— Можешь передать, что скоро мы поступим на службу, — уверенно заявил Конан. Однако в душе его шевелился червь сомнения — они ни разу еще не пробовал обратиться к богатым торговцам, которые могли бы быть заинтересованы в их отряде. — Как видно, я сделал правильный выбор. Ты прирожденный сержант.

Махаон промолчал и спросил:

— Ты знаешь, кто я такой?

— Я знаю, кто ты, но мне нет никакого дела до того, кем ты был. — Конан посмотрел ему прямо в глаза, и Махаон понимающе кивнул.

— Ладно, я присмотрю за ними, капитан.

Пробиваясь сквозь толпу нищих, шлюх и бандитов, которых стало, казалось, вдвое, а то и втройе больше, чем десять дней назад, Конан направился к «Знаку Тестис». Никто из благородных не рисковал уже появиться здесь без охраны, и все носилки, кого бы в них ни везли — настоящую леди или дочку купца — сопровождали закованные в железо воины. Городской стражи, как всегда, не было видно.

«Знак Тестис», как и обычно к полудню, заполнился молодыми и голодными музыкантами, художниками и философами, жаждущими получить свою порцию из общего котла. Конан уже привык и не обращал внимания на шум. Он схватил руку пробегавшей мимо Керин.

– Ордо еще не вернулся?

Она с размаху опустила кувшины на ближайший стол. Один из них треснул, и вино потекло на сидящих, что вызвало разгневанные упреки. Керин не обратила на это внимания.

– Прислал с мальчишкой послание, – холодно сказала она. – Ты должен встретить одноглазого в «Знаке полной луны», что на улице Сожалений, спустя час после того, как солнце минует зенит.

– Почему именно там? Он не сообщил, почему не сможет прийти сюда?

Ее глаза сузились.

– Была упомянута какая-то танцовщица...

С грудями, – прошипела она. – Хватит. Если тебе нужно что-то еще, спроси об этом одноглазого козла! Конан с трудом подавил улыбку. Пусть Ордо думает об этой танцовщице.

Но ему придется дорого заплатить, если он еще раз окажется вблизи Керин. Конан пытался разрешить сложную проблему – хватит ли ему времени на тарелку жаркого, которое было здесь несравненно лучше, чем на улице Сожалений – когда подошедшая Ариана положила ему руку на плечо. Конан улыбнулся, решив, что оставшееся время можно провести с большей пользой.

– Пойдем ко мне, – сказал он, обвив ее талию рукой. Прижав девушку к себе, он ощерился в самой приветливой своей улыбке. – Поговорим о поэзии. Ариана не смогла сдержать смешка.

– Если ты под этим словом подразумеваешь то, что я думаю, боюсь, что разговорами дело не ограничится. – Улыбка на ее лице погасла, и она ищущим взглядом посмотрела ему в лицо. – Есть более важные вещи. Но сначала ты должен мне поклясться, что никому не расскажешь о том, что тебе сообщат. Клянись.

– Я клянусь, – медленно повторил Конан. Он внезапно понял, почему до сих пор не на службе. Несомненно, что любой отряд на службе у лорда или торговца будет обязан выступить в поддержку трона в случае народных волнений. Но Конану вовсе не хотелось принимать участие в уничтожении Арианы и ее друзей. Особенно Арианы.

– Я все думал, – продолжил он, – когда же ты наконец решишься рассказать мне о восстании.

– Так ты знал?! – изумилась она и, прижав палец к его губам, заставила его молчать. – Идем со мной.

Они прошли через залу и вышли в небольшую комнату в задней части трактира. Находившийся здесь Стефано хмуро уставился на облезлую стену. Гракус, коренастый скульптор, оседлал скамейку и улыбался. Философ и обладатель большого носа, называвший себя Левкасом, сидел, скрестив ноги, на полу и задумчиво жевал свою губу.

– Он знает, – просто сказала Ариана. Все повскакивали с мест.

Конан ненавязчиво положил руку на меч.

– Он знает! – вопил Стефано. – А я говорил! Он опасный человек! Мы не должны иметь с ним никаких дел! Это не для нас!

– Приглуши голос, – посоветовала Ариана. – Ты что, хочешь, чтобы об этом узнали и все остальные?

Стефано виновато опустил глаза. Она продолжила.

– Да, это правда, что нанимать людей, подобных Конану, не входило в наши планы. Каждый из присутствующих выражал желание принять непосредственное участие в подготовке и проведении восстания.

– Ты, по крайней мере, можешь писать стихи, – пробурчал Гракус. – А мне остается лишь переписывать да разбрасывать их на улице. Скульптурами народ на борьбу не поднять.

– Король Гариан на троне сидит, – неожиданно произнес Конан. – Король Гариан на пищу глядит. – На него смотрели недоуменно. – Я видел один такой стишок. Это не ты написала?

— Нет, это Галия, — сухо ответила Ариана. — Мои стихи намного лучше. — Это все дела не касается, — взвизгнул Стефано. — Мы знаем, почему ты ему доверяешь! — Он встретил ледяной взгляд Конана и нервно сглотнул. — Я считаю, что это слишком опасно. Оставим нанимать бойцов Таэрасу. Он их знает, а мы нет.

— Мы же знаем Конана, — возразила Ариана. — Кроме того, мы же решили — и ты, кстати, согласился — самим начать поиск нужных людей, что бы там Таэрас ни говорил по этому поводу. Вместе с Конаном мы получаем не одного воина, а сорок сразу!

— Если они за ним пойдут, — усомнился Гракус.

— Они последуют за мной туда, где им платят золотом, — заявил Конан. Гракус растерянно посмотрел по сторонам. Стефано насмешливо рассмеялся.

— Да уж, золото!

— Идиоты! — упрекнула их Ариана. — Сколько раз мы с вами говорили о тех, кто утверждал, что революция должна быть чистой. Что за нее должны сражаться только те, кто бьется за идеалы? Сколько из них избежало кола? И все из-за своей чистоты.

— Наше дело правое! — выкрикнул Стефано. — Золото пачкает нашу революцию!

— Снова спорим об одном и том же, — устало покачала головой Ариана. — Давно пора прекратить эти препирательства. Как, по-твоему, набирает людей Таэрас? С помощью золота, Стефано! Золота!

— И с самого начала я возражал, — вспыхнул скульптор. — Народ...

— Народ последует за нами и поднимется, — перебила она. — Он поднимется. А мы ничего не знаем о ведении войны. Их всех перережут!

— Но наши идеалы!

— Одних идеалов недостаточно! — она обвела взглядом заговорщиков, и они нервно задвигались, почувствовав себя неуютно.

Конан понял, что самый сильный дух был заключен в ее пленительное тело. Остальные ей не ровня.

— Все, что я хочу, — заявил Гракус, — это шанс биться с мечом в руках. Конан, можно мне быть рядом с тобой в этот день?

— Я вроде бы не говорил, что присоединяюсь к вам, медленно произнес киммериец.

Ариана онемела от изумления, нервно сцепив руки. На ее лице было написано разочарование. У Гракуса отвисла челюсть.

— Я предупреждал, ему нельзя верить, — пробормотал Стефано.

— Мои люди пойдут за мной, — продолжил Конан, — если только я не поведу их прямо на дыбу или на кол. Я не имею права связать себя обещанием, пока у меня не будет представления о ваших шансах на победу. А для этого я должен знать ваши планы.

— Он может предать, — быстро сказал Стефано.

— Тихо! — велела Ариана, всматриваясь в лицо Конана.

— Я не столь цивилизован, — тихо ответил киммериец, — чтобы предавать друзей.

Девушка неуверенно кивнула. Стефано попытался заставить ее молчать, но она его отстранила.

— Таэрас нанимает воинов. Он утверждает, что нам нужно, по крайней мере, тысячу бойцов, и у него они скоро будут. Но основная наша сила — в простых людях. Их гнев — и голод — настолько велики, что будь у них возможность, они бы голыми руками стащили Гариана с трона. Некоторым сказали, что они получат оружие. За ними последуют другие. У нас найдется оружие для десяти тысяч — оно доставлено через границу. Кое-что, несомненно, твоим другом Ордо.

— ДЕСЯТЬ тысяч? — изумился Конан, припомнив цифру пять, о которой говорил его

товарищ.

— Десять, — твердо ответил Гракус. — Я все это видел. Таэрас показал. Целая куча оружия! Пусть тогда Таэрас и считает, усмехнулся про себя Конан.

— Чтобы вооружить десять тысяч человек, пускай даже плохо, вы должны были потратить целую уйму золота. Еще больше уйдет на тысячу экипированных воинов Таэраса. Золото вы достали сами?

— По крайней мере, частично, — перешла к защите Ариана. — Но, как ты знаешь, с доходами у нас не очень хорошо, а большая часть того, что мы получаем от...

От других источников, идет на содержание трактира.

— Есть еще те, — гордо сказал Стефано, — кто, как бы ни были они богаты, видят нашу правоту. Они видят, что Гариан губит страну. Они и дают Таэрасу деньги на приобретение всего необходимого.

— И кто же они? — спросил Конан. — Выступят ли они открыто, под собственными именами, как только начнутся волнения?

— Ну конечно, — сказал Стефано и сник. Похоже, у него возникли сомнения в правоте собственных слов. — То есть, я думаю, они поддержат нас. Видишь ли, до сих пор они желали оставаться неизвестными. — Он дребезжаще засмеялся. — Никто из нас их не видел. Деньги поступают прямо в руки Таэраса. Он умолк.

— Стефано хочет сказать, — пояснила Ариана, — они боятся, что нас постигнет неудача. Их пугает призрак палача. Возможно, они надеются использовать нас и революцию в собственных целях — для обогащения. Если так, они забывают, на чьей стороне народ. И еще тысяча бойцов.

Да, и еще тысяча воинов, которые взяли золото таинственных благодетелей, устало подумал Конан.

— Но каков же ваш план? Не собираетесь же вы просто выйти на улицы и начать раздачу оружия?

Гракус широко расплылся в улыбке.

— Мы не такие идиоты, как ты думаешь. Те из нас, что распределяли хлеб в трущобах, нашли людей, которым можно доверять; отметили тех, кто готов следовать за нами по сигналу. Они получат оружие. Мы с ними окружим королевский дворец, в то время как Таэрас со своими людьми захватит городские ворота и запрет городскую стражу в казармах.

— А вы берете в расчет состоящие на службе у богачей отряды и отдельных телохранителей? — спросил Конан. — Таких будет в городе около трех тысяч, и они наверняка выступят в поддержку короля.

— Это так, — согласилась Ариана. — Но их хозяева будут держать их при себе — пока не разберутся в происходящем. Мы просто будем их игнорировать. Если придется, выкорчuem, один за другим, но позже. Отряд в сотню воинов едва ли справится с тысячей отверженных, для которых смерть — лишь избавление от голода.

Похоже, она готова возглавить такую силу, подумал Конан. Голова откинута чуть назад, плечи расправлены, грудь вперед Конан знал, что она права. Люди без страха смерти — опасные противники в стычке. В то же время с ними легче вести затяжную войну. Что бы сегодня ни случилось, его люди должны быть готовы в любой момент выехать на улицы.

Однако он лишь спросил:

— А как же армия?

Ему ответил снова Гракус.

— Ближайшие гарнизоны — это тысяча человек в Эраниуме и две — в Иеракулуше. Им нужно пять дней, чтобы достичь Бельверуса — это считая с момента отдачи приказа. Их не хватит на что-либо серьезное, пока мы держим в руках городские укрепления. Что касается войск на

аквилонской границе – им еще нужно решиться оттуда уйти. Их будет беспокоить мысль – а что же станут делать аквилонцы.

– Десять дней на переброску от границы значительных сил, – задумался Ордо. – Два дня на то, чтобы верховой курьер доставил приказ. Значит, вы можете рассчитывать на двенадцать дней, прежде чем под стенами Бельверуса появятся осадные машины и войска в количестве, достаточном для штурма. Чуть побольше, если повезет. Но преувеличивать не следует.

– У тебя верные сведения, – отозвался Гракус. – Наш план рассчитан именно на двенадцать дней.

– Нам столько не потребуется, – пренебрежительно махнул рукой Стефано. – Задолго до этого все нищие и голодные поднимутся на борьбу. Сотня тысяч плечом к плечу встанут на стены города. Мы обратимся к Гариану с требованием отречься.

– Что, отречься?! – выкрикнул Конан. Все недоуменно посмотрели на него, а потом на стены.

– Вы устраиваете восстание, а затем собираетесь просить об отречении? – ужетише спросил киммериец. – Вы спятали. Золотые Леопарды могут удерживать замок хоть полгода. А то и больше. А у вас в распоряжении всего двенадцать дней.

– Это не моя идея, – с отвращением согласилась Ариана. – Я с самого начала утверждала, что мы должны захватить королевский дворец в первые же минуты.

– И убить в нем всех, – заявил Стефано. – А как же наши идеалы? Чем мы тогда лучше Гариана?

– Я не помню, – признался Гракус, – кто первым предложил идею отречения. На первый взгляд, возможно, действительно лучше было бы поступить так, как предлагает Ариана. То есть напасть на дворец, пока Золотые Леопарды не поняли, что это не просто очередные беспорядки. Но ведь мы не можем попирать наши идеалы. Идеалы, ради которых мы готовы пойти на смерть. Кроме того, – с улыбкой, будто найдя необходимое решение, закончил он, – всем известно, что холм, на котором расположен королевский дворец, пронизан сотнями тайных проходов. Любой из них поможет нам попасть внутрь.

– Все слышали об этих туннелях, но известен ли тебе хоть один из них? – ядовито спросила Ариана. – Хотя бы один?

– Ну...

Можно копать, – неуверенно предположил коренастый скульптор. Ариана фыркнула, и он стушевался.

– Гариан не станет отрекаться, – покачал головой Конан. – Ни один король не стал бы этого делать. Вы потеряете время, которого у вас и так немного.

– Если же он не отречется, – заявил Стефано, – толпы людей штурмом возьмут его дворец и разорвут Гариана на части.

– Кстати, о народе, – Конан уставился на густобрового мужчину. – Ты тут говорил о желании предотвратить бойню, которая может запятнать ваши идеалы. А как же те тысячи людей, что погибнут при штурме дворца? Если они вообще смогут его взять.

– Мы и так компрометируем наши идеи, нанимая бойцов за золото, – упорствовал Стефано. – Дальше уже нельзя. Все, кто умрет в битве, станут мучениками, пострадавшими за святое и правое дело.

– Ну и когда наступит этот святой и правый день? – Конан не мог скрыть сарказма.

– Как только Таэрас соберет свою тысячу, – ответил Гракус.

– Иначе говоря, дату начала определяет Таэрас? – Гракус медленно кивнул, и по его лицу пробежала тень сомнения. Конан продолжал. – Тогда я должен говорить с Таэрасом, а не с вами.

Ариана широко распахнула глаза.

– Ты хочешь сказать, что все еще можешь отказаться? После всего, что мы тебе открыли?

– Мы же рассказали ему все! – визг Стефано набирал силу. – Он нас всех предаст! Мы преданы; преданы этим варварам!

Лицо Конана окаменело. Взяв меч обеими руками, он поднял его так, что рукоять оказалась напротив его глаз. Стефано закричал, как женщина, и отскочил назад. Гракус поднялся на ноги. Ариана стояла ни жива, ни мертвa. – Этой сталью и Кромом клянусь, – торжественно произнес Конан, – я никогда не предам вас. – Он отыскал глазами Ариану. – Я скорее умру. Ариана нерешительно шагнула вперед. Лицо ее было полно удивления.

– Ты не такой, как другие, – прошептала она. Ее голос стал громче. – Я ему верю. Мы договоримся о встрече с Таэрасом. Согласны? Стефано, Гракус? – Скульпторы торопливо кивнули. – Левкас? Левкас!

– Что? – переспросил тощий философ, словно очнувшись. – Что бы ты ни сказала, Ариана, я целиком и полностью согласен. – Он заметил блеск клинка и откинул назад голову, стукнувшись о стену. Он так и остался сидеть, не сводя с меча испуганных глаз.

– Философы, – усмехнулась Ариана.

– Мне пора идти, – заявил Конан, сунув меч в ножны. – Я должен встретить Ордо.

– Увидимся вечером, – бросила Ариана. Если судить по лицу Стефано, его моментально скрутил острый приступ желудочных колик. – И знаешь что, Конан? Помни – я доверила тебе свою жизнь.

Да уж, подумал Конан, покидая гостиницу. Ввязалась в самую гущу. Да, у восстания есть небольшой шанс. Если у Таэраса действительно будет тысяча хорошо вооруженных и обученных бойцов. Если народ поднимется и последует за ними. Если люди не разбегутся при встрече с железным строем пехоты, лавой тяжелой кавалерии и гигантскими осадными башнями. Если мятежники решат подождать со своими идеалами и захватят дворец прежде, чем Золотые Леопарды организуют сопротивление. Слишком много «если». Она связала свою жизнь с заранее проигранным делом. Но, преисполнившись гордости, Конан дал еще одну клятву – самому себе. Он спасет ее, несмотря на нее саму.

Глава 9

Когда солнце начало клониться к закату, народ стал заполнять улицу Сожалений. К ночи сотня жонглеров мячами, ножами, булавами и факелами станет тысячей. Сотня разряженных, нарумяненных и надущенных проституток, прохаживающихся сейчас по улице, вечером превратится в две тысячи. Кое-где можно было видеть залетную птицу – богатого купца с вооруженным эскортом – предвестника сотен таких же. Дюжины носилок, влекомых мускулистыми рабами, везли авантюристок, ищущих новизны. А под ногами у них у всех шныряли нищие.

Не обращая внимания на окружающих, Конан продвигался по улице..

Заметив вывеску таверны «Знак полной луны», он невольно расхохотался. На вывеске была изображена со спины сидящая на коленях и нагнувшаяся обнаженная женщина. Очевидно, это должно было говорить о тех сладостных утехах, которым предавался здесь среди прочих и Ордо.

Вдруг Конан вздрогнул. Ему показалось – да нет же, так оно и есть! – что носилки с пурпурными занавесями были те же самые, что встретились ему в первый же день его пребывания в городе. С одной стороны золоченых носилок ткань была отдернута в сторону, и Конан снова встретился взглядом с таинственной женщиной под вуалью. Даже с такого расстояния, хотя он и не мог разглядеть цвет ее глаз, они казались ему мучительно знакомыми. Он где-то видел эту женщину раньше – но где?

Он тряхнул головой. Память и воображение иногда играют с ним очень странные шутки. Да ведь у сотни знакомых ему женщин и еще, может, у тысячи тех, кого он никогда не узнает, глаза точно такого же цвета. С этой мыслью Конан зашел под вывеску.

Сквозь шум толпы до него донесся то ли женский смешок, то ли приглушенное рыдание. По спине у него пробежал холодок. Черт, еще вот-вот, и он вспомнит! Он обернулся, но носилки уже исчезли в толпе.

Конан попробовал, как двигаются в ножнах меч и кинжал, как будто это могло помочь ему успокоиться. Я слишком беспокоюсь за Ариану, решил киммериец. Совсем не вредно немного развеяться, взять пример с Ордо: выпить вина, поглядеть на прославленную танцовщицу. Он вошел внутрь.

Зал пропах кислым вином и затхлыми благовониями. Уставленный грубо сколоченными деревянными столами, он был заполнен едва на треть. Посетители пытались утопить в вине свои страхи. Семеро танцовщиц извивались под звуки двух флейт и ситара. Из одежды у них оставалось только по кусочку полупрозрачного красного шелка, которым они попеременно закрывали то лицо, то грудь. Изогнутые бронзовые пластинки, пристегнутые к золоченому поясу, прикрывали их лобо. У каждой на пластинке значилась цена, за которую можно было познакомиться с танцовщицей более тесно в комнатах наверху.

Конечно, у всех у них весьма неплохие фигуры, подумал Конан. Но вряд ли какая-нибудь из них способна серьезно увлечь нашего Ордо. Может быть, у них есть еще танцовщицы, которые выступают по вечерам? С этой мыслью Конан уселся недалеко от платформы с танцовщицами. Пышнотелая служанка, у которой были прикрыты только бедра, возникла у него за плечом.

– Вина! – небрежно бросил Конан. Служанка испарилась.

Он устроился поудобнее, созерцая представление. Но его покой был нарушен появлением тощего философа, Левкаса.

– Мне нужно... Можно мне поговорить с тобой, Конан? Философ нервно оглянулся, словно боясь быть подслушанным. Единственными в зале, кто не пил вино, были трое черноволосых хотиан. Их волосы были вплетены в металлические браслеты, а на предплечьях крепились

карпалийские кинжалы. Похоже, они спорили, стоят ли танцовщицы тех денег, которые требуется за них заплатить. Все равно, Левкас чуть не свалился с табурета, пытаясь пододвинуться поближе к Конану.

Торопливо, словно боясь опоздать, он прошипел:

– Я должен поговорить с тобой, Конан. Я следил, да. Твой меч. Когда я увидел его, я понял. Ты – тот самый. Ты – тот человек, который способен это сделать. Я же... Я не такой. Я просто не... Сражения, кровь, мечи – не для меня. – Пот градом катился по его лбу. – Ты ведь понял, не так ли?

– Ни слова.

Левкас зажмурился и что-то пробормотал про себя. Похоже, это помогло ему взять себя в руки.

– Ты согласен с тем, что Гариана необходимо лишить короны?

– Что вы и планируете сделать, – нейтральным тоном заметил Конан.

– Но... – воскликнул Левкас и тут же понизил голос. Это следует изменить! Мы не можем больше ждать. Тут такое произошло несколько дней назад! Земля тряется. Среди бела дня гаснет солнце и сверкают молнии. Боги отвернулись от бедной Немедии. Это знак свыше! Знак, что мы должны убрать Гракуса прежде, чем боги с ним рассчитываются. Потому что вместе с ним они уничтожат и Бельверус.

Бог самого Конана, Кром, Черный Лорд Могильных Курганов, давал новорожденному жизнь и волю. Конан еще не сталкивался с богами, которые могли бы делать что-то большее. Что касается молний – то скорее всего кто-то, несмотря на королевский указ, балуется волшебством. Конан не любил чародеев. Однако, поскольку в этот раз колдовство лично его не коснулось, киммерийцу было на это наплевать.

Он спросил:

– Похоже, вы решили поспешить? А зачем ты говоришь об этом мне?

– Ты не понимаешь, нет. Не эти планы. Другое, более скорое я имею в виду. – Лицо его лоснилось от пота, голос дрожал. – Нас впустят во дворец. С кинжалами. Гариан должен умереть. Немедленно. Но я не могу этого сделать. Я не такой. Ты – человек грубой силы. Займи мое место!

– Я не убийца, – проворчал Конан.

– Не говори так громко! – воскликнул Левкас, лихорадочно блестя глазами. – Ты не понимаешь. Ты должен...

– Я отлично понял, – холодно заявил Конан. – Спроси об этом еще раз и можешь распрошаться с зубами. – Внезапно ему в голову пришла мысль. – Ариана знает об этом?

– Не говори ей. Никому не говори, – всхлипнул философ. Зачем только я все рассказал?

Он встал и направился к выходу, пятясь и спотыкаясь. Подумай об этом, Конан! Просто подумай хорошенько, а?

Конан угрожающе приподнялся, и Левкас, проявив неожиданную ревность, исчез.

Конан скривился. Да как смел этот человечишка называть его убийцей? Да, ему приходилось убивать, и еще придется, наверное. Но он убивал из необходимости, а не за деньги.

Но больше всего его волновала Ариана. Конан не мог поверить, что такой человек, как Левкас, который от страха едва на ногах держится, может попасть во дворец незамеченным. Его схватят. На первом же допросе от одного вида щипцов он обложится. И заложит всех, включая родную маму. В худшем случае сам Конан мог бежать, но Ариане сделать это было бы затруднительно. Ладно, появится Ордо, поговорим, и я пойду предупрежу девушку об этом слизняке.

Подумав о Ордо, Конан вспомнил и о выпивке, которой давно бы уже пора было стоять на

столе. Куда же запропастилась проклятая служанка? Конан огляделся. Во всем помещении двигались только танцовщицы, да трое хотианских воинов, шаркая, подходили к платформе, очевидно, чтобы иметь лучшее обозрение.

В поисках служанки Конан привстал. В этот момент один из воинов заорал на него:

– Я тебя предупреждал! Это моя женщина, варвар!

Отработанным жестом все трое скрестили руки и выхватили кинжалы. Музыка смолкла, девушки с визгом разбежались. Хотианцы кинулись на него. Одной рукой киммериец опрокинул стол.

– Ослы! – заорал он, вскочив на ноги. – Не на того напали!

Двое сумели ловко отбежать в разные стороны, а третий нападавший упал, приземлившись на колени перед Конаном и отчаянно работая кинжалами. Киммериец втянул живот, и кинжалы скользнули по кирасе, не причинив вреда. Прежде чем противник успел двинуться, Конан могучим ударом колена вышиб ему все зубы. Оружие выпало из его рук. Пока он валялся без сознания на пол, Конан успел достать свое оружие. Он держал свои меч и кинжал наготове – в нижней позиции.

– Вы меня с кем-то путаете, – сказал Конан. Двое разделились и начали осторожно обходить его. Судя по их движениям, это были профессионалы. Сидевшие за столиком оживились, делая ставки на исход поединка. – Я никогда не видел ни вас, ни вашей женщины.

Двое продолжали обходной маневр, держа кинжалы лезвием вверх. Они готовились нанести удар, который прошел бы между пластин кирасы.

– Ты тот, кто нам нужен, – крикнул один и, когда Конан перевел взгляд на него, второй бросился вперед.

Киммериец ждал именно этого. В тот же момент его меч блеснул, и хотианец закричал, заливая пол кровью из обрубленной руки. Отчаянно пытаясь остановить кровь, человек осел на пол. Кровь хлестала рекой.

Конан повернулся к третьему, но у того пропал всякий интерес к делу. Он смотрел на своих товарищей, на его лице было большими буквами написано разочарование.

Киммериец направил меч в его сторону.

– А сейчас ты расскажешь мне...

Внезапно в дверях показалось человек двенадцать стражников с мечами в руках. Шедший впереди, очевидно, начальник, указал на Конана.

– Вот он!

Стражники ринулись вперед, снося все на своем пути.

– Кром! – выругался Конан. Похоже, вопросы они начнут задавать потом, да и то – разве лишь трупу. Выскочив на сцену, Конан рванулся к двери, за которой исчезли танцовщицы. Дверь оказалась заперта.

– Взять его! – вопил стражник. – Живым или мертвым! Топча поверженных посетителей (которые и сами бы с радостью отошли в сторону, будь у них такая возможность), городская Стража ринулась к сцене.

Отступив на шаг, Конан плечом разнес дверь в щепы. Сбившиеся в кучку танцовщицы завизжали. В глубине помещения киммериец заметил запасной выход. Растрякая девушек, Конан подбежал к двери, возле которой задержался. Повернувшись к девушкам, он сделал страшное лицо и зарычал, размахивая мечом. Энтузиазма в криках значительно прибавилось. Танцовщицы ринулись в сторону сцены. Судя по крикам, стражники надолго застряли в потоке истеричной женской плоти.

Надеюсь, это их задержит, подумал Конан, сунув меч в ножны. Он двинулся по узенькой, чуть шире его плеч, аллейке, выходившей на задний двор. Не отличавшаяся прямотой уложка вся

пропахла дерьямом. Он почти бежал, отгоняя наглых мух.

Прежде чем ему удалось скрыться за поворотом, он услышал позади себя крик.

— Вот он, бежит! — Похоже, удача ему сегодня изменяет, решил Конан, когда из дверей трактира высыпали стражники. Может быть, они не любят женщин? Черт, попадется же такое — единственный в Бельверусе патруль городской стражи хоть с каким-то понятием о долге!

Бряцая оружием и оскальзываясь в деръме, фигуры в черных плащах устремились за ним.

Конан побежал, стараясь удержаться впереди, с трудом вписываясь в повороты. Он свернулся в первый попавшийся переулок, другой, третий. Но ругань за спиной не утихала.

Наконец Конан понял, что находится в лабиринте проходных дворов. Конечно, район окружен нормальными дорогами. А эти здания, того и гляди, развалиются. Дома здесь обычно начинались с одного этажа, а остальное достраивалось по мере необходимости, так что все вместе это выглядело как куча гнилых ящиков.

Будет чистой случайностью, если ему удастся выбраться отсюда, прежде чем его настигнут преследователи. А случайности сегодня, судя по всему, на стороне противника. Впрочем, для того, кто был рожден среди скал и ледников Киммерии, существовала другая возможность.

В отчаянном прыжке он ухватился за край крыши и перевалился через него. Лежа на спине, Конан прислушался. Крики приблизились и стали удаляться.

— Он наверху! — закричал кто-то. — Явижу его ногу!

— Дерьмо собачье! — выругался киммериец. Неудачи сыпались одна за одной.

Стражники начали взбираться, а Конан рванул по черепичной крыше, вскарабкался на верхний уровень, пробежал немного, спрыгнул вниз. Крыша не выдержала, и он провалился.

Не совсем еще прияя в себя, Конан приподнялся. Он стоял в куче черепицы. Похоже, он был здесь не один. Стоявший у стены мужчина — тень скрывала его лицо — выругался с явным акцентом уроженца трущоб. Черная бородка обрамляла покрытое оспинами лицо второго мужчины, который недоуменно смотрел на Конана.

Главным здесь был, похоже, черноволосый мужчина с сединой на висках. Серый плащ прикрывал его алою тунику. Орлиное лицо походило на королевское.

— Убейте его, — последовал приказ.

Кром! — подумал Конан и взялся за меч. Похоже, на него сегодня объявлена охота. Бородатый взялся за рукоять меча.

— Смотрите! — раздался радостный возглас. — Там дыра в крыше. Туда! Один серебряный тому, кто прольет первую кровь!

Лицо орлиноносого почернело, и он поднял руку, как бы намереваясь ударить киммерийца через всю комнату. Над головой послышались шаги.

— Нет времени, — заявил он.

Орлиноносый повернулся и вышел. Двое последовали за ним. Конану вовсе не улыбалось дожидаться стражи или следовать за этой троицей. Есть ли еще выход? Так, что это за тряпка на стене? Долой! Вот и дверь. За дверью оказалась пустая комната, за ней — еще одна, откуда киммериец попал в коридор. Конан осторожно прикрыл за собой дверь. Судя по звукам, стражники начали прыгать вниз.

К его удивлению, он вышел прямо на улицу. В обе стороны она была пустынна, если не считать престарелой шлюхи, которая одарила его приветливой улыбкой. Конан содрогнулся и прибавил шагу.

Первым делом, войдя в «Знак Тестис», он наткнулся на Ордо, мрачно нянчившего кубок вина. Конан присел рядом.

— Ордо, ты посыпал мне просьбу встретиться в «Знаке полной луны»?

— Что? — вскинулся Ордо. — Нет. — Он покачал головой, грустно глядя в кубок. — Может, ты

мне объяснишь, Конан? Прихожу я сюда и говорю, – «Керин, твои глаза самые прекрасные во всей столице!» – А она меня – раз! – по морде и заявила, что для меня, дескать, ее грудь недостаточно велика. – Он тяжело вздохнул. – Теперь она со мной не разговаривает.

– Наверное, я смогу пролить свет на некоторые вопросы, – ответил Конан и, понизив голос, рассказал ему о послании, якобы от одноглазого мужчины, требующего встретиться в «Знаке полной луны».

Ордо мигом ухватил смысл.

– Значит, они гоняются именно за тобой. Не прикончат кинжалы, так загонит стража. Правда, я не представляю, кто такие «они».

– Согласен. Когда стражники так долго за мной бегали, я понял, что их хорошенко подмазали. Но кто и зачем?

Расплющенным пальцем Ордо размазал вино по столу.

– Может, нам лучше покинуть Бельверус? Я слышал, в Офире начались волнения. Там нас примут с распластанными объятиями. А здесь тебя хочет убить кто-то неизвестный. Мне это не по душе. Уж лучше бы ты послушался этого предсказателя.

– Знаешь, Ордо, – Конан покачал головой. – Если я направлюсь на юг, то потеряю отряд. Кое-кому из моих ребят здесь очень нравится, а у меня не хватит золота на плату до прихода в Офир. Кроме того, у меня здесь есть дела.

– Дела? Конан, ты часом не вляпался в это...

В этот заговор малолеток?

– Не совсем.

– Не совсем, – пробурчал Ордо. – Тогда скажи мне, только точно, что ты намерен делать?

– Найти того, кто хочет моей смерти. Разобраться с ним. И спасти Ариану от палача. Ты бы не хотел, чтобы голова твоей Керин попала на плаху?

– Наверное, нет, – скрепя сердце, согласился одноглазый.

Конан огляделся и увидел Керин. Знаком он подозвал ее к столу. Она подошла не сразу.

– Ариана здесь? – спросил он. Первым делом надо предупредить ее о Левкасе.

– Она отсутствует, – игнорируя Ордо, ответила Керин. Пошла, кстати, договариваться о твоей встрече.

– Керин, я хочу тебе сказать... – начал было Ордо, но девушка опрокинула на него кувшин вина и убежала.

– Ее мало обезглавить! – совсем испортилось настроение одноглазого. – Похоже, нас обоих бросили. Пойдем на улицу Сожалений, я знаю там один уютнейший уголок. Там царит такой разврат, что шлюхи, услышав о нем, краснеют!

– Надеюсь, это не «Знак полной луны»? – рассмеялся Конан.

– Ну совершенно никакого сходства, – заявил Ордо и, напоминая своим голосом раненого шакала, затянул песню.

Знавал я из Альцибии девчонку
Я запустил ей руку под юбочонку
От золота волос лица не видно
А оказалось, что она фриgidна
Ее...

В трактире воцарилась мертвая тишина.

– Конан! Ты почему не поешь?! – Смеясь, Конан поднялся со своего места, и под прицелом

ошеломленных взглядов они вышли на улицу, распевая во всю глотку второй, совершенно неприличный куплет песни.

Глава 10

– Ты уверен? – переспросил Албанус. В тусклом свете свисавших с потолка светильников он походил на волка.

Деметр ощетинился.

– Ты хотел, чтобы за Стефano проследили. Я нанял людей. И я в этом уверен, иначе бы меня здесь не было.

– Иди за мной, – и Албанус скрылся в дверях.

Его нисколько не волновали стиснутые зубы и побелевшие кулаки Деметра. Он проследил за ним, и это главное. Албанус уже вживался в роль короля. В конце концов, остались считанные дни. Сегодня были завершены все приготовления.

Темноглазый лорд направился в комнату, где он проводил ночи с Суларией. Правда, женщины здесь не было. Дернув особым образом шелковый шнур звонка, он направился к письменному столу.

– Когда? – лихорадочно царапая пергамент, спросил он. – Сколько у меня есть времени?

– Я не знаю ее замыслов, – сухо ответил Деметр. – Разве недостаточно, что она собирает сегодня всех своих партизан-мирмидонов?

– Идиотка, – только и произнес Албанус. Быстрыми движениями он посыпал влажные чернила песком и зажег огонь под горшочком с воском. Вошел раб, но Албанус его игнорировал. Он стряхнул с пергамента песок, сложил его и оттиснул на теплом воске свою личную печать.

– Все ли заговорщики собрались, когда твой человек передал тебе это сообщение?

– Как только появился третий, он немедленно побежал ко мне. Зачем ей нужны эти люди, если она не собирается наносить удар?

Выругавшись, лорд передал письмо рабу.

– Отдашь лично в руки командиру Ведженту не позже чем через четверть часа. Отвечаешь головой. Марш!

Раб поклонился и выбежал из зала.

– Если они еще не начали, – пояснил Албанус, – то у нас еще есть надежда их остановить. – Он подошел к лакированному сундуку и откинул крышку. – И я ее остановлю!

Деметр с опаской заглянул внутрь.

– Но каким образом? Ты убьешь ее?

– Нет, никогда тебе не быть королем, – рассмеялся орлиноносый лорд. – Существует тонкое искусство подбора наказания в соответствии с преступлением и преступником. А сейчас отойди в сторону и молчи. – Второго предупреждения не потребовалось. Юноша сунул себе под нос коробочку с благовониями – говорят, от чародейства плохо пахнет – и принял мечтать о хорошем.

Смахнув со стола какую-то бесценную хрустальную вазу, Албанус положил на него круглый черный поднос. Он был весь покрыт паутиной линий, слепившей глаза. Проследить отдельную линию было невозможно.

Албанус подернул рукава своей синей туники, открыл какой-то сосуд и покрыл серебристые линии пурпурной жидкостью, сопровождая свои действия заклинанием. Жидкость расположилась точно на серебре, ничуть при этом не изменившись.

Измельченные волосы с головы Сефаны (ее служанка любила деньги) были высыпаны в ступку, сделанную из черепа девственницы. Албанус поместил в нее еще какие-то незначительные добавки и перемешал все пестиком из бедра младенца.

Этой смесью он покрыл другие линии на подносе. Порошок и жидкость образовали

замкнутую фигуру. Они нигде не касались друг друга, но иногда части одного, казалось, были заключены внутрь частей другого. И все время разные. При взгляде на этот лабиринт кружилась голова.

Какой-то момент Албанус колебался, наслаждаясь совершенством своего творения. Он замер в предвкушении. Засуха засухой, а против живого человека он сегодня выступает впервые. Он испытывал наслаждение, с каждым моментом становившееся все острее.

Но лишнего времени не было.

Разведя руки в стороны, он начал произносить слова мертвого языка, призывая, заклиная, приказывая. Пыль и жидкость замерцали. Его голос стал настойчивее.

Деметр отступал, пока не уперся в стену. Древние слова раскаленными молниями врывались в его душу. Зло, таившееся в глубине его души, знало, что оно по сравнению с этим злом – что свеча против вулкана. Если бы страх не лишил его сил, он бы сейчас закричал. Этот крик эхом катился по темным закоулкам его сознания.

Казалось, от голоса Албануса тряслись стены. Заволновались на незримом ветру гобелены. Внезапно на месте двух субстанций появилась дымка, все еще повторяющая сложный рисунок. Дымка казалась более вещественной, чем жидкость и порошок.

Сверкнула вспышка, и дымка исчезла. На подносе не осталось никаких следов. Сияние в мозгу постепенно угасло.

Албанус устало уронил руки.

– Сделано! Дело сделано, – повторил он. Лорд взглянул на Деметра, и юношу передернуло.

– Мой лорд Албанус, – слова застревали у него в горле, но страх заставлял продолжать. – Я еще раз приношу вам заверения в моей безграничной преданности. День, когда вы по праву zajмете трон, будет величайшим днем в моей жизни.

– Значит, ты – мой верный пес? – Албанус скривил губы в усмешке.

Лицо юноши вспыхнуло в гневе, но он вымолвил:

– Я ваш верный пес. – Тогда – молчать! Когда понадобишься, тебе об этом скажут.

Деметр победел. Хозяин заметил это, но ничего не сказал. Похоже, мальчик начал понимать свое настоящее место. Он был полезен. Возможно, если он поймет все достаточно хорошо, его можно будет оставить в живых.

С прежней осторожностью лорд запер сундук.

– Идем, – сказал он, направляясь прочь. – Скоро мы должны встретиться с другими.

Хозяин видел, что вопрос «с кем именно?» был готов сорваться с губ юноши, но тот промолчал. Албанус позволил себе улыбнуться. Вот – подобающее поведение. Королей не спрашивают, королям повинуются.

Как приятно будет стать королем всей Немедии! И даже больше – ведь что ему чужие границы!

Они надели плащи и в сопровождении четырех факельщиков направились в город. На выходе из дома к ним присоединились десять охранников, скрипя кожей и звеня сталью. То, что они охраняли также и Деметра, было чистой случайностью.

Грабители и бандиты спешили убраться с их дороги. С улицы Сожалений доносилась музыка. Все, кто не мог нанять охрану, ложились спать с молитвой, прося богов, чтобы воры их обошли сегодня стороной.

Когда они приблизились к дворцу Сефаны, где за окружавшей сад алебастровой стеной вздымались колонны розового мрамора, на улице показалась еще одна процессия. Албанус дал знак остановиться.

– Не ты ли это, Албанус? – прохрипел Веджент. – Дурная ночь. Мне пришлось перерезать глотку любимого капитана.

Губы лорда искривились. Нет уж, этого в живых оставлять нельзя, будь он хоть стократ полезней.

Албанус подождал, когда Золотые Леопарды, человек двадцать, приблизятся. Половина из них несла факелы, плащи их были сдвинуты назад, чтобы не мешать мечу.

— По крайней мере, тебе удалось убрать Баэтиса. А нашел ли ты этого варвара?

— От Таэраса еще не было известий. Скорее всего, — продолжил великан, — судя по погоне за ним, это обыкновенный вор и убийца. Беспокоиться не о чем.

В голосе лорда послышался упрек.

— Все, что может нарушить нашу встречу подобным образом, является потенциально опасным. Кроме того, чем была вызвана прыть стражников? Они уже давно не проявляли подобной активности.

— У меня нет повода допрашивать стражников, как это было в случае с Мелиусом.

— Так изобрети его, — отрезал Албанус. — Откройте дверь, — скомандовал он.

Веджент что-то прошептал своим людям. Шестеро подошли к стене, разбившись на две группы. Двое в каждой тройке сцепили руки и подняли третьего наверх. Тот, укрыв плащом усеянный осколками верх стены, перевалил через нее. Из-за стены донесся слабый вскрик, и все смолкло. Раздался шум убиаемого засова, ворота открылись.

Не обращая внимания на валяющийся в луже крови труп охранника, Албанус прошагал к дому.

По приказу Веджента двое остались у ворот. Остальные последовали за лордом — через уникальный сад к самому дворцу с его белоснежными колоннами и резными перекрытиями. Четверо забежали вперед по широким мраморным ступеням и с треском распахнули бронзовые двери.

Находившиеся внутри люди повсюду глянули на ворвавшихся солдат. Всего их было шестеро.

Убрать! — бросил Албанус мимоходом и направился к лестнице. Деметр следовал за ним.

— Нет, — закричал тощий большеносый мужчина. — Я бы не стал этого делать. Я... — и, направленный метким пинком Веджента, исчез из пределов слышимости.

Знакомыми коридорами Албанус шел к спальне. Он не раз бывал здесь с более низменными намерениями. Но не более приятными, чем сейчас, отметил он про себя, открывая дверь.

Деметр, осторожно оглядываясь, последовал за ним. Какие-либо следы разрушения здесь отсутствовали. Сефана лежала на кровати и никак не реагировала на их присутствие. Она была обнажена, в левой руке она сжимала синее шелковое платье. Как будто собиралась его одеть, но раздумала. Албанус удовлетворенно хмыкнул.

Юноша пробрался вперед. Глаза Сефаны были открыты. В них светилась жизнь. Он прикоснулся к ней и тут же отдернул руку — она была тверда как камень.

— Она жива, — снизошел Албанус. — Живая статуя. Зато теперь ей не надо беспокоиться о старости. В таком виде ее красота сохранится на века. Деметр поежился.

— А не проще ли было просто ее убить?

Взгляд Албануса был страшен из-за его снисходительности.

— Король обязан давать предметные уроки. Если кому-нибудь еще захочется меня предать, он задумается о собственной судьбе. И о судьбе Сефаны. Принять смерть значительно легче. Вот ты, Деметр, — можешь ли ты меня предать?

Не в силах вымолвить ни слова, юноша отрицательно затряс головой.

Вошел улыбающийся Веджент.

— Вы бы только видели, как они нас умоляли! Как они просили пощады! Глупцы, молитвами стать не остановишь!

– Значит, убрали всех? – переспросил Албанус. – Всех, кто был в доме? Слуг, рабов?
Великан расхохотался и провел ребром ладони по горлу.

– Всех в выгребную яму. Там был один такой симпатяга – он сказал, что его зовут Левкас, как будто это что-то могло изменить. Он рыдал, как баба. Говорил, что не он, а какой-то варвар – по имени Конан – должен был заняться этим. Чего только не услышишь! Тебя-то что беспокоит, мой повелитель?

Албанус заметно побледнел и впился глазами в Деметра.

– Конан – ведь так звали варвара, который продал тебе меч?!

Юноша кивнул, но глаза Албануса его не замечали. Он забормотал, не отдавая себе в этом отчета.

– Сновидение? Судьба? Боги играют судьбой людей, и любая случайность служит конечной цели. Случайность может помешать грандиозным планам. Я не могу этого допустить.

– Может быть, это не тот человек? – усомнился Веджент.

– Двое с таким варварским именем? Не может такого быть. Найдите мне этого Конана. – Он обвел присутствующих полубезумным взглядом. – Мне нужна его голова!

Присутствовавшие нервно вздрогнули.

Глава 11

Конан опрокинул на голову еще один ковш воды и тупо уставился на окружающий его двор «Знака Тестис». Первой на пути его взгляда оказалась Ариана. Руки ее были сложены на груди, а во взгляде сквозило презрение.

– Немудрено, – заявила она. – Если ты пьешь и развратничаешь до самого рассвета, ты должен быть готов к тяжелому похмелью.

– Ничего у меня не болит, – возразил Конан и принялся вытираять голову. Пока его лицо было прикрыто полотенцем, Конан скривился. Лишь бы она не кричала, молил про себя Конан, а то его голова просто разорвется на части.

– Весь вечер я пыталась тебя найти, – продолжила Ариана. – Я договорилась о встрече с Таэрасом, хотя сначала он не очень-то желал этого. У тебя мало времени. Я расскажу, как туда добраться.

– Ты разве не пойдешь со мной?

Она отрицательно качнула головой.

– Он был вне себя. Он говорил, что мы ничего не понимаем в воинском искусстве, что мы не в силах отличить плохого бойца от хорошего. Я рассказала ему о тебе, и он немного смягчился. По крайней мере, он с тобой встретится, и примет решение. Но нам он запретил приходить. Чтобы мы поняли, насколько он зол на нас.

– Может и так, – согласился Конан и отбросил влажное полотенце в сторону. – Слушай. Мне нужно сказать тебе кое-что важное. О Левкасе. Этот человек подвергает всех большой опасности.

– Левкас? – переспросила Ариана. – И что же это за опасность?

– Вчера он пришел ко мне с каким-то безумным предложением – убить Гариана. Если он попытается...

– Но это же нонсенс! – перебила она. – Из всех нас Левкас меньше других способен к решительным действиям. Единственное, что его волнует – философия и женщины.

– Женщины? – рассмеялся Конан. – Как, этот тощий червяк?

– Истинная правда, мой мускулистый друг, – подколола его она. – Он даже считается неплохим любовником среди знавших его женщин.

– И ты в их числе? – невольно стиснул кулаки Конан.

Ариана вспыхнула.

– Я – не твоя вещь. Какое ты имеешь право спрашивать меня, что я делала с Левкасом или с кем-нибудь еще?

– Что это вы вдруг заговорили о Левкасе? – спросил появившийся из дверей Гракус. – Вы, кстати, его не видели? Не знаете, где он сейчас?

– Нет, – отрезала Ариана и набросилась на него. – А какое право ты имеешь здесь слоняться, словно шпион короля?

Гракус словно не заметил ее слов.

– Его не видели с вечера. И Стефано, кстати, тоже. Я услышал, что здесь было упомянуто его имя, – он натянуто рассмеялся. – Конечно, мы можем себе позволить потерять пару-тройку философов, но если они в этот раз принялись за скульпторов... – Он рассмеялся снова. Если судить по выражению лица, у него было несварение желудка.

– Они вернутся, – утешила его Ариана. – Они, наверное, всю ночь посвятили выпивке. Как, например, Конан.

– А почему вы думаете, что они могут не вернуться? – заинтересованно спросил Конан.

Ариана наградила его убийственным взглядом, но Гракус слабым голосом ответил:

— Несколько месяцев назад исчезли несколько наших друзей. Художники. Двоих из них мы никогда больше не увидели. Их тела были обнаружены в мусорной куче, куда их закопали Золотые Леопарды. Их заметили случайно. Мы думаем, что Гариан хочет нас запугать.

— Что-то непохоже на королей, — нахмурился Конан. — У них в чести принародные казни и все такое прочее.

Гракусу стало плохо.

Ариана нахмурилась:

— Тебе пора на встречу с Таэрасом. С этими словами она отвернулась от Конана и принялась успокаивать скульптора, гладя его по волосам.

Не с лучшим настроением Конан натянул стеганый кафтан и кирасу поверх него. Затянул пояс с мечом.

— Куда это ты так собираешься? — подозрительно спросила Ариана. — Он же не собирается с тобой сражаться.

— У меня есть для этого причины, — уклончиво ответил Конан.

Он не стал говорить ей, что кто-то за ним охотится. В ее теперешнем состоянии она, скорее всего, решит, что киммериец пытается выжать из нее сочувствие, подобно Гракусу. Разрази Эрлик всех женщин, пожелал он куда-то в пустоту.

— Ну, рассказывай, как найти Таэраса, — потребовал Конан, насадив на голову остроконечный шлем. И все время, пока она давала указания, ее лицо оставалось столь же холодным.

Улица Кузнецов, куда он прибыл согласно указаниям, оправдывала свое название. Здесь работали оружейники, мастера по железу, золоту, серебру, меди, бронзе. Звон молотков сплетался в один неумолчный гул с криками торговцев. Улица напоминала улей. Гильдии следили, чтобы мастер работал только с одним металлом. Но те же Гильдии наняли охрану, которая патрулировала улицу. Покупатели и торговцы могли чувствовать себя спокойно, как нигде.

Чем ближе он подходил к цели, тем меньше ему хотелось приходить неподготовленным. По словам Арианы, чтобы добраться до места, он должен был миновать узкий коридор, начинающийся в лавке медника, и подняться по лестнице в его конце. События последних дней совсем испортили ему нервы.

У самой лавки медника Конан начал делать вид, что приценивается к товарам. Он то подкидывал в руке меч, то пробовал пальцем украшенную чеканными листьями серебряную чашу. При этом он не сводил взгляда с лавки. Пара местных стражников остановились и задумчиво посмотрели на киммерийца, который стоял у открытого прилавка серебряных дел мастера. Недолго думая, Конан поднес чашу к уху и постучал по ней костяшкой пальца. — Слишком много олова, — заявил он и пренебрежительно бросил чашу на прилавок. Взвешенный торговец кричал вслед ему оскорблений, но стражники утратили к нему интерес.

Сразу за лавкой находилась боковая уличка, точно так же пропахшая запахом мочи. Как и ожидал Конан, большая часть глиняной штукатурки благодаря сырости уже отвалилась со стены здания.

Убедившись, что никто за ним не следит, Конан примерился и принялся взбираться вверх. Кто-то, может, и посчитал бы такой подъем, особенно в сапогах и кирасе, делом невозможным. Но для выросшего среди скал Киммерии эти трещины между грубо обтесанными камнями были все равно что гладкая лестница. Если бы кто-нибудь взглянул на место, где он стоял, всего секунду спустя, ему бы показалось, что Конан исчез.

Когда он перевалил через край красной черепичной крыши, на его лице появилась улыбка.

Здесь было чердачное окно-отдушина, обтянутое рыбьими пузырями. И оно было как раз над тем местом, где его ждали. В этом он был уверен.

Осторожно, стараясь не потревожить отдельные куски черепицы, да и самому не загреметь вниз, Конан подобрался к отдушине. Поскольку увидеть что-либо сквозь рыбий пузырь было невозможно, хоть он и пропускал свет, Конан острием кинжала проделал в нем небольшую дырочку и приник к ней глазом.

Внизу оказалась узкая комната, плохо освещенная, несмотря на отдушину и две бронзовые лампы на столе. В ней находились четверо, и у двоих были в руках взвешенные арбалеты. Оружие было направлено на дверь, через которую Конан должен был появиться.

Киммериец ошарашенно покачал головой. Одно дело проявить разумную осторожность, и совсем другое – нарваться на неприятности при всех предосторожностях.

– Так он идет или нет? – раздраженно спросил один из тех, кто не имел арбалета. Поперек его бритой головы тянулся шрам от удара саблей, который запросто отправил бы на тот свет любого обычного человека.

– Он придет, не беспокойся, – заверил его другой мужчина без арбалета. – Девушка обещала, что пришлет его прямо сюда.

Конан замер. Неужели это Ариана послала его прямо на смерть?

– А что ты потом ей скажешь? – спросил человек со шрамом. – Она может быть опасна, Таэрас.

– Скажу, что я его нанял, – рассмеялся мужчина. – И послал его на соединение с той тысячей, которую я якобы собрал за городом. Это должно ее успокоить.

Лежащий на крыше Конан облегченно вздохнул. Что бы Ариана ни совершила, она сделала это не по своей воле. Позже до него дошел смысл остальных слов. Якобы нанял. Значит, все обстоит так, как он и опасался. Юных заговорщиков просто дурачат. Ему придется ответить на много вопросов, подумал Конан и вытащил меч.

– Стреляйте сразу, как только он переступит порог, – поучал арбалетчиков Таэрас. – Эти варвары слишком цепко держатся за жизнь.

– Он уже сейчас все равно что мертвый, – сострил один, а другой ласково погладил ложе арбалета.

Конан ощерился. Мы еще посмотрим, кто больше годится на роль мертвеца. Он бесшумно поднялся и прыгнул.

С воплем – «Кром!» – он прорвал материал отдушине.

У них было время только повернуть голову на звук, а затем Конан приземлился прямо на голову одного из арбалетчиков. Тот с хрустом ломаемых позвонков осел на пол. Второй лихорадочно попытался перенацелить свое оружие, но Конан, развернувшись с тигриной грацией, сунул свой кинжал ему в горло. Тот закашлялся кровью, и в агонии спустил курок.

Стрела пронзила человека со шрамом, который только наполовину успел вынуть из ножен меч. Он выругался и умер.

Использовав кинжал как рукоять, Конан метнул тело арбалетчика в Таэраса. Теперь он узнал его покрытое метками болезни лицо – этот человек присутствовал на встрече, которую Конан прервал другим своим неожиданным появлением с крыши.

Таэрас покачнулся и едва сохранил равновесие. Его рука ухватилась за меч.

– Ты, – узнал он лицо киммерийца.

Конан ударил. Сталь его клинка звякнула о рукоять меча. Таэрас вскрикнул. Отрубленные пальцы упали на пол. Но он был настоящий боец. Левой рукой Таэрас выхватил кинжал и ринулся на Конана.

Убить его не составило бы труда, но киммерийцу нужна была информация. Сделав шаг в

сторону, он пропустил атакующего мимо и огrel его по затылку зажатой в руке рукояткой меча. Таэрас пошатнулся, зацепился за труп товарища и рухнул на пол. Пару раз дернувшись, он затих.

Выругавшись, Конан перевернул его на спину. Из груди Таэраса торчал его собственный кинжал. Глаза уже начинали стекленеть.

– Да что за черт! – выругался Конан. – Ты мне нужен был живым.

Он вытер клинок о рубашку Таэраса и сунул его в ножны. В его голове роились тревожные мысли. Только что он своими ушами слышал признание Таэраса в том, что он дурачит заговорщиков. Но он также встречался с двумя мужчинами, которые, судя по богатой одежде, занимали в обществе важное положение. Можно предположить, что эта встреча была посвящена обсуждению вопроса о восстании.

Следовательно, влиятельные богачи намерены использовать Ариану и других молодых дурачков как инструмент давления на Гариана. А ненужный инструмент, как известно, выбрасывают.

В тот самый момент, когда Конан вытаскивал кинжал из горла арбалетчика, дверь распахнулась. Конан слегка присел, готовясь отразить нападение, и увидел на пороге Ариану с Гракусом. От кровавого зрелица у скульптора глаза буквально полезли на лоб.

Взгляд Арианы был полон безграничной печали.

– Я считала, что Таэрас не имеет права не допускать нас на встречу, – тихо сказала она. – Я думала, что мы должны прийти и сказать слово в твою защиту... – она устало вздохнула.

– Но послушай, Ариана! Они хотели меня убить! – воскликнул Конан. Ариана взглянула наверх, на разбитую отдушину, затем на трупы.

– И кто же из них прыгал сверху, Конан? Ясно же, что прыгал один. С намерением убить. Я так боялась, когда ты так вооружился и не сказал мне, зачем. Я молилась. Я боялась оказаться права.

Ну почему она все понимает не так, как надо, сердито подумал Конан.

– Ариана! Я был на крыше и слушал. Да, я прыгнул. Но после того, как они заговорили о том, как им меня убить. Или, по-твоему, арбалеты им были нужны для того, чтобы на крыс охотиться? – Она смотрела на него спокойным и лишенным жизни взглядом.

Конан набрал воздуха.

– Услышь меня, Ариана! Этот человек, Таэрас, не нанял ни одного воина в помощь вашему восстанию. Он сам это сказал. Вы должны...

– Ты их убил! – неожиданно закричал Гракус. Похоже, у него была истерика. – Этого и боялся Стефano. Может, это ты его убил? Вместе с Левкасом? Ты хочешь убить всех нас! Не выйдет! Нас – сотни! Мы тебя первыми прикончим!

Он глянул под ноги и с пронзительным криком кинулся по ступенькам вниз. Ариана стояла неподвижно.

В дверях появился Ордо, задумчиво глядевший на бегущего скульптора. Осмотрев трупы, он удовлетворенно хмыкнул.

– Я вернулся к «Тестис» и услышал, как эта девушка и другие решили последовать за тобой. Похоже, я правильно решил, что стоит присмотреть за ними.

– Теперь ты убьешь и меня, Конан? – качнулась Ариана.

– Разве ты плохо меня знаешь? Разве ты не знаешь, что я не могу причинить тебе вред? – взвился Конан.

– Я думала, что знаю, – безжизненно ответила Ариана. Она перевела взгляд с одного трупа на другой и истерично рассмеялась. – А теперь я не желаю знать тебя! Не желаю!

Она отскочила от протянутой руки киммерийца.

– Я не в силах победить тебя, – прошептала девушка. – Но я еще могу попасть себе в сердце

кинжалом.

Конан отдернул руку. Наступила тишина. Потом он холодно сказал:

– Не задерживайся здесь. Трупы привлекают стервятников, а для двуногих стервятников ты

– лишь добавочный приз.

Она не ответила.

– Пойдем, Ордо.

Одноглазый последовал за Конаном.

Встречные прохожие, заметив мрачное лицо и ледяной взгляд синих глаз киммерийца, спешили убраться с дороги. Ордо с трудом поспевал за ним. Когда они покинули шумную улицу Кузнецов, одноглазый спросил:

– Что же там в этой комнате произошло такое, что девушка так тебя невзлюбила?

Пронзив его убийственным взглядом, Конан в нескольких словах рассказал о произошедших событиях.

Ордо присвистнул.

– Это что же получается? Нет, я слишком стар для этого. Мы теперь не только должны опасаться, что Гракус и его товарищи могут сунуть нам ножи в спину. Мы теперь не можем даже поступить на службу к купцу или лорду – мы же не знаем, кто из них в этом замешан. Куда же нам идти, Конан?

– Остается одно, – мрачно заявил Конан. – Мы найдемся к королю.

Глава 12

На мраморных ступенях храма Митры изумленный служитель выронил клетку с голубями, когда отряд во главе с Конаном прогромыхал по узенькой улочке. Он был настолько изумлен видом вооруженных людей в Храмовом районе, что он не заметил разбитой клетки и улетающих птиц.

Ордо скрипнул седлом, склоняясь к Конану.

– Это безумие! Нам еще повезет, если наверху нас не встретит весь полк Золотых Леопардов!

Конан только покачал головой.

Он хорошо знал, что ехать во главе сорока вооруженных людей прямо к королевскому дворцу – не самый общепринятый способ обращения к королю, даже и с предложением о службе. Но на такой простой метод, как взятка, уже не оставалось времени. Поэтому у них было два пути – или записаться в немедийскую армию, или вот это.

По правде говоря, Конана сейчас больше беспокоили молодые заговорщики. Решив, что им нечего терять, что Конан их предал или собирается предать, они в отчаянии могли решиться на все, что угодно. Эти улочки у самого Дворца – идеальное место для засады.

Улочки были наследием далекого прошлого, когда вокруг возникшей на холме крепости выросло поселение, из которого потом получился Бельверус – немедийская столица. Крепость стала Королевским Дворцом, роскошные храмы в граните и мраморе сменили хижины, но улочки остались.

Дворец остался крепостью. Но стены были нынче из великолепного белого мрамора, а башни из порфира и нефрита.

Решетки, несмотря на красоту работы, были из кованого железа, а под подъемными мостами щетинился шипами сухой ров. Широкая полоса растительности, постриженной так, чтобы нигде не мог укрыться нежелательный элемент, отделяла Дворец от Храмового района.

На границе этого зеленого пояса Конан остановил свой отряд.

– Ждите здесь, – скомандовал он.

– С превеликим удовольствием, – пробурчал Ордо.

Конан двинул лошадь шагом. Его вороной возбужденно пританцовывал. Двое копейщиков в золоченых плащах охраняли мост. Когда Конан приблизился, рядом с ними возник человек в шлеме с офицерским пломажем.

– Что тебе здесь нужно? – потребовал офицер.

Он задумчиво взглянул на отряд, но они были слишком далеко. К тому же, их было немного.

– Я желаю поступить вместе со своим отрядом на службу повелителя Гариана, – ответил Конан спокойно. – Они обучены новому способу ведению боя, ранее в Немедии не известному.

– Я еще ни разу не встречал наемников без какого-нибудь своего, особого метода войны, – усмехнулся офицер. – И что же это в данном случае? – Я лучше покажу, – ответил Конан. – Так это произведет больше впечатления.

Про себя он облегченно вздохнул. Больше всего он опасался, что его не станут слушать.

– Хорошо, – протянул офицер, снова переведя взор на отряд Конана. – Ты – один – можешь войти и показать свое искусство. Но учти, если этот «секрет» известен любому зеленому рекруту Немедийской армии – а такое чаще всего случается – то ты будешь нещадно выпорот. Дабы послужить примером для других наглецов.

Конан чуть тронул каблуками коня, и тот шагнул вперед. Солдаты угрожающе подняли пики, а офицер отступил назад. Не сводя с него ледяного взгляда, Конан ему ответил.

– Нет, здесь этот способ не практикуется. Но научить новобранца можно. – И улыбнулся. Рот офицера стянулся в линию.

– Э, думаю, кое-кто еще захочет взглянуть на представление.

Он сунул голову в сторожку и что-то сказал.

Оттуда выскочил солдат в золоченом плаще, бросил на Конана оценивающий взгляд и скрылся в направлении дворца. Конан проехал мимо поста, и за ним двинулись солдаты. Интересно, подумал Конан, они просто хотят посмотреть на него или они думают, что он бросится на штурм Дворца в одиночку?

Внешний двор был вымощен плитами известняка. Это был круг радиусом в четыреста шагов, окруженный стенами с галереями, доходящими до уровня четвертого этажа. С галерей у ворот можно было непосредственно увидеть башни, вздымающиеся среди садов Внутреннего двора и самого дворца, где жил король со своей свитой.

Появились офицеры, возглавляемые великанином ростом почти с Конана. Солдаты освободили для них проход. Офицер поста поклонился великанию:

– Славен будь, командир Веджент, – сказал он. – Я надеюсь, что этот варвар может послужить неплохим развлечением.

– Да, Тега, – задумчиво согласился Веджент, не сводя взгляда с Конана. Очень пристальный взгляд, как отметил Конан.

– Эй, ты, варвар! Я тебя знаю? – резко спросил он, стиснув рукоять меча.

Конан покачал головой:

– Мы с вами незнакомы, командир.

Хотя, как он про себя заметил, этот тип действительно кажется знакомым. Правда, очень смутно. Неважно. Если это нужно, воспоминание придет само по себе.

Веджент заметно расслабился.

– Что ж, давайте приступим. Тега, достань варвару все необходимое.

– Мне нужен сноп соломы, – пояснил Конан, – или какая-то другая мишень.

Офицеры сдержанно засмеялись. Двое солдат побежали исполнять приказание Теги.

– Стрельба из лука! – захотел один. – Я, конечно, заметил лук у седла. Но, по-моему, это оружие для младенца!

– Может быть, он стреляет одной рукой! – рассмеялся в ответ другой. Комментарии становились все язвительней. Конан стиснул зубы и тщательно проверил натяжение тетивы.

– Слушайте! – выкрикнул кто-то. – Он сейчас начнет играть, как на арфе!

Конан перебрал в колчане все сорок стрел, удостоверившись, что их оперение в порядке.

– Наверное, он часто мажет – поэтому таскает с собой много запасных! – Нет, ты не прав. Он перышками щекочет женщин. Берет за щиколотку, переворачивает и...

Насмешки продолжались. Они немного поутихили, лишь когда вернулись солдаты, неся соломенную мишень.

– Поставьте туда, – Конан указал на место шагах в пятидесяти от себя. Солдаты с энтузиазмом подчинились, желая поскорее насладиться конфузом варвара.

– Что-то маловата дистанция, варвар!

– Лук-то детский!

Глубоко дыша – для успокоения – Конан проехал мимо офицеров и остановился только в двухстах шагах от мишени. Наложив стрелу, Конан сконцентрировался. Надо держать в уме только цель, а не этих болтливых бабуинов, неизвестно почему именующих себя солдатами.

– Что же ты ждешь, варвар? – крикнул ему Веджент. – Давай, слезай с коня и...

С диким воплем Конан поднял лук и выстрелил. Стрела еще пела в воздухе, а Конан послал Вороного в галоп. Искры неслись из под копыт, а Конан стрелял с максимальной быстротой,

сопровождая представление диким улюлюканьем, не раз наводившим страх на врага от Гандера и Гипербореи до Боссонианских трясин.

Стрела за стрелой вонзались точно в мишень. В ста шагах Конан слегка указал жеребцу коленом, и тот послушно свернул вправо. А Конан стрелял, его мозг слился в единое целое со стрелой, луком и мишенью. Еще один посып – и он уже направляется обратно, не прекращая стрелять. Когда же он наконец, остановил своего скакуна, в его колчане оставалось всего четыре стрелы. А если бы кто удосужился посчитать те, что сделали мишень похожей на ежа, их бы оказалось ровно шесть и еще тридцать.

Он на рыси подъехал к офицерам.

– Что за чудеса? – изумленно спросил Веджент. – Твои стрелы что, заколдованы? Они неслись прямо в цель, когда ты мчался, как сумасшедший!

– Никакого волшебства, – рассмеялся Конан. Пришел его черед смеяться над ошарашенными щеголями. – Почитается за искусство умение попасть из лука в бегущего оленя. Это – всего лишь следующий шаг. До тех пор, пока меня не стали учить этой манере, я ни разу не стрелял с коня.

– Учили?! – воскликнул Тега, не замечая тяжелого взгляда Веджента. – Кто? И где?

– Далеко на востоке, – ответил Конан. – Там лук – главное оружие легкой кавалерии в Туране...

– Чтобы они там ни делали, – прервал его Веджент. – Нам это ни к чему. Фаланга доброй Немедийской пехоты раздавит любого врага без помощи этой пародии на лучников. Нам хватит своих сил.

Конан хотел было сказать, что несколько тысяч конных Туранских лучников сделают с его фалангой, но в это время появилась еще одна группа людей, и офицеры склонились в глубоком поклоне.

Человек с короной в образе дракона на голове, высокий и широкоплечий, двигался впереди.

Но взгляд Конана задержал не король, даже не его приспешники. Нет, его взор приковала женщина. Длинноногая пышногрудая блондинка не была настоящей леди, поскольку ни одна благородная дама не стала бы надевать юбку из полупрозрачного красного шелка, перепоясанную в талии жемчугом, посаженным в золото.

Если же она была чьей-то наложницей, то этот кто-то не уделял ей должного внимания, поскольку красавица вернула киммерийцу взгляд. С такой томностью, что сердце варвара забилось.

Гариан приближался, и Конан торопливо снял шлем, надеясь, что король не успел заметить его взгляд.

– Я видел твое представление с галереи, – неожиданно тепло сказал король. – Я никогда не видел подобного.

Взгляд его карих глаз был мягок – он все же не заметил дуэли взглядов между Конаном и блондинкой – но осторожен, как у человека, успевшего посидеть на троне.

– Как тебя зовут?

– Конан, – ответил киммериец. – Конан из Киммерии, – добавил он, не замечая, как побледнел Веджент.

– Ты хотел просто показать свое искусство, Конан?

– Я пришел вступить на Вашу службу, о Король, – ответил Конан. – Я, мой лейтенант и еще сорок человек, обученных использовать лук так же, как я.

– Великолепно! – Гариан хлопнул жеребца по крупу. – Я всегда питал интерес к новому в военном деле. Ведь я с детства жил при армии! А сейчас, – помрачнел Король, – у меня не хватает времени даже попрактиковаться с мечом!

– О мой Король, – льстиво вкрялся Веджент, – это просто фокусы. Обман. На войне это

бесполезно.

Его взор переместился на Конана: Киммериец прочел в нем страх и ненависть.

– Нет, я не могу согласиться, дорогой Веджент, – возразил Гариан. – Твои советы часто помогали мне в военном отношении, но в этот раз ты ошибаешься.

Веджент открыл было рот, но Король его игнорировал.

– Слушай меня, Конан из Киммерии. Если ты согласен поступить на службу, я прикажу выдать каждому из твоих людей по три золотых марки, и еще по три за каждые десять дней службы. Тебе же самому – десять золотых марок, и по одной – за каждый день службы.

– Согласен, – спокойно сказал Конан.

Ни один торговец не смог бы сделать такого предложения.

– Дело сделано, – кивнул Гариан. – Но ты должен будешь сражаться со мной на мечах по часу каждый день – я вижу по отметинам на рукояти твоего меча, что ты неплохо знаком с этим оружием. Веджент, присмотри за тем, чтобы ему выделили помещение в самом Дворце, и чтобы там было достаточно просторно.

Раздав указания, Гариан торжественно удалился, не говоря ни слова. Солдаты кланялись ему вслед. Придворные двинулись за королем. Блондинка успела бросить на Конана еще один жаркий взгляд.

Краем глаза Конан заметил, как Веджент попытался незаметно исчезнуть. – Командир Веджент, – позвал он его, – разве моих людей не должны разместить здесь же?

Веджент скривился:

– Король сказал, что ты, варвар, получишь апартаменты. Он ничего не говорил о шайке, которую ты называешь своим отрядом. Пусть спят в канаве. – И он исчез за поворотом.

Это немного охладило Конана. Он не мог, повизгивая, бежать к Гариану и жаловаться на Веджента. К тому же у подножия холма есть достаточно трактиров, но даже для самого дешевого ему придется приплачивать людям из собственного кариана. Даже при нынешних возможностях его надолго не хватит.

Но это может подождать. Прежде всего – за что Веджент его ненавидит? Надо все же узнать, прежде чем придется убить человека. И надо не дать блондиночке подвести его под топор палача. Не отвергая, если возможно, предлагаемых удовольствий. Да разве когда-нибудь он, рожденный на поле боя, искал спокойствия в жизни?!

Смеясь, он выехал навстречу своим людям – сообщить об удаче.

Глава 13

Высокий свод простого серого камня был залит светом большого числа бронзовых светильников, являющихся единственным украшением голых стен. Здесь не было окон, а дверь была только одна – хорошо охраняемая снаружи. Албанус позаботился о максимальной безопасности всего, находившегося здесь. Он даже на расстоянии ощущал ту силу, которая скоро будет в его власти. В центре комнаты находилась круглая каменная платформа, а на ней – большой прямоугольный кусок глины необычного оттенка. Эта глина даст ему Драконий трон.

– Лорд Албанус, я хочу знать, почему меня доставили сюда и почему держат взаперти.

Албанус изобразил на лице улыбку и повернулся к нахмуренному скульптору, напряженно сжимая кулаки.

– Всего лишь небольшая оплошность по части моих слуг, – мягко сказал он. – Я попросил их доставить ко мне великого скульптора Стефano. Они же не совсем меня поняли и немного перестарались. Можешь быть уверен, их за это выпорют.

Стефano отмахнулся, как от безделицы. Но, как заметил хозяин, он не стал просить о снисхождении к охране.

– Так вы обо мне слышали? – молодого человека распирала гордость.

– Ну конечно, – согласился Албанус, с трудом сдерживая смех. Этот человечишко был прост для понимания, как папирус с крупными буквами. – Именно поэтому я нижайше прошу тебя изготовить по моему заказу статую. Инструменты уже приготовлены, – хозяин указал на стол, заваленный различными орудиями труда скульптора.

– Но это же неверно, – заявил Стефano с безграничной самоуверенностью. – Глину используют для статуэток, а статуи делают из камня или из бронзы.

Улыбка не сходила с лица хозяина, но черные глаза напоминали угли.

– Эта глина доставлена сюда из Кхитая, – не смог придумать более отдаленного места Албанус. – Если ее обжечь, она приобретает твердость бронзы, но становится значительно легче влажной глины. На столе – наброски и рисунки с человека, которого ты должен изобразить. Изучи внимательно.

С сомнением поглядывая на кусок глины, Стефano развернул сверток и застыл в изумлении.

– Но ведь это же Гариан!

– Наш Король Божией милостью, – на этих словах лорд чуть было не подавился. – Я готовлю ему подарок. Сюрприз, одним словом.

– Но как статуя должна быть одета? – спросил скульптор, просматривая рисунки. – Здесь на всех он изображен в обнаженном виде.

– Такой и должна быть скульптура, – на лице скульптора мелькнуло изумление, и хозяин быстро добавил: – Таков обычай кхитайцев с глиняными статуями. Они одевают их в настоящие одежды. Наряды времени от времени меняют, так что статуя всегда одета по последней моде. – Албанус был доволен собой за эту ложь. Он даже начал подумывать, не сделать ли такой свою собственную статую – потом, когда он воцарится на троне.

Стефano внезапно хрипло рассмеялся:

– А что сделают с обнаженной статуей Гариана потом, когда он уже не будет королем?

– Очень маловероятное событие, – заметил Албанус, не моргнув глазом. Похоже, Стефano до этого не понял, что высказался вслух.

– Да, конечно, конечно... – рассеянно согласился он.

Тут его лицо помрачнело, брови нахмурились.

– Почему бы это я должен согласиться? После ночи, проведенной под замком?

– Но я ведь уже сказал – это была ошибка. Я приношу глубочайшие извинения. Скажем, тысячи золотых марок будет достаточно?

– Золото меня не интересует, – нарочито отказался скульптор.

– Чтобы помочь бедным, – вкрадчиво продолжал Албанус. – Я много слышал о вашей благотворительной деятельности в беднейших районах столицы. – Лицо Стефано не стало мягкое, но лорд понял, что нашупал правильный путь. Голос его снизился до гипнотического шепота. – Подумай сколько добра смог бы ты сделать, имея эту тысячу золотых. Как будут смотреть на тебя друзья? У них, готов поклясться, никогда не было и сотой части этой суммы. – Стефано медленно кивнул, глядя на стену. Он видел свой триумф. – Как они будут восхвалять тебя, ставить в пример. Ты будешь велик в их глазах! – Албанус замолчал.

Стефано расправился, встряхнулся и неожиданно рассмеялся.

– Имея много золота, можно сделать много добра. Извините, мой лорд – я был погружен в думы о тех, кому я могу помочь.

– Несомненно, – улыбнулся лорд и быстро продолжил: – Гариан не должен знать о нашем замысле. Поэтому никто не должен знать, что ты находишься здесь. Еду и питье тебе будут приносить. Если пожелаешь, будут и женщины. Если ты не забудешь соблюдать осторожность, то тебя развлекут ежедневные прогулки в саду. А сейчас – приступай к работе. Время не ждет.

Албанус вышел и обессиленно привалился к двери, охраняемой двумя стражниками с обнаженными мечами. Его мучило. Разговаривать с таким, как Стефано, почти как с равным! К сожалению, талант не заставишь работать угрозами или даже пыткой, как он, к своему сожалению, узнал. Плоды такой работы имели какой-либо фатальный недостаток.

Кто-то осторожно тронул его за руку, и лорд в ярости повернулся. Раб, позволивший себе прикоснуться, низко склонился.

– Простите меня, хозяин, но командир Веджент ждет вас. Он имеет важные вести и просит его принять.

Албанус оттолкнул его и направился к выходу. Все было распланировано заранее. Если этот служака пустил план насмарку, лорд кастрирует его собственными руками.

Лицо ожидавшего Веджента было покрыто потом. Он сразу же начал говорить.

– Конан. Варвар, что сражался с Мелиусом и забрал его меч. На которого указывал Левкас, участвовавший в заговоре Сефаны. Варвар с таким именем понравился Гариану и принят на службу. Я его узнал это тот самый, что сорвал нашу встречу с Таэрасом. Уже четырежды он появлялся у нас на пути. Это мне не нравится, Албанус. Это плохой признак.

– Согласны ли боги со мной? – прошептал, не отдавая себе отчета, Албанус. – Не хотят ли они наказать меня? – И уже громче продолжил: – Не говори о дурных знаках. Этим самым утром предсказатель сказал, что я умру с Драконьей короной на голове. Я приказал его убить естественно, чтобы заставить молчать. Что значит разные варвары по сравнению с таким пророчеством!

Солдат мрачно обнажил клинок.

– Я с легкостью мог бы его убить. Во дворце он одинок, и его спину никто не прикрывает.

– Осел! – заявил Албанус. – Убийство внутри Дворца насторожит Гариана. Это может помешать нашим планам.

Веджент презрительно фыркнул.

– Безопасность короля – в моих руках. Каждый третий Леопард предан лично мне, а не трону.

– А двое из трех – нет. Кроме того, в мои планы не входит размахивать оружием внутри Дворца. Я должен быть в глазах всех спасителем Немедии от орд голодных оборванцев.

– Значит, он будет жить?! – выплынуло недоумение из солдата.

– Нет, он умрет. – А может, Конан – это оружие богов, направленное против него, Албануса? Нет. Его судьба – носить Драконью корону. Он рожден быть королем, а вместе с Синей Сферой он будет живым богом.

– Таэрасу это известно, – продолжил лорд. – Но передай ему, что он должен умереть вдали от Дворца. Чтобы никто не заподозрил так, смерть в драке.

– Похоже, Таэрас исчез.

– Так найдите его! – взорвался лорд. – И помните, внутри Дворца можете за ним следить, но не трогайте. Как только выйдет – можете убивать.

Глава 14

В маленьком дворике раздавался звон стали. Конан блокировал рушащийся меч своим клинком и незамедлительно отступил назад, держа оружие наготове. Несмотря на то, что его широкая грудь была покрыта потом, его глазомер и сила нисколько не пострадали.

Гариан стал заходить слева. Он также был обнажен по пояс. Король был не намного меньше киммерийца, хотя и был покрыт жирком бездеятельности. По его покатым плечам бежал пот, а клинок почти незаметно дрожал.

— Ты неплохо сражаешься, варвар, — выдохнул Гариан.

Конан не ответил, развернувшись, чтобы снова оказаться лицом к противнику. Бой, даже учебный — не время для разговоров.

— Что же ты молчишь? — спросил Король, и в то же мгновение его меч метнулся к животу Конана.

Киммериец почти не двинулся. Движение могучих запястий — и угрожавший клинок отведен в сторону. Но вместо того, чтобы отвести его еще дальше — как было принято, Конан неожиданно присел на правую ногу. Левая осталась вытянутой в сторону. Его меч соскользнул с клинка противника, сделал полукруг и остановился у самого королевского живота. Прежде, чем ошеломленный король среагировал, Конан грациозно вернулся в прежнюю позицию.

— На сегодня достаточно, — с отвращением объявил король, отступив назад. И с мрачным выражением на лице пошел к себе.

Конан принял утират пот рубахой.

Когда король скрылся за воротами дворика, из тени под балконом вышел Ордо, грустно покачивая косматой головой.

— Хорошо, что он меня не заметил. Иначе мы оба встретили бы завтрашний рассвет в темницах Дворца — прямо под этим местом. Тебе следует помнить, что короли на любят проигрывать — даже один на один.

— Если я приму поражение в учебном бою, то вскоре мне не повезет и в настоящем.

— Но Конан! Ты же вполне можешь драться чуть слабее?! Он ведь все-таки Король. Ни к чему зря нарываться, пока мы можем получать его денежки.

— Я иначе не умею — я сражаюсь, чтобы победить, Ордо. Как там наши люди?

— Неплохо. — Ордо уселся на каменную скамейку. — Кто же станет возражать против такого. Золото есть, а выпивка и женщины найдутся.

Конан через голову натянул рубаху и сунул меч в ножны.

— Не слышал ли ты чего — не собирается ли Ариана и другие вывести людей на улицы?

— Даже намека не было, — выдохнул одноглазый. — Конан, я не предлагаю тебе их выдать. Что там — тогда призрак Керин будет терзать меня до конца дней. Но мы могли бы намекнуть королю, что в городе ходят слухи о восстании. Он бы дал за это много золота, а восстание бы не состоялось — поскольку войска будут настороже. Меня тревожит мысль о том, что девушки непременно погибнут, если выйдут со всеми на улицы... Я не смогу их рубить, киммериец...

— И я — тоже. Но они восстанут независимо от того, будет Гариан знать об этом или не будет. Или я плохо знаю Ариану. Чтобы остановить их, надо найти человека, который их использует. Наверное, тот мужчина, что встречался с Таэрасом, мог бы многое рассказать.

— Я приказал нашим держать глаза открытыми и высматривать черноволосого мужчину, с сединой на висках, с орлиным носом. Но это будет чудом, если они его найдут.

Конан грустно кивнул.

— Знаю. Но надо делать то, что в наших силах. Пойдем ко мне — у меня есть отличное вино.

Много роскоши видел Конан в Туране и Вендии, но это не шло ни в какое сравнение со здешним великолепием. Множество дворов и двориков, окруженных садом. От совсем маленьких, где места едва хватало фонтану в виде мифического чудища, до громадных, где вздымались алебастровые башни с золочеными куполами. Гигантские обелиски, покрытые иероглифами, рассказывали истории Немедийских правителей на тысячу лет назад, а то и больше.

Они шли по тенистой аллее. Кричали павлины, и важно расхаживали золоченые фазаны. Вдруг Конан остановился. Впереди из дверей вышла закрытая вуалью женщина и, очевидно, не заметив Конана, пошла своей дорогой. Киммериец был уверен, что именно эту женщину он дважды видел в носилках на улицах города. Пора, решил Конан, выяснить этот вопрос. Он устремился было вперед, но Ордо схватил его за руку и потянул в сторону.

— Я хочу поговорить с этой женщиной, — объяснил Конан, почти шепотом. — Она меня не любит, я в этом уверен. И я видел ее где-то раньше. Без этой дурацкой вуали. Но где?

— Я ее тоже видел, — прошипел Ордо. — Хотя и под вуалью. Ее зовут леди Тиана и, как поговаривают, ее лицо обезображенено болезнью. Она не позволяет его видеть.

— Не нужно мне ее лицо! — Конан дрожал от нетерпения.

— Вот что я тебе скажу, — уговаривал его одноглазый. Однажды я следил за лордом Эранисом. Мне хотелось знать, кто ему приказывает. До этого он все время приходил на улицу Сожалений. Каждый раз — в другое заведение. На этот раз он пришел сюда и, в роще за стеной, встретился с этой Тианой.

— Значит, она участвует в контрабанде, — согласился Конан. — Это может оказаться полезным, особенно если она не захочет отвечать на вопросы.

— Ты не так понял, киммериец. Я не слышал, о чем они говорили. Но ты бы видел, как пресмыкался перед ней Эранис! А значит, она находится среди главарей. Тронь ее — и человек двести контрабандистов начнут усложнять твою жизнь.

— Может быть, они этим уже занимаются. Кто-то же ведь охотится за ним. Почему это не может быть женщина, которая ненавидит? Неважно, по какой причине. — Он стряхнул руку Ордо со своего плеча. — Она может исчезнуть, если я не пойду следом.

Но Конан остался стоять, поскольку в конце аркады перед леди Тианой возникла та самая блондинка, которая была в свите Гариана. Как удалось выяснить Конану, ее звали Суларией, и она действительно была королевской фавориткой.

Женщина с вуалью попыталась обойти Суларию, но та сделала шаг вбок, загораживая ей проход. На ее груди сверкали золотые пластины, а золоченая шелковая юбочка шириной не более ладони почти не скрывала ее прелестей.

— Приношу свои приветствия, леди Тиана, — злокозненная улыбка змеилась на ее чувственных губах. — Но почему вы так закутаны? Вам были бы очень к лицу шелка и браслеты.

Тыльной стороной ладони женщина под вуалью дала ей пощечину. От удара блондинка растянулась на земле. Конан стоял, пораженный, — не часто встретишь такую силу среди женщин.

Сулария торопливо поднялась на ноги.

Гнев сделал ее лицо похожим на маску.

— Как ты осмелилась ударить, — прошипела блондинка. — Я...

— В конуру, сучка! — скомандовала появившаяся третья женщина. Высокая и стройная, она была не менее красива, чем Сулария. Волосы ее были черны, как ночь, глаза темны. В сравнении с ее синим бархатным платьем, украшенным жемчугом, наряд Суларии казался подходящим разве что для второразрядного кабака.

— Не смей так разговаривать со мной, леди Джеланна, — шипела Сулария. — Я тебе не

служанка. А скоро... – она внезапно умолкла.

Джеланна скривилась в усмешке.

– Ты – обычная шлюха. Скоро это поймет даже Гариан. А теперь иди отсюда, пока я не приказала тебя выпороть.

Вне себя от ярости, Сулария сдавленно вскрикнула, развернулась и убеждала. На ее лице было страшно смотреть.

Конан посмотрел ей вслед, а когда обернулся, обе женщины уже исчезли. Киммериец устало прислонился к колонне.

– Я могу искать здесь хоть десять дней и все равно не найти ее. Зачем только я стал тебя слушать!

– О великий Митра! Да забудь ты эту Тиану! – Единственный глаз Ордо умоляюще смотрел на Конана. – Уедем отсюда. Забудем этого Гариана вместе с его золотом. В Офире тоже есть золото. А там, по крайней мере, мы хоть будем знать своих врагов.

Конан покачал головой.

– Я никогда не бежал от своих врагов. Это плохая привычка. Отправляйся в трактир, а я пойду к себе и подумаю, как мне найти эту Тиану. Встретимся позже и, клянусь, я тебя перепью! – он повернулся и пошел.

Ордо крикнул ему вслед:

– Раньше ты хоть знал своих врагов!

Конан не остановился.

– Мудрый не оставляет неизвестных врагов за спиной – он их ищет. Лучше умереть в бою, чем бежать без оглядки. А в бою – мы еще посмотрим, кто кого. Как ты ни беги, враг все равно тебя найдет. И нанесет удар, когда ты этого не ждешь. Пока в тебе еще теплится воля к жизни, ты не должен бежать.

Подойдя к своей двери, Конан тронул ее рукой. Та приоткрылась. Засов не был закрыт. Конан потихоньку вынул меч, встал сбоку от двери и распахнул ее мечом. Дверь с треском ударила о камень, но из комнаты не донеслось ни звука. Зарычав, Конан кинулся в дверной проем. Кувыркнувшись через плечо, он встал в боевую позицию, держа меч наготове.

Сидевшая скрестив ноги на его постели Сулария восхищенно захлопала.

– Всадник, лучник, мечник и к тому же акробат! А еще что ты умеешь, варвар?

С трудом сдерживая гнев, Конан закрыл дверь. Надо же так опростоволоситься. Да еще перед красивой женщиной. Он холодно взглянул на нее.

– Что ты здесь делаешь, женщина?

– Ты был великолепен, – выдохнула Сулария. – На тебе еще не высох пот сражения. Ты ведь его победил?! Гариану ни за что тебя не обыграть.

Конан торопливо обыскал комнату, проверил все занавеси, гобелены. Высунул голову во окно, проверяя, нет ли там кого. Он даже заглянул под кровать и выругался, отпуская ткань покрывала.

– Что же ты ищешь, могучий Конан? У меня ведь нет даже мужа, который мог бы прийти в ярость от нашей встречи.

– Зато у тебя есть король, – проворчал киммериец. Один взгляд на нее – золотые пластины, едва сдерживающие пленительные сферы, и узенькие полоски шелка – показал, что вряд ли у нее есть оружие размером больше булавки.

– Он не может говорить ни о чем, кроме своих пошлин и налогов. Мне скучно с ним. – Глубоко дыша, она опустилась на постель. – Но с тобой мне нравится. Я чувствую в тебе дремлющую силу. Уж не станешь ли ты королем? Конан нахмурился. Кто-то уже говорил ему нечто подобное. Сила.

Власть. Что он будет королем. Он выбросил эти мысли из головы. Оставим сказки детям!

Конан положил меч над головой Суларии. Здесь он будет под рукой. Блондинка, глядя на сталь, возбужденно облизала губы. Киммериец сорвал с нее золотые пластины и устремил свой ледяной взгляд в ее горящие желанием сапфировые глаза.

– Вздумала играть со мной в игры, – почти нежно прошептал он. – Сейчас моя очередь.

Ни один из них не заметил, как дверь легонько приоткрылась. И они не увидели женщину под серой вуалью, стоявшую за дверью и смотревшую на них горящими зелеными глазами.

Глава 15

Ордо присоединился к нему, когда киммериец шел через дворец.

– Рад видеть тебя в добром здравии, Конан. Честно говоря, у меня были нехорошие предчувствия, когда ты не появился вчера вечером.

– У меня нашлись дела, – улыбнулся в ответ Конан. Вдоль стены скользили рабы и слуги, стараясь не привлекать к себе внимания. Середина предназначалась для лиц благородного происхождения. Многие из них щеголяли в золоте и бархате. Но пара воинов неизменно привлекала внимание всех. Мужчины корчили презрительные гримасы. Женщины – задумывались.

Ордо смотрел на всех с подозрением.

– Возможно, у тебя было время обдумать мое предложение. Как знать, может, уже в данный момент палачи Гариана уже начали калить свое железо. Давай, по коням – и мотаем отсюда, пока есть еще возможность.

– Прекрати эту болтовню, – рассмеялся Конан. – Всего лишь пару часов назад я занимался с Гарианом, и он не держал на меня зла. Он почти все время смеялся, за исключением того момента, когда ударился головой. Одноглазый вытаращил свой единственный глаз.

– Киммериец, уж не хочешь ли ты сказать, что... Митра! Уж не разбил ли ты ему лицо?! Лицо короля!

– Не беспокойся, Ордо. Я не бил его по лицу. Он просто поскользнулся на листьях, упал и ударился о рукоять своего меча. Так, синяк, ничего серьезного.

То, что ты или я называем синяком, – торжественно поднял палец Ордо (он научился этому жесту, очевидно, у философов), – король вполне может счесть смертельным оскорблением королевского достоинства.

– Боюсь, что ты прав, – притворно вздохнул Конан. Похоже, ты действительно стал слишком стар.

– Я тоже боюсь, – произнес было Ордо и захлопнул рот, поняв, что над ним смеются.

Конан с трудом сдерживал смех. Стариk он или нет, но этот бородач готов разобраться со всяkim, кто посмеет назвать его таковым. Киммериец посерезнел.

Они очутились во дворике. Человек двадцать Золотых Леопардов стояли вокруг своего командира. Все, включая Веджента, были по пояс обнажены. Неподалеку на возвышении стояла кучка любопытствующих из благородных. Неподалеку мелькала и светлая головка Суларии.

– Ну, кто следующий? – с удовольствием потянулся Веджент. – Я еще не успел вспотеть. – Мускулы на его груди и плечах вздувались огромными узлами. – Сможет ли кто-нибудь поупражняться со мной? Ты, Оаксис?

Не столь мускулистый, но и не слабак, мужчина встал в борцовскую стойку. Они начали ходить кругами. Веджент смеялся. Его соперник – молчал. Вдруг они кинулись друг ни друга, хватая соперника, пытаясь найти лучший упор для ног. Конан понял, что Оаксис знал, как следует драться, и обладал достаточной быстротой реакции. На глазах киммерийца он сумел освободить одну руку и ударить кулаком в живот командира. Наверное, в последний миг он вспомнил, кого он бьет, и сдержал удар.

Ухмыляющийся Веджент даже не крякнул. Не имея подобных ограничений, он рубанул свободной рукой по шее противника. Оаксис пошатнулся и стал падать на землю. Веджент придержал его. Еще дважды он ударил его кулаком по шее. После первого удара Оаксис дернулся, а на второй уже не отреагировал. Веджент опустил его, и он мешком свалился на камни.

– Ну, кто следующий? – взревел командир Золотых Леопардов. – Неужели не найдется настоящего мужчины?

Двое солдат оттащили незадачливого бойца в сторону. Никто из них не горел желанием сразиться. Веджент поворачивался, пока не встретился взглядом с Конаном. Он помрачнел.

– Эй, варвар! Не хочешь ли сразиться? Или ты у себя на севере отморозил себе все, что только можно?

Конан посерезнел. Под взглядом прекрасной женщины его дух взыграл. Он расстегнул пояс с мечом и передал его Ордо. Зрители оживленно зашептались. Кое-кто начал делать ставки на исход сражения.

– Храбрость у тебя есть, а вот ума ни на грош, – прошептал на ухо Ордо. – Ну и что ты можешь здесь выиграть? Разве что еще одного опасного врага.

– Он уже мой враг, – ответил Конан. – По крайней мере, один из их числа.

Киммериец стянул рубаху и подошел к борцам. Зрители оценили ширину его плеч, и ставки изменились. Веджент, уверенный, что те смеются над ним, тихо рычал. Солдаты освободили пространство.

Неожиданно Веджент кинулся. Руки вытянуты вперед крушить и уничтожать. Точный удар в висок заставил его остановиться. Конан чуть присел и другим кулаком заехал солдату под ребра. Веджент выпустил из себя воздух. Прежде чем он смог опомниться, Конан ухватил его за пояс и за горло, поднял над головой и швырнул на землю.

Глаза солдат широко раскрылись. Им ни разу еще не приходилось видеть поверженного Веджента. Среди благородных ставки в очередной раз поменялись.

Веджент с трудом поднялся на ноги. Его лицо было искажено гневом.

– Ублюдок-варвар! – выл он. – Я плевал на могилу твоей матери! – и следующий его удар мог бы свалить с ног любого нормального человека.

Конан разъярился. Он даже не думал о защите. Удар потряс его, но в то же мгновение его собственный удар вышиб зубы противника. Какое-то время два великаны стояли грудь в грудь, награждая друг друга убийственными ударами.

Потом Конан шагнул вперед. И Веджент отступил. Отчаяние отразилось на его лице. А лицо Конана отражало холодный блеск разрушения. Под градом неутихающих ударов Веджент отступал все дальше. Зрители возбужденно орали, забыв о древности своей родословной. Конан могучим ударом отшвырнул противника от себя. Зрители расступились, и Веджент, пытаясь обрести равновесие, остановился у стены аркады. Он выпрямился, сделал пару шагов и рухнул. Одна нога его дернулась, и он затих.

Возбужденные солдаты окружили Конана, забыв о побитом командре. Зрители тоже пытались протиснуться, дотронуться, хоть как-то погладить живого тигра.

Конан их не слышал. В тот самый момент, когда Веджент стоял в тени Аркады, киммериец узнал его лицо. Он протиснулся сквозь лиющую толпу, подобрал рубаху и вернулся к Ордо.

– Помнишь, – спросил он потихоньку, – я рассказывал о том, как впервые увидел Таэраса? Когда я провалился сквозь крышу? Я упоминал великана, стоявшего в тени.

Взгляд Ордо метнулся к Ведженту, которого уже поднимали на ноги. Зрители расходились.

– Он? – недоверчиво спросил одноглазый.

Конан кивнул. Бородач присвистнул.

– Еще раз говорю тебе, собираем людей – и в Офир!

– Нет, Ордо, – отказался Конан. Сейчас он был похож на волка. – Мы нашупали след врага. Время нападать, а не убегать.

– О Митра! – выдохнул одноглазый. – Если ты убьешь меня своей бесшабашностью, мой дух будет тревожить тебя ночами. Нападать?

Прежде чем Конан ответил, на колени перед ним опустилась рабыня.

— Я здесь, чтобы незамедлительно пригласить вас к королю Гариану.

Одноглазый напрягся.

— Не стоит беспокоиться, — успокоил его Конан. — Если бы ему нужна была моя голова, он не стал бы посыпать за мной эти симпатичные коленочки. — Девушка заинтересованно посмотрела на него.

— Я бы никому не стал верить, — проворчал Ордо. — Пока не узнал все о тех, кто тебе угрожает. Или пока не оставил бы Немедию далеко за спиной.

— Я скажу, когда настанет время для бегства, — рассмеялся Конан. — Веди, девочка.

Девушка поспешила, и Конан последовал за ней.

Стены комнаты были увешаны оружием и охотничими трофеями. Но королю было не до охоты. Все столы, а кое-где и пол, были завалены листами и свертками пергамента. При Конане Гариан с отвращением на лице смял и выбросил один лист. На скуле явственно выделялся синяк.

— Никогда не пытайся стать королем, — были его первые слова.

— А почему нет? — спросил изумленный Конан.

С неприкрытым отвращением король обвел рукой комнату, указывая на груды пергамента.

— Уж не думаешь ли ты, что это планы грандиозной войны? Или великолепной праздничной церемонии в память о моем отце? Ты ведь так не думаешь?

Конан покачал головой. Много раз планы различных властителей круто меняли его жизнь. Но ни разу он не участвовал в составлении этих планов. Конан всмотрелся в кусок пергамента, лежавший у него под ногами. Тот был плотно усеян цифрами.

Гариан сердито прошелся по зале, сбрасывая свитки на пол.

— Необходимо прочистить городскую канализацию, иначе, как утверждает Гильдия Пекарей, зловонные миазмы принесут с собой чуму. Советуют найти и замуровать все древние проходы под дворцом, чтобы укрепить его безопасность. Нужно отстроить заново часть городской стены. Армии давно не выплачивали жалованье. Нужно закупить зерно. С каждым разом все больше и больше. — Гариан остановился и погладил великолепные олени рога на стене. — Этого красавца я добыл у Бритунской границы. Как бы я хотел вернуться в те дни!

— Разве советники не в силах заниматься этими делами? — удивленно спросил Конан.

Король горько рассмеялся.

— Они могли бы справиться. Если бы не золото. Золото. Мне приходится добывать его, где только придется.

— Но сокровищница...

— Почти что полностью пуста. Чем больше зерна я покупаю в Аквилонии и в Офире, тем выше взлетают цены. А мне необходимо возместить потерянный урожай целиком. Какие-то обезумевшие разбойники сжигают все фургоны с зерном без армейской охраны и часто нападают на конвой. Я уже приказал переплавить часть дворцовых украшений. Но даже если я полностью обдеру дворец, этого все равно будет недостаточно.

— И что же вы будете делать?

Раньше богатства королей казались Конану безграничными. Для него было внове, что король тоже нуждается в золоте. Совсем как и он сам, только королю нужно больше.

— Займу, — ответил Гариан. — Кое-кто из лордов, да и некоторые купцы тоже, вполне могут соперничать со мной в богатстве. Пусть и они помогут спасти страну от голодной смерти. — Порывшись, он достал свиток, запечатанный Драконьей печатью Немедии. — Достави это письмо лорду Кантаро Албанусу. Он один из богатейших людей во всей Немедии, и он будет первым, к кому я обращусь за помощью. — Лицо его помрачнело. — Или я введу на них дополнительные налоги.

Король знаком отпустил его, но киммериец остался стоять. Конечно, это было не совсем деликатно, но Конан не привык хитрить, и ему было неловко. Гариан с очевидным изумлением поднял на него глаза.

– Насколько вы доверяете Ведженту? – решился задать вопрос Конан.

– Я вполне ему доверяю. Я сделал его командиром личной охраны, – ответил Гариан. – Почему это тебя интересует?

Конан вздохнул и начал излагать придуманную на ходу историю.

– Мне с самого начала казалось, что я его где-то видел. Сегодня я вспомнил. Однажды я видел его в трактире за доверительной беседой с неким Таэрасом, который, поговаривают, открыто заявлял о том, что хотел бы видеть на троне другого человека.

– Серьезное обвинение, – промолвил король. – Веджент верно служит мне, а до этого долго служил моему отцу. Я не могу поверить, что он что-то замышляет против меня.

– Вы король, а я нет, но один урок я успел хорошо усвоить. Человек на троне всегда должен помнить о том, что у окружающих его людей есть свои амбиции.

Гариан от души расхохотался.

– Лучше занимайся своим мечом, а королевские дела оставь мне. У меня есть некоторый опыт в этом деле. А теперь иди. Не задерживайся.

Склонив голову, Конан покинул королевские покои. Оставалась надежда, что заброшенное им семя сомнения взойдет. Но жонглировать словами – не для него. Скорей бы встретить врага с оружием в руках.

Глава 16

У ворот Конан встретил Ордо. Он был верхом, и с ним было еще двадцать человек, включая Махаона и Наруса. Киммериец вопросительно посмотрел на Ордо. Тот пожал плечами.

— Краем уха я услышал, что тебя должны были послать к кому-то с посланием, — пояснил он. — Великий Митра! — подумал я. Это вполне может оказаться тот таинственный враг. Или тот, третий, который был на встрече с Таэрасом. А может, это один и тот же человек, — сплюнул одноглазый.

— Ты становишься подозрителен, как старая дева.

Конан вскочил в седло.

Неожиданно у ворот появился Веджент, помятый, но в полной броне и в сопровождении десятка Золотых Леопардов. Увидев людей Конана, он остановился, тяжело взглянув на них, повернулся и, расталкивая солдат, направился назад во дворец.

— Может быть, я излишне подозрителен, — сказал Ордо. — Но у меня по крайней мере хватило ума вспомнить, что некоторых из врагов мы знаем в лицо. Кроме того, город в последние дни сильно изменился.

Для взора киммерийца перемены были очевидны. Изредка из-за угла выбегал тощий пес, да иногда опасливо пробегал человек. Все окна были закрыты ставнями, все двери заперты. Ни одной открытой лавки. В воздухе висела тишина.

— Это началось через день после начала нашей службы, — пояснил Ордо и невольно ссгутился. Ему было не по себе. Сначала жители оставили улицы бандитам, нищим и проституткам. Последние две разновидности быстро исчезли из-за отсутствия клиентов. Остались только разбойники, которые терроризировали любого, кто осмеливался появиться на улице. Вчера исчезли и они. За какой-нибудь час не осталось ни одного.

— Как если бы получили приказ? — Одноглазый кивнул. Может быть, у Таэраса все же были какие-никакие бойцы?

— Но вовсе не для целей Арианы и ее друзей, — задумался Конан, глядя на пустынные улицы. — Ты ничего о ней не слышал? — спросил он наконец. Ордо не надо было пояснять.

— С ней все нормально. Я дважды был у «Тестис». Все смотрели на меня, как на прокаженного. А Керин сошла с Гракусом.

Конан кивнул. В молчании они доехали до ворот дома Албануса. Конан спешился и кулаком забарабанил в ворота.

В них открылся глазок, не больше ладони величиной. Конана встретил подозрительный взгляд.

— Что нужно? Кто вы такие?

— Меня зовут Конан. Открывай! Я несу письмо твоему хозяину от самого Гариана!

С той стороны озабоченно зашептались. Раздался звук отодвигаемого засова, и ворота приоткрылись, давая место пройти одному человеку.

— Можешь войти, — раздался оттуда голос. — Остальные должны остаться. — Конан... — начал было Ордо.

Киммериец сделал успокаивающий жест.

— Расслабься, одноглазый! Я тут как у мамы в объятиях. — С этими словами он протиснулся в дверь. Ворота закрылись, и Конан оказался напротив четырех мужчин с обнаженными мечами. Пятый, стоявший в стороне, упер свой клинок в бок киммерийцу.

— Так кто же ты такой? — прохрипел тот, кто стоял сбоку.

Ругая себя за идиотизм и жалея, что оставил свою кирасу, Конан осторожно повернулся

голову. Света едва хватало, чтобы различить узкое лицо с широко посаженными глазами и нос с отрубленным кончиком.

— Я уже сказал, — полез под рубаху Конан и замер, потому что клинок надавил сильнее. — Я хочу лишь передать послание. Что я могу сделать с мечом у живота?

Про себя он подумал, что безносый стоял слишком близко. Ему не стоило держать меч так близко к тунике, если он не намеревался сразу убивать. Одно движение руки — и меч вылетит у него из ладони. Затем его можно швырнуть на мечи его товарищей и... Киммериец улыбнулся, и четверо встревоженно переглянулись.

— Покажи послание, — потребовал безносый. Конан достал свиток из-под рубахи. Безносый потянулся за ним, но Конан убрал руку. — Ты вполне можешь разглядеть печать и отсюда, из моих рук, — сказал он. — В конце концов, послание предназначено лорду Албанусу!

— Да, это Драконья печать, — пробормотал безносый и с неохотой убрал меч. — Следуй за мной и не пытайся скрыться.

Конан изумленно покачал головой, когда они направились к самому дворцу — массивному строению с блестящим куполом и стройными колоннами. Конечно, охране положено проявлять осторожность, но как только они узнали, кто он такой, их поведение должно было измениться. Не то чтобы это говорило о зловещих планах их хозяина. Просто слишком часто слуги копировали своих хозяев, порой даже не осознавая этого.

В прихожей безносый посовещался в сторонке с седобородым, на тунике которого был вышит большой ключ и знак Дома Албануса. Безносый вернулся на свой пост, а седобородый подошел к Конану.

— Я камергер лорда Албануса, — объявил он, не назвав себя. — Отдай послание мне.

— Я передам его лично в руки лорду Албанусу, — спокойно ответил Конан.

Он вполне мог бы отдать письмо в руки камергера, поскольку слуга являлся доверенным лицом в делах своего хозяина. У Конана просто взыграла подозрительность. По его мнению, королевский посланец заслуживал холодного вина и полотенце — утереть дорожную пыль.

Судя по лицу камергера, тому с трудом удалось сдержаться.

— Следуй за мной.

Он привел его по мраморной лесенке в небольшую комнатку.

— Жди здесь, — он удалился, бросив на Конана подозрительный взгляд.

Это была не простая комната. Стены увешаны гобеленами, все украшено перламутром и серебром. Отсюда можно было выйти на балкон, над которым струил свои воды фонтан. Но однако и здесь не было для Конана ни полотенца, ни вина. Какое оскорбление для королевского посланца и для самого Гариана!

Бормоча себе под нос, Конан выглянул на балкон и чуть не вскрикнул от изумления. Опираясь на двух девушек в весьма смелых плащах, по саду плелся Стефано.

Он сунул пальцы в воду и чуть не свалился в фонтан.

— Воде — нет! — смеясь, сказал он вытащившим его девушкам. — Хочу еще вина, а не воды. — Спотыкаясь, они скрылись в зарослях. Кто-то кашлянул за его спиной, и киммериец повернулся.

На пороге стоял, держась рукой за ворот не подходящей ему по размеру бархатной туники, полный мужчина ниже среднего роста.

— У тебя есть для меня послание? — спросил он.

— Вы — лорд Албанус?

Коротышка кивнул и протянул руку. Конан с неохотой отдал ему пергамент, в который мужчина тут же лихорадочно вцепился.

— Теперь иди, — заявил он. — Я получил послание. Иди!

Конан повернулся и пошел.

Седобородый проводил его от двери до прихожей, где его уже ждала парочка стражей во главе с безносым. Они довели его до ворот.

Когда киммериец появился на улице, Ордо облегченно улыбнулся.

– Я чуть было не полез тебя выручать.

– Никаких проблем, – заявил Конан, садясь в седло. – Помни, я же королевский посланник.

Когда увидишь Ариану, скажи ей, что Стефано жив. Он здесь, внутри. С девушками развлекается.

– Я сегодня собирался повидаться с ней, – ответил Ордо. – Странно, что он не попытался известить о себе друзей.

– Это еще не так странно, как лорд с мозолистыми руками и обломанными ногтями.

– Просто часто работает с мечом.

– Нет, Ордо. Я видел рабочие мозоли. Вообще-то это не наше дело. Сейчас стоит побеспокоиться о Ведженте. Этой же ночью я намерен побеседовать с ним с глазу на глаз. – Он двинулся ко дворцу. Отряд последовал за ним.

Албанус сердито швырнул коротышку, чресла которого прикрывала только грязная набедренная повязка, на пол.

– Ну, Вариус, – потребовал он у камергера, дрожа от нетерпения. Он выхватил пергамент и стиснул его в кулаке.

– Не заподозрил ли он чего? Принял ли он этого пса за меня? – он ткнул лежащего носком сапога. – Пес, он принял тебя за лорда? Что он сказал?

– Да, хозяин, – коротышка не поднимал головы. – Он только спросил, я ли лорд Албанус. После этого он отдал мне пергамент и сразу ушел.

Албанус взревел. Боги играют с ним! Они послали к нему в дом человека, чьей смерти он давно уже ищет и которого он, лорд, не мог и пальцем тронуть под собственной крышей, чтобы не навлечь на себя подозрений. И ему пришлось прятаться, чтобы не быть узнанным! В своем собственном доме! И в первый день его триумфа! Его взгляд упал на склонившегося раба.

– Вариус, ты что, не мог найти никого получше? Если варвар принял этого слизняка за меня – это для меня оскорбление!

– Простите меня, мой лорд, – склонился камергер. – У меня не было времени, и нужно было срочно найти человека, который смог бы надеть тунику.

– Сожгите ее, – скривился Албанус. – Я не стану носить эту одежду. И отошлите этого пса на кухню. Он вызывает у меня отвращение.

Вариус сделал жест рукой, и коротышка, не распрымляясь, скрылся за дверью.

– Что еще пожелаете?

– Ничего. Найди этого алкоголика Стефано и отправь в мастерскую. Но сначала заставь его пропрезветь.

Албанус знаком отпустил управляющего и вскрыл печать.

«Наш любимый лорд Кантаро Албанус, желаем тебе доброго здоровья! Мы приглашаем тебя предстать перед Нашим троном для совета под делу, близкому Нашему сердцу. Как истинно любящий Нас и Немедию, ты, несомненно, поторопишься.

Гариан Первый, король Немедии.»

В глазах лорда загорелся лихорадочный огонь. Он смял пергамент.

– Что ж, я поспешу, – прошипел он. – О, ты узнаешь мою любовь. Цепями и каленым железом! И ты признаешь меня королем! Албанус Первый! Ты будешь молить о смерти...

Отбросив листок, он направился в мастерскую. Четверо стражников вытянулись перед ним в струнку, но он их не заметил.

На каменном возвышении в центре мастерской стояла наконец-то законченная фигура Гариана. Или почти законченная, улыбнулся лорд про себя. Идеальная во всех отношениях статуя

размером чуть больше оригинала. Помнится, Стефано устроил по этому поводу скандал, утверждая, что фигура должна быть либо нормальных размеров, либо уж вовсе гигантских пропорций. Статуя, казалось, шла куда-то, открыв рот в немом возгласе. И в ней было значительно больше от Гариана, чем казалось на первый взгляд. Сопровождаемые чародейскими ритуалами, в глину были примешаны волосы Гариана, обрезки ногтей, его пот, его кровь, его семя. Все это было добыто Суларией по велению черного лорда.

Рядом с возвышением стояла гигантская печь для обжига, от которой тянулась сложная система деревянных мостков и рычагов, соединявших ее с фигурой. Хозяин позволил Стефано сконструировать их, чтобы усыпить подозрение скульптора.

Взобравшись на платформу, лорд Албанус принялся сталкивать деревянное сооружение на пол. Он не привык к работе. Конечно, можно было бы заставить Стефано отказаться от идеи делать эту конструкцию, но Албанус испытывал к скульптору величайшее презрение. Что ж, придется все делать самому. Закончив с этим, он спрыгнул с платформы, оперся рукой о печь и тут же отдернул ее. Печь была горячей.

Дверь открылась, и на пороге появился спотыкающийся Стефано. Его лицо было еще зеленым, но уже значительно более трезвым.

— Я хочу, чтобы их всех выпороли, — заявил он. — Ты знаешь, что они со мной сделали. Вариус отдавал указания, а они меня...

— Осел! — взревел лорд. — Ты запалил печь! Ты что, забыл — я приказал ничего не делать без моего согласия!

— Но статуя готова, — запротестовал Стефано. — Ее необходимо обжечь сегодня же, иначе она начнет рассыхаться и трескаться.

— Ты разве не слышал указания никогда не разводить в комнате огонь? Ты думаешь, я своими руками зажигал лампы только потому, что мне доставляло удовольствие делать эту работу вместо раба?

— Если масла в этой глине настолько горючи, пробормотал скульптор, — то как вообще можно ее помещать...

— Молчать! — тихо прошипел лорд. Под взглядом черных глаз Стефано замолчал и замер на месте.

Албанус с отвращением отвернулся. Он быстро достал три небольших сосуда, полоску пергамента и перо. Открыв первый из сосудов, содержащий небольшое количество крови Гариана, он обмакнул в него перо и написал имя короля на пергаменте. Щепотка порошка из второго сосуда — и кровь почернела, мгновенно застыла. В последнем сосуде находилась кровь самого Албануса, налитая туда только утром. Большини буквами он написал свое имя поверх имени короля и снова добавил порошка. Шепча заклинания, Албанус особенным образом свернул полоску и поместил ее в рот статуи. Стефано, опиравшийся спиной о стену, истерически рассмеялся.

— А я-то думал, зачем тебе нужен именно такой рот, — и прикусил язык под взглядом лорда.

Достав мелки, доставленные из далекой Стигии, земли волшебников, Албанус изобразил вокруг статуи незавершенную пентаграмму — круг, в нем пятиугольник, а в нем звезду. Отвратительно пахнувшие черные свечи были поставлены на точки соприкосновения фигур. Он быстро зажег все свечи, закончил пентаграмму, встал и раздвинул руки.

— Элонай мейрот санк-ти, урдъвасс теохим...

С его губ скатывались слова заклинания, воздух замерзал серебром. Пламя свечей затрещало, заронив крупицу страха в душу черного лорда. Пламя. Нельзя, чтобы прошлый раз повторился. Не может такого быть. Он заставил себя сосредоточиться.

— ...

Арамайн Са'а'ди номъсло норт ръясс...

Пламя свечей росло все выше, но в комнате становилось все темнее. Как будто они поглощали свет. Огни вздымались все выше и выше, подхлестываемые словами заклинания. Они были уже выше статуи. Странно, но языки пламени стали загибаться внутрь, как будто влекомые каким-то сильным ветром, и встретились над головой статуи. Из этой точки вниз, в голову статуи, ударил белый луч. Ударил, окружив ее темным холодным ореолом, и угас, унеся с собой все тепло.

Албанус продолжил заклинание. Из его рта валил пар. Он ревел:

– Заклинаю тебя Зловещей Силой Троих! Заклинаю кровью, потом и семенем, явись! Восстань и подчинись! Это говорю я, Албанус!

Фигура стояла на месте. Но теперь ее поверхность была сухой и потрескавшейся. Албанус потер свои руки и спрятал их под мышки, чтобы согреть. Если только все прошло как надо! Албанус бросил взгляд на ежащегося у стены скульптора. Стена блестела инеем. Да, времени у него нет. Лорд глубоко вздохнул.

– Приказываю тебе, Гариан. Проснись! – От руки статуи отвалился кусочек глины. Албанус нахмурился. – Я приказываю! – Фигура задрожала. Высохшая глиняная пыль посыпалась на платформу.

Бывшая статуя стояла и дышала. Полный двойник Гариана, без единого изъяна. Двойник смахнул с плеча пыль и замер, вопросительно глядя на Албануса.

– Кто ты? – спросила ожившая статуя.

– Лорд Албанус, – ответил лорд. – А ты знаешь, кто ты есть?

– Естественно. Я Гариан, король Немедии. – Албанус удовлетворенно улыбнулся.

– На колени, Гариан, – тихо сказал он. Двойник, не теряя спокойствия, опустился на колени. Албанус расхохотался, и из него буквально посыпались команды.

– Лицом на пол! Ползи! Встать! Бегом на месте! Быстрее! Еще быстрее! – Двойник бежал, не останавливаясь.

От хохота по щекам Албануса катились слезы. Он медленно успокоился и повернулся к Стефано. На лице выпрямившегося скульптора страх боролся с нерешительностью.

– Стой, Гариан, – скомандовал Албанус, не сводя взгляда со Стефано. Двойник послушно остановился.

Было слышно, как Стефано сглотнул.

– Моя работа...

Завершена. Я пойду, – он повернулся к двери, и вздрогнул от голоса Албануса.

– Твое золото, Стефано. Ты ведь о нем не забыл. – Из складок туники Албанус достал завернутый в кожу цилиндр. Он подбросил его на ладони. – Пятьдесят золотых марок.

В глазах Стефано жадность боролась со страхом. Он нерешительно облизал губы.

– Но раньше разговор шел о тысяче.

– Я не одет, – неожиданно заявил двойник.

– Несомненно, – сказал хозяин, отвечая двоим одновременно.

Лорд подобрал с пола кусок грязной тряпки, которую Стефано использовал при работе, и стер кусок пентаграммы. Пытаться войти в закрытую пентаграмму – значит навлекать на себя ужасные неприятности. Поднявшись на платформу, Албанус вручил тряпку двойнику. Тот обернулся вокруг бедер.

– Это просто первый взнос, Стефано, – продолжил лорд. – Остальное получишь потом. – Он сунул столбик золота в руку копии короля. – Отдай это Стефано, – сказал лорд и что-то добавил бывшей статуе на ухо.

Фигура короля сошла с платформы, и Стефано невольно вздрогнул.

— Сколько раз, — пробормотал Албанус, — я сносил твою омерзительную болтовню. — Глаза скульптора сузились, перебегая с надвигающейся фигуры на Албануса и обратно.

Двойник с нечеловеческой скоростью рванулся вперед. Прежде чем скульптор успел сделать хотя бы один шаг, ладонь монстра с необыкновенной силой сжала его горло. Безжалостные пальцы впились в мышцы его челюсти, и из горла скульптора вырвался дикий крик. Он безуспешно пытался разжать держащую его руку. С тем же успехом он мог бы бить по камню. Одной рукой, как маленького ребенка, монстр поставил его на колени. Стефано слишком поздно заметил опускающийся к его рту цилиндр и понял смысл слов Албануса. В отчаянии он попытался остановить эту руку, но скорее можно было удержать размах катапульты. Двойник проталкивал золото все глубже и глубже в горло скульптора. И, наконец, бросил его.

Из горла скульптора доносились хрипение. Судорожно схватившись за свое горло руками, Стефано с побагровевшим лицом катался по полу. Он выгнулся так, что только его ноги и голова касались пола, и затих.

Албанус спокойно пронаблюдал агонию и сказал, когда жертва перестала дергаться.

— А остальные девятьсот пятьдесят последуют за тобой в безымянную могилу. Я свои обещания всегда исполняю. — Он был доволен.

Повернувшись к двойнику Гариана, он заявил:

— Что касается тебя...

Тебе еще многому следует научиться. Времени мало. Сегодня вечером...

Глава 17

Никого не замечая, Ариана сидела за столом. В зале вокруг нее кипела интрига. Музыканты позабыли про свои инструменты. Мужчины и женщины шептались, склонившись над столами.

Приняв решение, Ариана поднялась и подошла к столу Гракуса.

— Мне нужно поговорить, Гракус, — сказала она.

— Позже, — так же тихо ответил скульптор. И продолжил, обращаясь к сидящим за его столом: — Ну и что, что Таэрас мертв? Я знаю, где хранится оружие. Уже вечером я...

В Ариане вспыхнул прежний огонь.

— Гракус! — В общей тишине ее слово прозвучало как удар хлыста.

Все посмотрели на нее.

— А не приходило ли вам в голову, — продолжила она, — что нас предали?

— Конан, — начал было Гракус.

— Нет, не Конан, — оборвала она его.

— Он убил Таэраса, — заявила бледнокожая брюнетка. — Ты сама это видела. К тому же теперь он открыто состоит на службе Гариана.

— Да, Галия, — терпеливо согласилась Ариана. — Но если Конан нас предал, то почему мы все еще на свободе?

Все молчали.

— Отвечу — потому что Конан нас не предавал. Может быть и так, что то, что он сказал о Таэрассе — правда. Возможно, этой тысячи воинов никогда не существовало. Не исключено, что мы лишь инструменты в чьих-то умелых руках.

— О трон Эльрика! Ты говоришь ерунду, — выругался Гракус.

— Наверное. Но поговорите со мной. Рассейте мои сомнения, если можете. Разве у вас самих не бывает таких мыслей?

— Можешь забрать их с собой, — грубо заявил Гракус. — Пока ты тут сомневаешься, мы стащим негодяя Гариана с насиженного трона.

Галия фыркнула.

— А что еще можно было ожидать? Она проводит столько времени с одноглазым бандитом.

— Благодарю, Галия, — сказала Ариана. Впервые с тех пор, как она вошла в комнату и увидела тело Таэраса, она улыбнулась. Повернувшись, она ушла. Все看了她, как на сумасшедшую.

Ордо был ответом на проблему. Конечно, с ним особо не поговоришь. Стоило ей лишь сказать о своих сомнениях, он сразу вскипал и заявлял, что Конан никогда никого не предавал.

А затем он уцепнет ее за бок и попытается залезть к ней в постель. Ему это, кажется, уже удалось. Но еще он, навестив Ариану днем, сказал, что Стефано жив и находится во дворце лорда Албануса. Скульптор имел острый ум и неплохо подвешенный язык, пока не стал страдать от ревности. Либо он рассеет ее сомнения, уверив ее в виновности киммерийца, либо, убедившись, он вернется вместе с ней в «Знак Тестис», чтобы убедить остальных. Она завернулась в плащ и поспешила.

Выйдя на улицу Сожалений, Ариана начала жалеть о принятом решении. Обычно многолюдная улица была пуста. Ветер гонял по ней обрывки прежнего блеска — жонглерская шапочка, чей-то шелковый шарф. Вдалеке завыла собака. Поежившись, Ариана прибавила шаг.

Когда она достигла дворца Албануса, она уже почти бежала. Пустота улиц преследовала ее. Она прижалась к окованным железом воротам и забарабанила в них кулаком. Впустите меня!

Чей-то подозрительный глаз внимательно изучил ее через небольшое окошечко.

– Ради Митры, впустите!

Загремел засов, и стражник приоткрыл ворота. Прежде чем она сделала шаг, чья-то грубая рука под грубый смех подняла ее за талию в воздух. Она возмущенно вскрикнула, когда кто-то ухватил ее за ягодицу. Перед ней возникло узкое лицо человека с отрубленным кончиком носа.

– Сочный кусочек! – засмеялся он. – Достаточно резвый, чтобы согревать нас в холодные зимние ночи. – Десяток его товарищей сопроводили это заявление непристойными комментариями.

Веселость мигом исчезла с ее лица.

– Я леди Ариана Пандарин, – холодно прошипела она. Митра, как давно она не использовала это имя! – Если от вас еще что-то останется, когда лорд Албанус закончит с вами разбираться, то вами займется мой отец!

Руки мгновенно разжались, когда ее поставили на землю.

– Просим прощения, леди, – заикался главный. Остальные смотрели, открыв рты. – Да пребудете вы в вечном здравии. Я вовсе не хотел...

– Я сама найду дорогу, – заявила Ариана и удалилась, пока он все пытался извиниться.

Единственная ее надежда, решила Ариана, это нахальство. Прибыть сюда без слуг и эскорта! Одна из дверей отворилась. Ариана устремила твердый взгляд на седобородого управляющего.

– Я леди Ариана Пандарин, – заявила она. Отведите меня к скульптору. Его зовут Стефан Мелиарус.

У человека отвисла челюсть. Заглядывая к ней за спину, как бы пытаясь разглядеть ее свиту, он промычал:

– Простите меня, леди...

Но я...

Не знаю человека по имени Стефano.

Он протиснулся мимо нее в прихожую.

– Проводите меня к лорду Албанусу, – приказала Ариана. Внутри она похолодела – вдруг Конан ошибался? Но мысль о том, что ей придется возвращаться на эти пустынные улицы, подтолкнула ее.

Камергер пожевал бородку и наконец сказал:

– Следуйте, пожалуйста, за мной, – и подумав, добавил: —... Леди.

Сказав, что идет «известить лорда Албануса», бородатый оставил ее в большой пышно убранной комнате. Золотые лампы бросали веселый свет на многоцветные gobелены.

Но пышное убранство не принесло ей облегчения. Что, если она попала не туда? Выставила себя дурой в глазах могущественного лорда... Ее уверенность в себе таяла с каждой секундой, и остатки ее исчезли под тяжелым взглядом вошедшего хозяина.

– Ты ищешь человека по имени Стефano, – произнес лорд, переходя к делу. – Почему ты думаешь, что он здесь?

Стараясь удержать внезапно задрожавшие руки, Ариана вцепилась в плащ. Из нее лихорадочным потоком понеслись слова.

– Я должна с ним поговорить. Со мной никто больше не хочет разговаривать. Таэрс мертв, а Конан говорил, что нас предают, и... – Она судорожно вздрогнула.

– Простите меня, лорд Албанус. Если Стефano здесь нет, то я уйду.

При ее словах Албанус удивленно раскрыл глаза.

Со словами: «Подожди. Ты никогда не видела такого?» – он достал из пояса прозрачный камень ярко-белого цвета и, бормоча что-то под нос, сунул этот камень в ее сторону.

Вопреки воле женщины ее взгляд оказался прикован к этому камню, как железо

притягивается к магниту. Неяркий луч вырвался из камня и озарил ее лицо. Она ощутила его, как удар. Страх наполнил ее душу. Она должна бежать. Но она могла только дрожать, стоя на месте. Белизна заполнила все пространство перед ее глазами.

– Беги! – бился в глубине души крик.

– Зачем? – пришел вопрос. Страх исчез. Вместе с ним ушла воля. Луч исчез, и она осталась стоять, спокойно дыша и глядя на камень, казавшийся ей еще ярче.

– Получилось, – услышала она шепот Албануса. – Но насколько хорошо?

– Сними одежду, девушка, – добавил он громче.

Какая-то часть ее сознания заставила ее покраснеть, но в целом ее мозг воспринял команду как весьма разумную. Она быстро раскрыла застежки и сбросила плащ и платье. Они упали у ее ног. Ариана стояла, ожидая дальнейших приказаний.

Албанус окинул ее удовлетворенным взглядом.

– Если уж ты с такой готовностью обнажилась, то на задаваемые тебе вопросы ты станешь отвечать чистую правду. Таэрас. Он действительно мертв? Как он умер?

– Его зарезал Конан, – спокойно ответила она.

– Эрлик побери проклятого варвара! – выругался благородный лорд. – Неудивительно, что Веджент не в силах найти Таэраса. Как же мне теперь передать приказ о начале?... – Он задумчиво посмотрел на нее.

Его взгляд прояснился.

– Ты же одна из тех детишек, которые болтают о восстании в «Знаке Тестис», не так ли?

– Да, это так, – последовал неуверенный ответ. Похоже, его вопрос был не совсем правильным, но лорд не стал огорчаться.

Он приподнял ее подбородок и посмотрел ей прямо в глаза. Она не шелохнулась.

– Когда я пожелаю, чтобы улицы заполнила воющая толпа, – тихо сказал он, – ты передашь мои слова в «Знак Тестис». Скажешь только то, что я тебе прикажу, и ни слова больше.

– Я сделаю это, – ответила она. Что-то в ее душе шевельнулось и затихло.

Лорд кивнул.

– Хорошо. А что там Конан говорил о предательстве?

– Что Таэрас не нанимал никаких бойцов, чтобы нам помочь. Что кто-то другой использует нас в собственных целях.

– Он назвал этого человека? – резко спросил лорд.

Она только покачала головой. Она устала. Ей хотелось спать.

– Неважно, – пробормотал Албанус. – Я недооценил этого варвара. С каждым часом он становится все опаснее. Вариус, подготовь гонца к командиру Ведженту. Быстрее, если тебе дорога твоя шкура! Встань прямее, девушка.

Ариана послушно выпрямилась. Она видела, как Албанус пишет на пергаменте. Ей хотелось спать, но она знала, что не сможет, пока хозяин ей этого не позволит. Ее воля полностью подчинилась ему, ее уже не тревожили уколы гордости.

Глава 18

Гулкий удар бронзового гонгаозвестил о наступлении второго часа после захода солнца. Конан бесцельно соскочил с кровати. Он был уже готов к ночному путешествию – в тунике и с кинжалом за поясом. Сапоги, меч и броня могли только помешать ему в задуманном деле.

Он тихонько подошел к окну, взобрался на выступ и осторожно принял ощупывать стену. Человеку несвойственно смотреть вверх – поэтому лучше всего идти по верху, если хочешь остаться незамеченным. Пробегающие в небе облака бросали на дворец рваные тени. Конан стал одной из таких теней.

Для знающего человека не составило труда найти дорогу вверх, даже на гладкой стене. Выступы окон и барельефы служили великолепными ступеньками. Конан осторожно пересек крышу и спрыгнул на сторожевую площадку. Здесь, в самом центре дворца, часовых не ставили.

Скользнув через амбразуру с высокими, с человека, зубьями стены, Конан опустился на крышу аркады, что заканчивалась в трех этажах от земли. Где-то во дворце тревожно забил набат. Конан замер, вслушиваясь в крики. Он нахмурился. Веджент непременно должен присутствовать при тревоге. Странно, что не проснулся весь дворец. Очевидно, какая-то локальная тревога поднимать войска не стали. Ладно, наверняка вскоре все утихнет, и Веджент вернется к себе. Конан улыбнулся. Его будет ждать теплая встреча.

Пробежав по крыше, Конан с легкостью преодолел еще одну стену, ни о чем не беспокоясь. Верху он лег на крышу и прислушался. Затем он встал, немного прошел и опустил ноги через край.

Он качнулся, разжал руки и очутился у Веджента в спальне.

Держа кинжал в руке, Конан вошел, как неслышная смерть. Тускло светили медные лампы. Как он и предполагал, ни здесь, ни в следующей комнате никого не было. Конан присел у двери внутренней комнаты и подготовился ждать.

Он был терпелив, как настоящий хищник. Наконец раздался скрип открываемой двери. Конан выхватил кинжал. Судя по звукам, в помещение вошел один человек. Конан разглядел в полуслучае красный плюмаж командирского шлема и с силой ударил человека рукоятью по затылку. Охнув, тот упал. Шлем свалился с его головы. Конан недоуменно уставился на его лицо. Это был не Веджент.

В следующее мгновение на него накинулась воющая толпа Леопардов. Конан бился, как лев. Его кинжал отыскал чье-то горло и застрял в нем. Под его могучими ударами ломались зубы и трескались челюсти. Одного из солдат он выбросил в окно. Но все же они сумели свалить его.

Конан лежал на спине, а солдаты по трое держали его за руки и за ноги. Многие были в крови. Как он ни старался, выбраться ему не удалось.

В дверях появился довольный Веджент, на голове которого шлем отсутствовал.

– Вы же видите – я был прав, – сказал он кому-то невидимому. – Сначала он собирался убить меня, чтобы облегчить свое бегство после того, как убьет Вас.

В комнату вошел Гариан, плотно укутанный в плащ. На его скуле чернел синяк. В его взгляде сквозило изумление.

– Я не мог в это поверить. Даже когда мне об этом сказали, – прошептал он и поежился. – Подумать только, он же столько раз мог проткнуть меня мечом.

– Но тогда бы его незамедлительно схватили, – не смутился Веджент.

– Лжец, – извернулся Конан. – Я хотел заставить тебя признаться в подлом предательстве.

Веджент яростно схватился за меч, но король знаком остановил его. Гариан обратился к киммерийцу.

– А теперь слушай, Конан. Еще до наступления сумерек Веджент арестовал твоих сообщников. Некоего Гракуса, некую женщину по имени Галия. Еще двух-трех других. Будешь отрицать, что ты знал их? Или то, что они замышляли заговор против королевства?

Была ли среди них Ариана? – билась мысль в голове Конана. Но спросить об этом значило выдать ее в руки палача.

– Молокососы, – прохрипел Конан. – Они болтали и болтали бы до тех пор, пока не состарились. Но есть те, кто желает их использовать. – Носок сапога солдата угодил ему под ребра.

Гариан сделал Ведженту знак отойти и продолжил:

– Веджент подверг этих «безобидных молокососов» допросу. И они сознались. Веджент привел их ко мне, и они заявили, что замышляли убить меня, и что их орудием должен был послужить ты, Конан.

– Я не убийца! – рванулся Конан, но Гариан не стал его слушать.

– Была поднята тревога – тебя искали. И нашли тебя здесь, с кинжалом в руках. Твои действия свидетельствуют о твоей вине.

– Еще до рассвета его голова украсит городскую стену, – предложил Веджент.

– Нет, – тихо отказался король. – Я доверял этому человеку. – Он демонстративно вытер руки о плащ. Он не сводил глаз с лица киммерийца. – Слишком давно не применялось старинное наказание для цареубийц. Пора его вспомнить, – с этими словами он взмахнул плащом и скрылся в дверях. Веджент задумчиво посмотрел вслед королю и перевел взгляд на Конана. – Древнее наказание, варвар! – расхохотался он. – Тебе понравится! В темницу его!

Конан увидел, как на его голову обрушивается рукоять меча. Наступила темнота.

Глава 19

По узкой улочке Храмового района рабы несли носилки. Сидевший в них Албанус улыбался. С каждым мгновением он приближался к своему триумфу. Впереди следовала пара факельщиков. Двадцать охранников окружали носилки, хотя в городе было пусто и тихо, как на старом кладбище. Те, кто ему действительно был важен, шли по обе стороны от носилок, закрытые плащами и капюшонами. Мужчина и женщина. Так близко к цели!

Процессия приблизилась ко дворцу. Лорд отдал приказ, и рабы опустили носилки на землю. Навстречу поднимающемуся лорду из ворот вышел Веджент. Албанус бросил взгляд на охранявших подъемный мост стражей и вопросительно выгнул бровь.

– Все как и планировалось, – успокоил его Веджент. – Сегодня на страже – мои самые верные люди. – Отлично. А что с Конаном?

– Он в темнице. Гариан так разволнился о древнем наказании, что я просто не мог убить его на месте, – сплюнул Веджент. – Но он вполне может разделить могилу с Гарианом.

Лорд рассмеялся.

– Нет, дорогой Веджент. Я считаю, что варвар понесет вполне заслуженное наказание.

– Лучше бы прикончить его на месте, – проворчал Веджент, но настаивать не стал. – Слушайте, он что, действительно похож на... – Солдат попытался заглянуть под капюшон.

– Пора, – прервал его лорд. Ариана и двойник последовали за ним. Веджент двинулся следом.

Переполненный радости, Албанус бодро шагал по мостовой дворца. Сколько раз он проходил по этим камням! Но сегодня он был хозяином, завоевателем.

Мелькнувшая впереди тень выросла и превратилась в женщину. Албанус бросил разгневанный взгляд на Суларию.

– Что ты здесь делаешь, женщина? Я же велел тебе оставаться в твоих покоях.

Женщина неотрывно смотрела на него, и глаза ее сверкали.

– Я желаю видеть, как он падет пред тобою.

Албанус кивнул. Да, это будет прекрасное зрелище.

– Тогда – ни звука, – предостерег он ее.

Гордо расправив плечи и высоко подняв голову, Албанус двинулся дальше.

Стоявшие у двери в покоя Гариана вытянулись по стойке смирно при виде приближающихся людей.

– Он спит? – выступил вперед Веджент. Один из четверых кивнул. – Кто еще внутри?

Кивавший открыл рот.

– Только служанка, чтобы принести ему вина, если король этого пожелает.

– Убейте ее, – приказал лорд. Веджент изумленно обернулся.

– Лорд, вы же говорили, что она все забудет. Могут возникнуть лишние вопросы, если рабыня неожиданно исчезнет.

– Этот способ можно использовать только на одном человеке одновременно, Албанус задумчиво погладил кариан с белым камешком. Поэтому убейте ее.

Веджент сделал знак, один из стражников проскользнул внутрь и через несколько мгновений вернулся с окровавленным мечом.

Албанус впереди всех направился внутрь, не обращая внимания на труп девушки, лежащий поверх опрокинутого табурета.

Вторая комната, собственно спальня, находилась в полутиме. Лампы едва мерцали. На постели, среди смятых простыней, лежал Гариан.

— Прибавь света, Сулария, — тихо приказал лорд. Не отводя взгляда от кровати, женщина выполнила указание. Парочке под капюшонами Албанус приказал: — Снимите плащи.

— Да это же вылитый Гариан! — изумленно выдохнул Веджент.

Взгляд повернувшейся Суларии недолго задержался на двойнике короля. Сузив глаза, она указала на Ариану.

— Кто эта женщина? — требовательно спросила блондинка. Ариана смотрела прямо пред собой в ожидании команды. Двойник с интересом глядел по сторонам.

Лежавший Гариан внезапно вскинулся. Его взор перепрыгнул с Албануса на Суларию и Веджента.

— Что это... — он замолк, уставившись на двойника. Тот посмотрел на короля.

— Гариан, — лорду хотелось смеяться. — Это тот, кто займет твоё место на троне. На нем кончится твоя поганая линия. Гарианов больше не будет.

— Стражи! — закричал Гариан. Из-под его подушки появился кинжал, и с оружием в руках король вскочил на ноги.

— Сделай с ним то, что я приказал, — сказал Албанус двойнику.

Двойник шагнул вперед. Гариан нанес быстрый удар — и его запястье оказалось в стальной хватке монстра. Боль стерла изумление с его лица. Кинжал выпал из внезапно ослабевших пальцев.

В то же мгновение голем ухватил истинного короля за горло и поднял в воздух. Король беспомощно дергал ногами. Двойник с видимым интересом наблюдал, как лицо Гариана багровеет.

Король затих, и голем пренебрежительно опустил бесчувственное тело. Албанус торопливо склонился над королем. Там, где горло монарха сжимали пальцы двойника, появились синяки. Скула монарха тоже была черной. Странно, подумал Албанус. Он не помнил, когда голем ударил Гариана. Неважно. Важно то, что он еще дышал.

Веджент, вытащивший было свой меч, со стуком отправил его обратно в ножны и прочистил горло.

— Гм. Может быть, стоит разделаться с ним...

Прямо сейчас? Стоит только сказать...

Этой штуке.

— Я — король Гариан, — громко заявил двойник, глядя на солдата, который изумленно выругался.

— Тихо, — приказал Албанус, выпрямившись. — Это, — он тронул Гариана носком сапога, — это еще признает мое право на трон. Прежде чем умрет.

— Но это опасно, — запротестовал солдат. — Он должен умереть сейчас! — Хватит болтать! — прикрикнул на него лорд. — Доставьте его в цепях ко мне во дворец и поместите в темницу. Я больше не желаю тебя слушать. Веджент мрачно кивнул и повернулся, собираясь идти.

— И еще одно, Веджент, — крикнул ему вслед Албанус. Всех, кто будет этим заниматься, потом необходимо будет убрать. Нам не нужны болтливые языки.

Великан заметно помрачнел и ушел. Он сделает это, удовлетворенно подумал Албанус. Даже со своими любимыми Леопардами.

— Кто эта женщина? — снова спросила Сулария.

Албанус изумленно взглянул на нее. Да умещаются ли в ее прелестной головке хотя бы две мысли одновременно? На ее глазах король лишился трона, а ее все еще беспокоит Ариана.

— Не беспокойся. Утром ты станешь Леди Сулария. Это, он взял Ариану за подбородок, — всего лишь инструмент, который поможет мне занять трон. Ненужные инструменты, как ты знаешь, потом выбрасывают.

Он перевел взгляд на Суларию и ободряюще улыбнулся. Инструменты потом выбрасывают.

Глава 20

Конан очнулся и обнаружил, что висит на цепях в центре темницы. Во всяком случае, ему это показалось центром. Его освещали два высоких светильника на треножниках, но стен не было видно. Цепи уходили от его запястий в темноту. Те цепи, что сковывали его ноги, крепились к массивным кольцам в полу. На киммерийце была только набедренная повязка.

Особо не надеясь на чудо, он напряг все мышцы. Его прошиб пот – никакого результата. В темноте зашуршала одежда.

– Он очнулся, моя леди, – сказал мужской голос.

Пауза.

– Будет сделано, моя леди.

В свете ламп появились два бритоголовых и коренастых мужчины. Обнаженный торс одного из них был украшен ожогом, как будто однажды его жертва сумела заклеймить его железом. Другой зарос шерстью, как обезьяна, и по его лицу блуждала улыбка. Оба держали в руках свернутые кнуты.

Они молчаливо встали по обе стороны от Конана. Киммериец безуспешно вглядывался в темноту. Кто же была эта «леди»? Кто?

Бич, просвистев, впился в кожу на его груди. Следующий ожег бедро. Голень. У ударов не было никакой последовательности. Невозможно было понять, куда угодит следующий. Невозможно было к ним приготовиться. Боль кислотой ела его нервы.

Конан до боли стиснул зубы, чтобы не закричать. Он даже перестал дышать, отказывая телу в воздухе. Открыть рот значит издать звук. А отсюда рукой подать до крика и вопля. Женщина хотела, чтобы он закричал. Не дождется.

Тюремщики продолжали избивать Конана, пока он не повис бессильно на цепях. Его голова свесилась на грудь. Пот жег свежие рубцы. Кровь текла ручьями.

В темноте раздался звон монет.

– Очень великодушно с вашей стороны, леди, – раздался тот же голос. – Мы подождем вас сразу за дверью. – Молчание. Затем дверь, закрываясь, скрипнула.

Конан поднял голову.

В освещенном пространстве медленно появилась женщина. Та, под серой вуалью.

– Ты, – прохрипел Конан. – Значит, это ты пыталась убить меня? Или ты из тех, кто рад использовать сосунков из «Знака Тестис», из тех, чья ложь отправила меня сюда?

– Да, я пыталась убить тебя, – тихо ответила женщина.

Конан напряженно прищурился. Он слышал этот голос раньше. Но где и когда?

– Мне стоило бы помнить, что во всей Немедии не найдется человека, способного тебя прикончить. Теперь ты висишь здесь, и это дело твоих собственных рук. Но мне приятно смотреть на тебя, Конан из Киммерии.

– Но кто же ты? – требовательно спросил Конан.

Медленным движением она откинула вуаль с лица. Нет, не обезображенного болезнью – белоснежного и прекрасного лица. Раскосые изумрудные глаза над высокими скулами, грива рыжеватых волос.

– Карела, – выдохнул киммериец. Наверное, он бредит. Карела, Красный Ястреб Туранских и Заморских степей, маскирующаяся под видом благородной. Невероятно.

Ее голос был спокойен.

– Не думала я когда-нибудь еще встретиться с тобой, киммериец. Когда я увидела тебя в тот день на рынке, я чуть не умерла от стыда.

— А Ордо ты уже видела? — спросил Конан. — Он здесь и все еще надеется тебя найти. — Он натянуто усмехнулся. — Работает вместе с контрабандистами под твоим началом.

— Ты узнал и это? — удивилась она. — Я никогда не считала тебя глупцом. Ордо тоже меня удивил, появившись в Норхемише одновременно со мной. Я не смогла открыться ему. Да, он мой верный пес, но были и другие верные псы. Которых прельстила награда за мою голову. Думаешь, я ношу вуаль для удовольствия?

— Уже столько времени прошло, — возразил Конан. — Они, наверное, уже забыли про тебя.

— Красный Ястреб никогда не будет забыт! — рассердилась Карела. Она стояла, широко расставив ноги и упервшись кулаками в бедра, и Конан легко мог представить ее с саблей у бедра.

— Ну а теперь, когда ты уже не играешь в леди Тиану, — помрачнел Конан, — может быть, ты скажешь, почему, во имя Девяти Проклятий Зандры, ты так хочешь меня прикончить?

— Почему?! — вскричала она. — Да ты бросил меня обнаженной и скованной на пути к невольничьему рынку, помнишь?

— Да. Вспомни, Карела. Ты заставила меня поклясться никогда не поднимать руки в твою защиту.

— Разрази тебя гром, киммериец, вместе с твоими клятвами!

— Кроме того, у меня было с собой всего пять медяков. Думаешь, тебя уступили бы за столь низкую цену?

— Лжец! — плонула она. — Я не желала ползать перед тобой на брюхе, и поэтому ты позволил меня продать!

— Я же говорю...

— Лжец! Мерзавец!

Конан сдержанно зарычал и стиснул зубы. Эти споры ни к чему не приведут. А молить об одолжениях он все равно не станет.

Возбужденно шагая взад и вперед, Карела бросала слова, как кинжалы, не глядя на Конана.

— Я хочу, чтобы ты услышал о моих унижениях. Услышал и запомнил навсегда. Пусть они вспоминаются тебе в шахтах на каторге, пусть они мучают тебя, когда король объявит амнистию для тех, кто отработал положенное время. Чтобы ты помнил, что я буду в нужном месте в нужное время с золотом в руках. И король забудет об одном из своих пленников.

— Я знал, что ты сбежишь, — пробормотал Конан. — Что ты и сделала.

Она зажмурилась. Когда же она открыла глаза, ее голос был спокоен.

— Меня приобрел купец по имени Хафиз, и он поместил меня в свой Зенан вместе с сорока другими женщинами. В тот же день я бежала. И была поймана. За это меня били палками по пяткам. Я не плакала и не кричала, но десять дней после этого я могла только ковылять. Следующий раз я была на свободе ровно три дня. Меня вернули назад и заставили чистить горшки на кухне.

— Ну и дурак же он был — пытался укротить тебя таким путем. — Несмотря на свое положение, Конан был не в силах сдержать усмешку.

Она повернулась к нему. В ее глазах горела жажда убийства.

— В третий раз меня взяли, когда я перелезала через стену. Я плонула в лицо Хафизу и сказала, что ему не под силу меня сломать. Он только рассмеялся. Ты считаешь себя мужчиной, заявил он. Это неправильно. Ты должна думать по другому. С этого момента я должна была ходить так, словно меня в любой момент ждет постель хозяина — в легчайших шелках, с подкрашенными глазами и губами. Меня учили танцевать, играть на инструментах, читать стихи. За любую ошибку немедленно наказывали. Но, как он сказал, поскольку я еще девочка, которая только учится быть женщиной, все наказания будут — как для ребенка. При этом он расхохотался.

Конан взревел от смеха.

– Ха-ха, ребенок!

Карела не выдержала.

– Да что ты об этом знаешь, увалень безмозглый! – она сжала руку в кулечок. – Меня наказывали розгами по десять раз на дню! Заставляли пить ка'арове масло. И делать еще сотни еще более невыносимых вещей. Я прожила так целый год. Как бы я хотела, чтобы за каждый день этой жизни ты провел год на каторге!

Конан с трудом овладел собой.

– Я думал, что ты сбежишь, самое позднее, через полгода. Похоже, Красный Ястреб превратился в куропатку в серебряной клетке.

– За мной следили день и ночь, – запротестовала она. – И я сбежала. С мечом в руках.

– Наверное, тебе надоело ложиться спать без ужина, – снова засмеялся Конан.

– Деркето разрази твои бесстыжие глаза, – взвыла женщина. Она подбежала к Конану и забила кулаками по его широкой груди. – Эрлик тебя побери, киммерийский ублюдок! Ты... Ты... – Внезапно силы покинули женщину, и она уцепилась за Конана, чтобы не упасть. Ее лицо оказалось прижато к его груди, и Конан с изумлением заметил в ее глазах слезы.

– Я любила тебя, – прошептала Карела. – Я тебя любила.

Конан только изумленно покачал головой. Если так она относилась к любимым, то кто тогда сможет перенести ее ненависть?

Женщина выпрямилась и отступила.

– Ты не боишься, – прошептала она. – Ты даже не думаешь об этом. – Если она так страдала, то как же она заставит страдать меня, подумал Конан.

– Меня нельзя винить в том, что произошло с тобой, – тихо ответил Конан.

Она не слышала его.

– Ты не боишься. Ты все равно остаешься мужчиной.

Странная улыбка пробежала по ее устам. Она потянулась к застежкам платья, и через мгновение оно лежало у ее ног. Карела грациозно шагнула вперед. Да, все было так, как он запомнил: полные груди и округлые бедра, длинные ноги и тонкая талия. Она могла бы зажечь любого мужчину. Поднявшись на цыпочки и раскинув руки, она медленно начала вращаться, поворачивая голову так, что длинные локоны то ложились на мраморные плечи, то ласкали бархатную грудь. Она показывала себя всю.

Слегка покачивая бедрами, она подошла к нему и остановилась, коснувшись его грудями, как раз под ребрами висящего на цепях Конана. Глядя на него сквозь опущенные ресницы, она произнесла:

– Когда тебя увезут на рудники, только смерть сможет вернуть тебя на поверхность. Ты проживешь остаток жизни во тьме и грязи, в тусклом свете факелов и гнилом воздухе подземелий. Там будут женщины. Если, конечно, их можно так назвать, ведь они работают наравне с мужчинами. – Ее пальцы легонько прикоснулись к его обнаженной груди.

– Они грязные и вонючие. Их поцелуй... – Она обхватила руками его шею и подтянулась, пока ее глаза не оказались вровень с лицом киммерийца.

– У них не найдется таких сладких поцелуев, прошептала она и приникла к его губам. Он не остался к этому безучастным. Наконец, она со вздохом опустилась.

– Никогда больше тебе не испытать такого, – легко выдохнула она.

Внезапно она закусила губу и отошла в нерешительности. Теперь ты будешь думать только обо мне. Ни о ком другом.

Подхватив одежду, она скрылась во тьме. Через некоторое время заскрипела и хлопнула входная дверь.

Она совсем не изменилась, подумал киммериец. Все тот же Красный Ястреб. Она не

утратила свирепости и странности. Но если она думает, что Конан так просто отправится на рудники, или куда там еще, – древнее наказание, – она серьезно ошибается.

Конан окинул взглядом свои цепи и затих. Еще дома, среди заснеженных отрогов родной Киммерии, он усвоил: если нет возможности действовать, надо ждать и беречь силы. Это закон выживания. Расслабившись, насколько позволяли цепи, Конан повис, как паук в ожидании жертвы.

Глава 21

С ржавым скрежетом цепи, удерживавшие Конана, начали спускаться. Конан не смог сдержать стона. Он не помнил, сколько часов ему пришлось провисеть. Все вокруг него было по-прежнему.

Его ноги коснулись пола, и колени, не выдержав веса тела, подогнулись. Он во весь рост растянулся на камнях. Он попытался привстать, но руки ему не повиновались. Только пальцы слегка дернулись.

Те самые двое, что били его бичами, торопливо снимали цепи. Он не смог оказать им сопротивления, и его руки были быстро связаны за спиной. Человек со шрамом был молчалив, как всегда. Обезьяноподобный говорил, не переставая.

— Мы уж думали, что ты провисишь тут еще денек. Тебе, наверное, здесь понравилось. Потуже затягивай, — бросил он напарнику. — Этот парень весьма опасен. — Тот согласно хрюкнул и продолжил заковывать руку киммерийца.

— Мои люди, — с трудом выдавил через пересохшее горло Конан.

— О, это было весело, — рассмеялся круглицы. — Надавали тумаков Золотым Леопардам, которые хотели их арестовать, и исчезли. В другое время такое происшествие обсуждалось бы целую неделю, но в этот день произошло столько разных событий, сколько не было со дня вступления Гариана на трон. Сначала он вышвырнул всех своих прежних советников, угрожая им смертью. Затем он провозгласил, что вместо Совета учреждается пост Верховного Канцлера Немедии, и дал этому канцлеру почти королевскую власть. Он назначил на этот пост лорда Албануса. Вот уж неприятный человек, если вы меня спросите. Ко всему этому он еще объявил свою фаворитку — благородной леди. Эту-то шлюшку благородной?! Но ни один придворный и слова худого не сказал — ведь ходят слухи, что она может стать королевой. Кроме того, народ бунтует. Струто! Тащи остальное! — Молчаливый хрюкнул и удалился. Конан облизал губы.

— Бунтуют?

Тюремщик кивнул.

— По всему городу, — и, воровато оглянувшись, добавил шепотом: — Требуют отречения короля. Может быть, именно поэтому Гариан и избавился от своих старых советников — надеялся, что толпу это успокоит. Во всяком случае, он не стал посыпать против народа своих Золотых Леопардов.

Они все же выступили, подумал Конан. Может, это к чему-то и приведет. Уже привело. Только к чему? К хорошему или к плохому?

— Были — ли — с — ними — вооруженные? — с трудом произнес Конан.

Беспокоишься о своих людях? Нет, бунтует только городская чернь. Хотя, что удивительно, у них много мечей и другого оружия, как я слышал. Эй, Струто! Пошевеливайся!

Принесенный обгоревшим молчуном шест пропихнули между руками киммерийца и его широкой спиной, прижали его к плечам кожаным ремнем. Круглицы, покопавшись, достал кожаный кляп и запихнул его в рот киммерийцу, закрепив его на затылке..

— Пора показать тебя королю, — пояснил тюремщик. — Какие бы планы там ни лелеяли, лучше бы тебе оставаться в ласковых ручках леди Тианы. А, Струто? — расхохотался он. Струто тупо уставился на него.

— Ну ладно, варвар. Молись своим богам, пока есть время. Пошли, Струто. — Ухватившись за шест, тюремщики подняли Конана на ноги. Наполовину таща его, наполовину толкая, они привели его во дворец. Когда они достигли мраморных залов, Конан уже успел полностью обрести контроль над ногами. Он стряхнул с себя тюремщиков и пошел сам, делая короткие

шаги. Шагать размашисто ему не позволяли кандалы.

Круглолицый рассмеялся, глядя на него.

– Торопищься побыстрее со всем покончить? – Они позволили ему идти самому, но шест не выпустили. Киммериец мрачно улыбнулся. Если бы он захотел, он бы сбил их с ног, используя этот самый шест. Но что потом? Он все равно будет в цепях и в самом сердце дворца. Конан сосредоточил свое внимание на своих руках.

Коридоры были необычно пусты. Вдоль стен, как всегда, скользили рабы. Но пышные наряды придворных исчезли. Когда они свернули в большой зал, им навстречу попалась другая процессия.

Гракус, Галлия и еще трое из «Знака Тестис» ковыляли, спотыкаясь, под бдительным взором двух охранников. Во ртах у них были кляпсы, руки связаны за спиной. При виде Конана Гракус выпучил глаза. Галия отшатнулась в сторону.

– Эти пойдут в рудники, – в качестве приветствия выкрикнул один из стражей.

– Это все же лучше, чем то, что ждет нашего клиента, – засмеялся круглолицый.

Все охранники немного посмеялись и разошлись по своим делам.

Незадачливые заговорщики, похоже, боялись Конана не меньше, чем солдат. Конан не держал на них зла. Мало кто из мужчин и еще меньше среди женщин могли выдержать пытки опытного палача. А Веджент мог при желании найти и другой путь для обвинения.

Шестеро солдат распахнули перед ними огромную дверь, и Конан вступил в тронный зал.

Двойной ряд стройных колонн удерживал алебастровый купол. Свет золотых ламп отражался в полированном мраморе стен, а пол представлял из себя гигантскую мозаику, изображавшую различные события немедийской истории. Понятно, почему коридоры были пустынны – все придворные собирались здесь, сверкая великолепием одежд.

В центре этой толпы был широкий проход от дверей до самого Драконьего трона.

Конан замедлил движение, хотя тюремщики и пытались его подгонять. Нет уж, он не станет спотыкаться на глазах у всех. Он остановился у подножия трона и с вызовом посмотрел на Гариана. Тюремщики попытались поставить его на колени, но он не поддался. Придворные зашептались. Набежавшая стража ударила его тупыми концами копий под колени и в спину, и Конан упал на колени вопреки своей воле.

На протяжении всего этого спектакля лицо Гариана оставалось бесстрастным. Поднявшись с трона, Гариан поправил свои золотые одежды.

– Этого варвара, – громко объявил он, – Мы, в своей милости, приняли ко двору. Но, как Мы выяснили, он вынашивал злодейские планы. Он самым чудовищным образом предал Наше доверие, и...

Он принялся перечислять, но Конана заинтересовал человек, стоявший чуть позади трона, положив одну руку на его спинку. Он кивал в такт словам короля, словно старый учитель. На его шее висела Государственная Печать Немедии, из чего следовало, что этот человек – сам Верховный Канцлер Немедии, лорд Албанус. Конан узнал это лицо. Канцлер был тогда вместе с Таэрасом и Веджентом, когда Конан нарушил их уединение. Кром, подумал Конан, они здесь все с ума посходили.

– И Мы приговариваем его к древнему наказанию, – закончил король. Эта фраза заставила Конана снова взглянуть на Гариана. На лице короля не было печали, которую Конан видел в прошедшую ночь. Только каменное спокойствие. – В полдень следующего дня он будет брошен на съедение волкам. Пусть животные справятся с чудовищем.

При этих словах Конана подняли на ноги и повели прочь. Даже круглолицый тюремщик был не в духе, когда ввергал его в темницу, – на сей раз в небольшую камеру. Не произнося ни слова, тюремщики убрали кляп и шест, но приковали его ноги к кольцу в стене.

Оставшись один, Конан принялся исследовать свое новое обиталище. Лежа на животе, он вполне мог бы дотянуться до дубовой двери, если бы его руки не были скованы за спиной. Уцепиться было совершенно не за что. К тому же Конан серьезно сомневался в том, что сможет сломать железные петли.

Стены были из крепкого камня, но связывающий камни цемент раскрошился. Имея инструменты, вполне можно вытащить камни из стены – вполне достаточно для побега. Всего лишь за год, в крайнем случае за два. В охапке соломы нашелся только обглоданный крысиный трупик. Интересно, кто же его так обглодал – сами крысы или же какой-нибудь его товарищ по несчастью? Оставалось только надеяться, решил Конан, отправив тушку в дальний угол, что ему недолго придется терпеть здешнюю вонь.

Не успел киммериец устроиться поудобнее, как в двери повернулся ключ, и на пороге появился Албанус, предусмотрительно поднявший подол своей туники над полом. За ним в камеру шагнул король. Его глаза с интересом осмотрели обстановку – солому и голые стены. Один раз он даже взглянул на киммерийца, как бы считая его предметом обстановки.

– Ты знаешь меня, не так ли, – сказал лорд Албанус.

– Ты лорд Албанус, – настороженно ответил Конан.

– Значит, ты меня знаешь, – удовлетворенно сказал благородный лорд. – Я этого опасался.

Хорошо, что я поспешил.

– Ты? – напрягся Конан и взглянул на Гариана. Почему же Албанус не боится признать свою вину перед королем?

– Не рассчитывай на его помощь, – расхохотался Албанус. – Было время, ты доставил мне немало неприятностей. Но ты не похож на орудие воли богов. Волки о тебе позаботятся. Единственный серьезный ущерб, который ты мне причинил, исправлен девушкой, которую ты послал на поиски скульптора. И ты в итоге оказался лишь мелкой неприятностью.

– Ариана, – резко спросил Конан. – Что ты с ней сделал?

Черноволосый лорд зловеще рассмеялся.

– Пойдем отсюда, Гариан. Оставим эту юдоль печали.

– Что ты сделал с Арианой? – выкрикнул киммериец ему в спину. Король обернулся на пороге и посмотрел на Конана. – Скажи мне, что он сделал... Гариан отвернулся. Дверь захлопнулась, и Конан задумался. Он с первого взгляда заметил странности в поведении монарха, но сначала отнес это на свой собственный счет. Вряд ли человек, слушая собственный приговор, видит все в нормальном свете. Но сейчас он заметил еще одну странную вещь – на лице короля не было синяка. Но Гариан не стал бы пудрить лицо, подобно женщине, а при дворце не было чародеев, которые могли бы убрать синяк магическим способом. Сам по себе синяк сойти бы не успел. Мелочь. Но из этой мелочи следует, что на троне сидит не настоящий Гариан. Конан призадумался. Албанус ковал заговор, а теперь он первый советник короля, который не есть Гариан. Но тогда, в покоях Веджента, был именно Гариан! В этом Конан был уверен. Не иначе, в деле замешано колдовство.

Терпение, одернул он себя. Многое зависит от того, освободят ли его от цепей до того, как сбросят волкам. Даже против зверей мужчина со свободными руками и сильной волей многое может сделать.

Албанус об этом еще пожалеет!

Рабыня натирала маслом обнаженное тело Суларии. Леди Суларии, – она поправила себя, сладко потянувшись.

Как приятно было стоять среди лордов и их жен в тронном зале, а не отираться где-то позади. И пусть признает ее их заставил страх – это делает ее триумф еще слаще. Она стала из королевской любовницы – благородной дамой. Почему бы ей не стать теперь королевой?

— Королева Сулария, — она попробовала произнести это вслух. Улыбнувшись, она повернула голову и устремила взгляд на свою камеристку, пухлую седовласую женщину. Это был единственный человек во дворце, которому Сулария доверяла. Или, точнее сказать, не доверяла меньше других.

— Она все еще ожидает, Латона? — задала вопрос хозяйка.

Камеристка кивнула.

— Уже два часа. Она не осмеливается уйти.

Блондинка удовлетворенно вздохнула.

— Латона! Введи ее сюда. Потом займешься волосами.

— Да, хозяйка, — кашлянула служанка и убежала.

Вскоре в ее сопровождении появилась леди Джеланна.

Стройная женщина пронзительно смотрела в лицо Суларии, а та загадочно улыбалась. Служанка продолжила работу над ее прической. Этикет разрешал слугам присутствовать при встрече только в том случае, когда на аудиенцию приходит человек с более низким положением в обществе, чем у хозяина. Так что это было намеренным оскорблением.

Джеланна на глазах утрачивала уверенность в себе. И все же она наконец потребовала:

— Зачем ты пригласила меня, Сулария? — Сулария выгнула бровь. — Леди Сулария, — исправилась Джеланна. Похоже, эти слова были для нее кислее лимона.

— Ты выросла здесь, во дворце. Не так ли? — вкрадчиво спросила блондинка.

— Да, — резко ответила Джеланна.

— Наверное, играла в прятки в коридорах, бегала по двору. Плескалась в фонтанах. Каждое твое желание мгновенно исполнялось.

— Ты хочешь поговорить со мной о моем детстве?

— Нет, — отрезала Сулария. — Я призвала тебя не поэтому. Ты знаешь Энаро Эстариана?

— Эту отвратительную маленькую жабу? — фыркнула она. — Я о нем слышала. Встречать не приходилось.

— Он ищет себе жену, — снова улыбнулась Сулария.

— Действительно?

— Он хочет молодую жену, из благородных. — Джеланна вздрогнула, и Сулария поспешила продолжить: — Ему нужен титул, который он не может купить. Он также хочет иметь сыновей. Много сыновей. Гариан, — солгала блондинка, предложил мне подыскать невесту.

Джеланна в нерешительности облизнула губы и сказала с дрожью в голосе:

— Я прошу прощения, леди Сулария, если я чем-нибудь оскорбила Вас.

— А не знаешь ли ты некоего Дарио? — потребовала Сулария. — Начальника королевской поварни?

— Нет, моя леди, — запнулась собеседница.

— Очень неприятный человек, и в своих привычках, и в деле. Рабыни от него прячутся, потому что он любит причинять женщине боль.

Сулария с удовольствием созерцала испуганную женщину. Не считаешь ли ты, Джеланна, что ночь с Дарио для тебя предпочтительнее жизни с Эстарианом?

— Ты сошла с ума, — заявила женщина. — Я...

Я не желаю больше тебя слушать. Я отправляюсь в свои загородные владения, и будь ты хоть трижды королевой, тебе никогда...

— Четверо солдат проводят тебя, — прервала ее Сулария. Они отведут тебя либо к Дарио, либо под венец с Эстарианом. Никуда ты не уедешь.

— Пожалуйста! — разрыдалась черноволосая женщина. Если хочешь, я встану на колени. Я буду просить прощения на виду у всех! Прости...

– Выбирай, женщина, – сладко мурлыкнула Сулария. – Или я сделаю этот выбор за тебя. Солдаты сегодня же доставят тебя к Эстариану. Я специально укажу в записке, что ты называла его «жабой». Выбирай!

Джеланна покачнулась и чуть не упала.

– Я...

Я пойду к Дарио, – сказала она сквозь рыдания.

Сулария выпрямилась. Этих слов она ждала давно.

– В конуру, сучка! – и она рассмеялась вслед выбежавшей женщине. Нет, власть – это великолепная штука!

Глава 22

Дверь его камеры отворилась. Неужели Албанус решил прикончить его на месте, отказавшись от ямы с волками, подумал Конан.

Два стражника со взвешенными арбалетами в руках проскользнули в камеру и встали по углам.

Конан приготовился к прыжку, но в этот момент в дверях появился круглоголовый тюремщик.

— Солнце уже высоко. Пора вести тебя на съедение волкам, варвар. Если ты попытаешься вырваться, когда я и Струто будем снимать с тебя цепи, эти двое всадят тебе по стреле в каждую ногу и тебя просто сбросят в яму. Дошло?

Конан притворился, что ему не хочется уходить отсюда.

— Снимайте цепи, — прорычал он, сверкая глазами.

Быстро и профессионально тюремщики сняли кандалы, стараясь держаться так, чтобы не заслонять киммерийца от стражников. Что же он, дурак по их мнению, что ли, подумал Конан. Он вполне мог бы уложить и стрелков, и тюремщиков, но зачем? Он и в камере слышал, как у дверей толчится целая толпа людей, наверняка вооруженных. Умереть — дело нехитрое.

Растирая запястья, Конан выпрямился и позволил вывести себя. В коридоре стояло человек двадцать Золотых Леопардов.

— Их столько не требуется, — неожиданно заявил Струто. Конан удивился. Значит, тюремщик вовсе не немой!

Похоже, его товарищ удивился не меньше.

— Ты же знаешь, при аресте он чуть не одолел Леопардов. Их было там человек двадцать. Я не люблю, когда у меня убегают узники. Я просил еще вдвое больше. Давай, двигай! Король ждет.

Процессия двинулась по пустынным коридорам. Десять солдат шли впереди, десять сзади. Тюремщики шли по бокам, а стрелки — чуть поодаль. Конан шел с гордо поднятой головой. Шел, будто на собственную коронацию в окружении почетного караула. Он не думал о бегстве. Там, у ямы, наверняка будут присутствовать Албанус и Гариан. Если удастся добраться до них, то о большем и мечтать не следует.

Окружающая обстановка изменилась. Пошли незнакомые Конану коридоры. Мрамор сменился сначала полированным гранитом, потом грубым камнем. Место светильников заняли факелы.

Яма с волками действительно была древним наказанием. Его не применяли со времен Брагораса, то есть больше девяти веков. Похоже, в эту часть замка последние несколько столетий никто вообще не заходил.

В некоторых углах оставалась пыль, местами висела порванная паутина. Интересно, почему Албанус пошел на это после того, как убрал с трона настоящего Гариана?

Они вступили в круглый зал, в центре которого находилась яма.

Это было величественное сооружение. Из того же камня, купол поднимался на неимоверную высоту без поддержки колонны и распорок. Вдоль края ямы, отделенного небольшой, по пояс, стеной, толпилась Немедийская элита. Они смеялись, толкали друг друга и указывали пальцем как в цирке. Конана подвели к яме. Не спрашивая разрешения, киммериец вспрыгнул на стенку и обвел ледяным взглядом собравшихся, которые замолчали, как павлины при виде орла.

Прямо напротив него, по другую сторону Ямы сидел Король. Рядом с ним улыбающийся Албанус в синем костюме. Справа от двойника Гариана стоял Веджент. Лицо его было в

синяках. Там же рядом сидела Сулария, ослепительная в своей красоте.

Чуть ниже находились решетчатые ворота, сквозь которые зверей выпускали на сцену. Конан не заметил, чтобы сквозь решетку просовывались морды зверей. Похоже, умирать вовсе не обязательно.

Албанус легонько тронул руку коронованной особы, и тот начал говорить:

— Мы собрали вас...

Издав боевой клич, киммериец спрыгнул вниз. Солдаты торопливо протиснулись ближе к стене сквозь ошеломленных придворных. Арбалетчики прицелились. Конан хозяйственно прошелся по арене. Албанус подал знак, и стражники удалились.

— Дурачье! — прокричал Конан. — Вы, среди которых не нашлось ни одного настоящего мужчины, пришли смотреть на мою смерть! Вы достойны вашего дурня в короне! Я не желаю его слушать. Давайте, кончайте с этим, пока у вас поджилки не затряслись!

Сердитые крики прозвучали в ответ.

Албанус что-то прошептал двойнику короля, и тот произнес:

— Если он так торопиться умереть, пускайте волков.

— Пущай волков! — закричал кто-то. — Быстрее!

Ворота открылись. Конан не стал дожидаться волков. Он кинулся в открывшийся туннель, победно улюлюкая. Самые азартные спрыгнули в яму, чтобы догнать и убить наглого варвара.

Конан внезапно оказался в гуще волчьей стаи. Острые зубы впились ему в ногу. Но киммериец отвечал рычанием на рычание. Его кулаки дробили волчьи кости. Одного он ухватил за горло и разбил звериный череп о потолок туннеля.

Волки почуяли в нем родственный в своей свирепости дух человека и оставили его. Они убежали в сторону арены, и сердитые крики придворных в яме внезапно обратились в крики ужаса. Волки нашли себе поживу.

Впереди мелькнул свет.

— Проклятые волчище, — прокричал кто-то. — Вы должны грызть какого-то варвара, а не друг друга!

Человек, увидев бегущего Конана, замолк. Он стоял, с копьем в руке у полуоткрытой железной двери в конце туннеля. Вместо того, чтобы захлопнуть дверь перед киммерийцем, мужчина попытался ткнуть его копьем.

Конан вырвал копье из его рук и тут же ударом тупого конца в грудь опрокинул человека. Тот снова поднялся на ноги. В руке его был длинный нож.

Конан мгновенно перевернул копье и человек сам набежал на его острие. Наконечник вышел из спины.

— Твои волки уже не съедят варвара, — объявил Конан, глядя в глаза умирающему.

Оставив мертвца вместе с копьем в груди в покое, Конан захлопнул и запер ворота. Чтобы открыть их с той стороны, потребуется время. Он успеет убежать. К тому же, прислушался Конан, судя по звукам, солдатам приходиться не легко.

В помещении, где очутился киммериец, не было ничего полезного. Факелы освещали шесть больших стальных клеток на колесах. Никакого оружия, кроме изогнутого кинжала, который Конан тут же сунул за пояс, и копья, оставленного в трупе хозяина. Копье для драки в туннеле не годится. Здесь даже не нашлось чистой тряпки, чтобы перевязать раны.

Хорошо хоть, прежний хозяин принес кусок мяса и кувшин вина, которыми он, очевидно, намеревался закусить пока его подопечные делали свою кровавую работу.

Конан накинулся на еду. У него и крошки во тру не было с момента пленения. Наверное, тюремщики экономили на нем. Закусив, Конан разбил пустой кувшин, вытащил факел и отправился на поиски выхода.

Вскоре он понял, что эти древние коридоры представляют собой гигантский лабиринт.

Они постоянно поворачивали и пересекались друг с другом. Неудивительно, что тайные проходы к дворцу были забыты.

Внезапно, пересекая очередной темный зал, Конан заметил следы. Свежие следы! Он наклонился и от души выругался. Это были его следы. Он сделал полный круг. Сцепив зубы, Конан прошел по собственным следам до разветвления. Дальше след уходил налево. Киммериец пошел направо.

Через некоторое время он снова увидел собственные следы. Он не стал тратить силы на ругань. Дойдя до следующей развилки, Конан свернул в противоположную сторону. И опять. И снова...

Коридоры приобрели наклон вниз, но Конан упрямо двигался вперед, даже когда ему пришлось прорыться сквозь заросли паутины. Повернуть назад-значит наверняка встретить золотых леопардов. Впереди же лежала надежда.

Подойдя к развилке, киммериец машинально свернул направо-последний раз он сворачивал налево – и замер. В конце коридора показался свет. И он приближался.

Конан торопливо вернулся назад, укрывшись в соседнем коридоре. Отбежав шагов на двадцать, он как можно дальше зашвырнул факел. Пламя затрещало и погасло. Конан вытащил кинжал.

Если они пройдут мимо, то он останется жив. Хотя и без света. Если же нет.

Свет приблизился к развилке. В нем простили две фигуры с факелами. В свободных руках они держали мечи. Киммериец с трудом сдержал смех. Ордо и Карела. Причем Карела тех, прежних дней. Золотой с изумрудами поясок, цветастые шелка.

– Ордо, – позвал Конан. – Если бы я знал, что ты решишься меня навестить, я бы оставил тебе вина. – Он вышел навстречу.

Двое повернулись на его голос, мечи наготове. Из туннеля появились вооруженные люди. Махаон, Нарус и другие знакомые Конану люди.

Ордо заметил, как изранен киммериец, но не подал вида:

– Не похоже на тебя, чтобы ты не оставил старому другу. Если хорошенъко поискать, что-нибудь наверняка найдется.

Карела бросила на одноглазого убийственный взгляд, сунула факел в руку Махаона. Нежными пальцами она прикоснулась к ранам киммерийца, осторожно их ощупав.

– Я знал, что ты передумаешь, – потянулся к ней Конан.

Она дала ему щечину и отступила на шаг, угрожающе подняв меч:

– Я отправлю тебя обратно к волкам!

Откуда-то из туннеля донесся чей-то неразборчивый голос. Ему ответил другой.

– За мной охотятся, – сказал Конан. – Если вы знаете, как отсюда убраться, то лучше всего займитесь именно этим. В противном случае нам придется сразиться с парой сотен Золотых Леопардов.

Бормоча под нос, Карела выхватила свой факел и, протиснувшись сквозь солдат, направилась назад.

– Только она знает путь назад, – пояснил Ордо, двинувшись за ней. Конан и его люди пошли следом, сапогами сбивая столетнюю пыль.

– Как вы пробрались во дворец? – спросил на ходу Конан. – И почему Карела решила раскрыть свое настоящее лицо?

– Я начну сначала, – выдохнул Ордо. – Когда тебя арестовали, сотня Золотых Леопардов пришла за нами, и...

– Я это уже знаю, – перебил Конан. – Вы скрывались. Что дальше?

– Уже слышал, да? Я действительно старею... – Несмотря на тяжелое дыхание одноглазый легко держал заданный темп. – Я увел отряд к «Знаку Тестис». Похоже, трущобы нынче – самое безопасное место в Бельверусе. Все тамошние жители бегают с мечами по остальной части города и кричат о свободе. Между делом врываются в дома богачей и грабят.

– А ты что ожидал? – засмеялся Конан. – Эти люди бедны. Наконец-то в пределах их досягаемости оказались богатства. Но я просил рассказать о Кареле.

Ордо покачал косматой головой:

– Она пришла к «Тестис» этим самым утром. Нет, она влетела с таким видом, будто сейчас поведет своих верных псов на золотой караван. Похоже, ты уже знал, что она здесь?

– Узнал уже в темнице, – ответил Конан. – Позже объясню.

Карела остановилась, поднялась на носках и попыталась повернуть один из ржавых держателей для факела.

– По мне, так это место ничем не отличается от любого другого, – пробормотал Ордо.

Карела сверкнула зелеными глазами и он замолк.

Конан было сделал шаг на помощь, но в этот момент железка повернулась, раздался щелчок. Ту же операцию Карела проделала с соседним держателем. Он щелкнул. Внутри стены что-то стукнуло, заскрежетало и кусок стены ушел в сторону. Перед ними оказались лестница, ведущая вниз.

– Если вы можете отвлечься от бесцельной болтовни, – уколола Карела, – то следуйте за мной. И повнимательней. Мне будет очень грустно, если ты сломаешь себе шею, киммериец. Я бы хотела оставить это удовольствие за собой. – Она исчезла во тьме.

Ордо поежился:

– Я же говорил – она одна знает дорогу.

Конан кивнул.

– Следуй за мной, – сказал он Махаону, – и предупреди остальных об осипавшихся ступеньках.

Сержант, обернувшись, передал приказ по цепочке.

Глубоко вздохнув, Конан последовал за женщиной. Не то чтобы он действительно верил в то, что Карела может завести его в ловушку. Но сказать, что он совершенно в это не верил тоже нельзя.

У подножия длинной лестницы его ждала Карела.

– Все вошли? – нетерпеливо спросила она, подняв факел, и, не дожидаясь ответа, крикнула:
– Все прошли?

Кто-то поскользнулся, затем хриплый голос произнес:

– Все вошли, но я слышу чьи-то шаги.

Карела спокойно встала на камень, который под ее весом немного опустился. Снова заскрипело.

– Закрывается! – удивленно прозвучал тот же голос.

Карела взглянула на Конана.

– Идиоты, – произнесла она, очевидно имея в виду всех мужчин, и в особенности – Конана. – Вы как хотите, а я пошла дальше. – И она двинулась по темному туннелю. Стены коридора блестели от влаги.

Здесь какой-то затхлый воздух, подумал киммериец, торопясь следом.

– Я вот и говорю, – продолжал Ордо, поравнявшись с Конаном. – Она вошла в трактир и принялась командовать. Не захотела даже сказать мне, где она была. Даже откуда она узнала мой нынешний адрес. Она пригрозила украсить меня еще одним шрамом, если я не перестану задавать вопросы.

Ордо многозначительно взглянул на Конана, но тот был поглощен иными мыслями. Почему Карела пришла ему на помощь?

— И что же? — спросил он, заметив наконец молчание одноглазого.

— И никто ничего мне не говорит, — кисло заявил Ордо. — С ней была женщина. Ты помнишь леди Джеланну? Так вот, это была она, но на сей раз не столь прекрасна. Выглядела она просто жутко. Синяки на лице и руках. Она была запугана до слез и все время повторяла: «Она не оставит меня в покое. Не оставит меня пока не сломает.» А Карела ее утешала и смотрела на нас такими глазами, будто это мы виноваты.

— Кром, — пробормотал Конан. — Тебя все время куда-то заносит. При чем здесь Джеланна?

— Как при чем? Именно она и сказала Кареле, как найти тайные проходы. Леди Джеланна выросла во Дворце, любила играть в прятки и всякое такое, как и все дети. Иногда они играли в заброшенной части дворца. Джеланна нашла там три или четыре секретных коридора. По одному из них она бежала из дворца. Она очень хотела уехать в свои владения за городом, и я отпустил ее в сопровождении двух наших людей. Единственное, что я смог для нее сделать. Честно говоря, я уже думал, что в следующий раз мы с тобой встретимся только в Аду.

— Из этого вовсе не вытекает, что Карела стала бы мне помогать, — возразил Конан.

Рыжеволосая женщина сердито обернулась к нему:

— Волки были бы для тебя слишком хороши, киммерийский болван! Если ты должен был быть разорван на куски, то я предпочту сделать это собственными руками! Я хочу, чтобы ты на коленях молил меня о прощении, ублюдок. Право первой очереди принадлежит мне, а не этому идиоту Гариану!

Конан посмотрел ей в глаза и улыбнулся:

— Что же ты остановилась? Уж не потеряла ли ты дорогу? Если хочешь, я пойду впереди.

Женщина отвела факел назад, как бы собираясь ударить им киммерийца.

— Вот он! — с облегчением закричал Ордо, указывая на небольшую лесенку, упирающуюся в потолок. — Пойдем, Конан, — подтолкнул одноглазый товарища вперед, мимо разъяренной женщины. — Мы с трудом поставили эту штуку на место, чтобы не привлекать лишнего внимания. Но думаю, вдвоем с тобой мы вполне справимся. — И свирепо прошептал Конану на ухо: — Ты поосторожнее с ней, а то она как ошпаренная кошка с тех пор, как Махаон и другие идиоты заявили ей, что никогда не слышали о Красном Ястребе. Посмотрев на Карелу, сурово глядящую в их сторону, Конан сделал вид что кашляет, чтобы скрыть смех.

— Кстати, а что там, сверху? — спросил он. — Если там кто-то есть, станут ли они сражаться?

— Маловероятно, — рассмеялся Ордо. — Ну, давай, уперлись? Нажали! Тяжелая плита поднялась, с помощью Ордо, Конан отодвинул ее в сторону. В свете появившихся факелов Конан увидел, что они находятся в комнате без окон, заваленной бочонками и свертками. Из открытого бочонка торчали ароматизированные палочки.

— Храм? — недоуменно спросил Конан. — Этот проход заканчивается подвалом Храма?

Ордо радостно рассмеялся и кивнул.

Сделав знак молчать, он вскарабкался по древней лестнице и осторожно предложил следовать за ним.

Конан не стал раздумывать. Он оказался в тусклом свете серебряного светильника между большими кусками мрамора и статуй. До него внезапно дошло, что он находится между алтарем и статуей Эребуса, в месте, куда допускаются только святейшие жрецы. Что же, одним смертным приговором больше, одним меньше.

Все быстро выбрались из подвала и вышли через храм на задний двор. Здесь, вместе с лошадьми их ждали двое его людей.

Как с удовлетворением отметил Конан, они захватили кирасу, шлем и скимитар для него. Он

торопливо вооружился.

— Мы будем уже за городской стеной, — сказал Ордо, садясь в седло, — прежде чем они догадаются искать тебя за пределами Дворца.

— Мы не можем уехать, — тихо возразил Конан, водрузив на голову шлем. Вскочив в седло, он добавил: — Ариана находится в руках Албануса.

— Как, очередная женщина? — воскликнула с угрозой Карела.

— Она была нашим с Ордо другом, — сказал Конан. — В награду за это Албанус пленил ее. Я поклялся вытащить ее из неприятностей, и я сделаю это.

— Ты и твои клятвы, — прошипела Карела.

Но когда отряд выехал на улицу, она скакала впереди.

Глава 23

Солнце заливало ярким светом послеполуденный Бельверус. То тут, то там в безоблачное небо поднимались темные клубы дыма. Это горели дома богачей, до которых добралась охваченная революционным порывом чернь. Иногда ветер доносил далекий шум разъяренной толпы. Шум был невнятен, но больше всего напоминал рык голодного зверя.

Конан с отрядом скакал через столицу ко дворцу Албануса, и по дороге им пришлось увидеть одну из таких толп достаточно близко. Чуть поменьше сотни оборванцев, мужчин и женщин, помчалось в запертые двери и зарешеченные окна какого-то дома. Орудовали они топорами, мечами, камнями и просто голыми руками. Грабители и Свободный Отряд заметили друг друга почти одновременно. Сердитое ворчание пробежало по толпе: казалось, подобные звуки не могли исходить из человеческих глоток. Как крысы из сточной канавы, ринулись они на всадников. Глаза их горели ненавистью к любому, кто имел хоть немного больше, чем они сами. Даже если это немногое было просто оружием. На бегу оборванцы размахивали мечами, и многие клинки были уже окровавлены.

— Луки приведут их в чувство, — крикнул Ордо.

Конан не был так в этом уверен. На лицах людей было отчаяние идущих на смерть.

— Вперед! — отдал команду варвар.

Проскакав дальше, отряд быстро оставил разъяренную чернь позади. Оборванцы, однако, оказались упорными преследователями. Позади всадников никого уже не было видно, а возбужденные крики доносились еще немалое время.

Достигнув дворца Албануса, Конан не стал терять времени даром.

— Каждый третий остается с конями, — четко отдавал команды киммериец. — Остальные — через стену. Возьмите луки. Ты останься, — добавил он, увидев, что Карела направила коня к самой стене.

— А ты мне не указ, киммериец, — как плевок, полетело в ответ. — Иду куда хочу!

— Эрлик побори упрямых баб, — тихо сказал Конан, но спорить не стал. Встав ногами на седло, он осторожно ощупал верх стены, ища место среди острых глиняных осколков, где можно было бы ухватиться, и взобрался наверх. Ордо, Карела и двадцать четыре воина последовали за ним с такой легкостью, как будто всю жизнь только этим и занимались. Со стены они увидели, как из сторожки выбежало с десяток воинов. Но несчастные успели сделать только несколько шагов. Прожужжав как шершни, стрелы уложили их наземь.

Глаза Конана сверкали, как синий лед. Он спрыгнул внутрь двора и побежал мимо убитых. Краем уха он услышал, что остальные тоже спрыгнули, но не это заботило его. Ариана! Ведь это его слова погнали ее к Албанусу. Долг чести требовал освободить ее. Хотя бы и ценой собственной жизни. Подбежав ко дворцу, варвар одним ударом могучей руки распахнул запертую дверь. Она с треском ударила о мраморную стену, и эхо многократно повторило грохот удара среди колонн прихожей. Звук еще не затих, когда перед Конаном вырос один из Золотых Леопардов, в шлеме и плаще. С мечом в руке он бросился на киммерийца...

— Ариана! — во все горло звал Конан, отражая атаки солдата. — Где ты, Ариана? — Меч варвара снес противнику полчерепа. Оттолкнув падающее тело ногой прочь с дороги. Конан поспешил дальше во дворец. — Ариана!..

Тут на киммерийца ринулся целая свора Золотых Леопардов. Конан неистово атаковал их. Его дикий военный клич звенел под сводчатыми потолками. Меч киммерийца резал и колол, как будто принадлежал демону или направлялся им. Солдаты в замешательстве отступили, причем трое из них остались лежать на полу мертвыми или умирающими. Как противостоять этому

дикарю, великану из северных стран?.. Тем временем подоспели Ордо и стальные. Со свежими силами они накинулись на Леопардов. Свирепый оскал одноглазого вполне соответствовал ярости его атаки. Карела дралась с при рожденным изяществом, словно танцуя, клинок ее жалил как оса. И каждый раз возвращался к хозяйке окровавленным.

Последний Леопард упал на пол. Конан закричал:

– Вперед! Обыскать каждую комнату, каждый закоулок! Найти девушку по имени Ариана!

Сам он шагал по залам, как грозовая туча, как Бог мщения. Завидя его, слуги и рабы разбегались кто куда: одним своим видом Конан мог перепугать хоть кого. Пусть бегут, варвара интересовала только девушка. Но тут он заметил человека, который привлек его внимание. Седобородый управляющий пытался бежать, но Конан живо догнал его, сгреб за одежду и приподнял. Управляющий едва доставал ногами пол.

Весь вид варвара говорил, что неповинование грозит смертью.

– Говори, управляющий! Где девушка по имени Ариана?

– Я...

Я не знаю никакой девушки...

Рука киммерийца вздулась мускулами, и ноги старика затрепыхались в воздухе.

– Девушка, – тихо проговорил Конан.

Бисерины пота усеяли лицо управляющего.

– Господин Албанус, – задыхаясь, выговорил он. – Он увел ее в Королевский Дворец...

С тяжким стоном киммериец отпустил старика, и того только и видели. Пусть бежит. Дворец!.. Как же пробраться к ней туда? Сможет ли он снова пройти по тайным ходам из храма Эребуса? Ох, скорее всего, он проведет остаток жизни в этих древних лабиринтах и никогда не найдет выхода в новую часть Дворца...

За спиной варвар услышал шаги. Обернулся и увидел устремившегося к нему Ордо. Махаон и Карелашли следом.

– Махаон нашел кое-кого в темнице, – торопливо сказал Ордо. – Нет, не девушку! Мужчину, ну точь-в-точь король Гариан! И, что самое занятное, он божится, что он, мол, и есть...

– Ведите! – сказал Конан. Надежда вновь ожила в его сердце.

Темница под дворцом Албануса мало чем отличалась от любой другой. Грубый камень, мощные деревянные двери на ржавых петлях и тяжелый запах застарелой мочи и предсмертного пота. Но стоило киммерийцу заглянуть в камеру, к которой его привел Махаон, лицо варвара разгладилось, как будто перед ним был не застенок, а цветочный сад с фонтанами.

Оборванный, грязный мужчина, прикованный к стене, нерешительно пошевелился.

– Что, Конан, – сказал узник, – никак и ты заодно с Албанусом и Веджентом?

– Дэркето! – вырвалось у Карелы. – Ну вылитый Гаркай!

– Это и есть Гариан, – сказал Конан. – Синяк на его лице говорит сам за себя.

Гариан дотронулся до синяка, зазвенев цепями, и растерянно засмеялся: – Ну и судьба: быть узнанным по такому пустяку...

– Раз это Гариан, – вопросила Карела, – то кто же тогда на Троне Дракона?

– Двойник, – ответил Конан. – У него нет синяка... Дайте-ка мне сюда молоток и долото. Быстро!

Махаон исчез и тут же вернулся со всем требуемым.

Конан встал на колени, чтобы долотом расклепать ножные кандалы. Король сказал:

– За это тебя ждет награда, варвар. Когда я возвращу себе трон, все, чем владеет Албанус, будет твоим.

Конан промолчал. Один мощный удар молотка – и заклепанный браслет распался. Конан занялся следующим.

— Вы должны помочь мне выбраться из города, — продолжал Гариан. — Если я доберусь к армии, все будет хорошо. Я вырос среди солдат. Они признают меня. Я вернусь во главе десяти тысяч клинов и вышвырну Албануса из Дворца...

— И начнешь гражданскую войну, — проговорил Конан. И освободил вторую ногу короля, как и первую, одним ударом. — Двойник — твоя копия. Многие поверят, что он и есть ты. И в особенности потому, что на Троне Дракона именно он. Может быть, даже армия не окажется столь великолушна, как ты думаешь.

Ордо застонал:

— Нет, киммериец! Это совсем не наше дело. Давай лучше сматываться, и чем дальше отсюда, тем лучше...

Но Конан и король не обратили на него внимания. Король молчал, пока варвар снимал с него ручные кандалы. Потом Гарная негромко спросил:

— Что ты предлагаешь, Конан?

— Войти снова во Дворец, — киммериец сказал это так, будто речь шла о самой простой вещи. — И открыто изобличить двойника. Не все же Золотые Леопарды переметнулись. Ты можешь возвратить себе трон, не пустив в ход ни одного меча вне стен Дворца...

Варвару показалось неблагоразумным упоминать о черни, бесчинствующей на улицах.

— Дерзкий план, — задумался Гариан. — Полагаю, большинство Золотых Леопардов в самом деле осталось мне верно. Я подслушал разговор тех, кто караулил меня здесь... Что ж, так мы и сделаем. Я отвоюю трон, киммериец, но ты уже завоевал мою бесконечную благодарность! — Царственная манера держаться постепенно возвращалась к Гариану. Он оглядел грязные отрепья, что были на нем, и было похоже, что его позабавил собственный вид. Улыбнувшись, он сказал: — Но если мне придется идти во Дворец, надо, по крайней мере, умыться и одеться, как подобает королю.

И Гариан пошел вон из темницы, громко требуя горячей воды и чистой одежды. Конан нахмурился. Он и сам не понимал, почему последние слова короля вызвали в нем такое беспокойство. Но времени размышлять об этом у него не было. Главное сейчас — Аркан!

— Киммериец, — мрачно сказала Карела, — если ты воображаешь, будто я так прямо и поскаку бок о бок с тобой обратно во Дворец, то ты даже глупее, чем я думала. Это же смертельная ловушка!

— А я тебя не просил со мной скакать, — ответил он. — Я только и слышу от тебя, что ты идешь куда хочешь...

Сердитый вид рыжей красавицы говорил: не такого ответа она ждала, совсем не то она хотела услышать.

— Ордо, — продолжал варвар, — приведи сюда с улицы всех людей. Пусть узнают, куда мы идем. Отпусти тех, кто не хочет последовать за нами. Сегодня за мной должны пойти одни добровольцы!

Ордо кивнул и вышел. За спиной у Конана неразборчиво выругалась Карела. Варвар не обращал на нее внимания. Он думал, каким способом лучше войти во Дворец. И, что было для него важнее возвращения трона Гариану, — как освободить Аркану...

Конан вышел из дворца вместе с Гарианом. Теперь король был великолепен в алом бархатном одеянии, лучшем из всех, что подошли ему. Все тридцать восемь воинов Свободного Отряда уже ждали их, сидя в седлах. Не захотели уходить даже те, кто был только что ранен.

Конан не особенно этому удивился. Варвар знал, что парни в отряде подобрались отличные. Удивился он, лишь увидев Карелу и рядом с ней — Ордо. Свирепый взгляд зеленых глаз заставил Конана воздержаться от расспросов. Он молча вспрыгнул в седло. Что зря спорить с ней? Заботы нынче и так полон рот.

— Я готов, — объявил Гариан, садясь в седло. Большой меч висел на ремне поверх его одеяния.

— Вперед! — скомандовал Конан и первым поскакал за ворота.

Глава 24

Приблизившись к Королевскому Дворцу, отряд Конана поехал шагом. Так они одолели последние кривые улочки Храмового квартала, карабкающиеся на холм, и пересекли зеленое поле. Вот и подъемный мост... Гаркай ехал чуть впереди варвара. Король должен быть впереди своей армии, сказал он, даже если она такая маленькая. Киммериец согласился. Он надеялся, что вид Гаркала произведет должное впечатление на стражу и отряд пропустят внутрь. У моста все спешились. Открыв рот от удивления, стражники во все глаза смотрели на подходившего к ним Гариана.

— Узнаете меня? — строго спросил Гариан. Оба стражника кивнули, а один добавил:

— Ты — король. Но как ты вышел из Дворца? Мы не слышали распоряжения о почетном карауле...

Конан с облегчением вздохнул. Эти — не люди Веджента. Стража косилась на тех, кто стоял за спиной короля, особенно их взгляды притягивала Карела. Но основное внимание они уделяли все-таки королю.

— Вы думаете, король не знает потайных ходов под холмом? — Гариан улыбнулся, как будто мысль эта была забавной. Только стражники расплылись в ответ, как король принял самый серьезный вид: — Вы верные люди? Верны своему королю?

Оба разом вытянулись и хором прочитали клятву Золотых Леопардов, как будто хотели напомнить ее Гариану:

— Мой меч послужен тому, кто носит Корону Дракона. Моя плоть есть щит Трона Дракона. Король приказывает — я повинуюсь, до самой смерти!

Гариан кивнул:

— Тогда знайте: вельможа Албанус и полководец Веджент встали на путь предательства и устроили заговор против Трона Дракона.

Солдаты вздрогнули, и Конан тут же схватился за меч. Но охранники только уставились на короля во все глаза, больше ничего.

— Что мы должны делать? — спросил наконец один из солдат.

— Оставьте двух человек опустить решетку и охранять ворота, — приказывал Гариан. — Выведите остальных из башни. Идите с ними в казармы. Там всех поднимите на ноги. Кричите: «Смерть Албанусу и Ведженту!» Те, кому не понравятся эти слова, — враги Трона Дракона. Даже если на них золотые плащи!

— Смерть Албанусу и Ведженту! — крикнул один стражник, другой тут же подхватил.

Когда солдаты исчезли в башне, Гариан позволил себе немного расслабиться.

— Я не думал, что будет так просто, — сказал он Конану.

— Это и не будет просто, — обнадежил короля Конан.

— По-моему, надо было все-таки сказать им про двойника, киммериец.

Конан отрицательно покачал головой:

— Это только вызовет неразбериху среди солдат. Если нам повезет, они обо всем узнают после его смерти.

На самом деле варвару было все равно, когда и каким образом солдаты обнаружат двойника. Главное, чтобы его план не сорвался. Киммериец нетерпеливо поглядывал на дверь башни. И что они там так копаются?.. Внезапно из каменной башни раздался крик и сразу же оборвался. Один из уже знакомых стражников появился в дверях, сжимая окровавленный клинок. — Нашелся один, кто не стал повторять наш клич, — сказал он.

Один за другим солдаты высекали через дверь с мечами наголо. Каждый на мгновение

задерживался и говорил королю:

– Смерть Албанусу и Ведженту!

Потом поворачивался и бежал во Дворец.

– Вот видишь, – сказал Конану Гариан, когда они со Свободным Отрядом проходили через ворота. – Все будет просто.

Когда за спинами с шумом опустилась решетка, со стороны казарм Золотых Леопардов донеслись крики и звон мечей. Кто-то начал бить в гонг, оповещая весь Дворец о тревоге. Потом звон внезапно оборвался, что, вероятно, свидетельствовало о смерти звонившего. Шум общей драки нарастал. – Я хочу найти Албануса, – сказал Гариан. – И Веджента.

Конан лишь молча кивнул. Ему тоже нужен был Албанус. А Веджент – только если попадется по дороге.

Варвар спешил вперед. Свободный Отряд разворачивался за ним. Первым делом – в тронный зал...

Тут впереди показалось десятка четыре солдат в золотых плащах.

– За Гариана! – крикнул Конан, не сбавляя хода. – Смерть Албанусу и Ведженту!

– Убить их! – послышалось в ответ. – За Веджента!

И два отряда сцепились, ревя и размахивая мечами.

Конан вспорол глотку первому противнику, даже ни разу не скрестив с ним мечи. А потом он только успевал, как машина, поднимать и опускать, поднимать и опускать меч, все пуще заливая его кровью. Вперед, только вперед! Конан прорубал себе путь, идя сквозь врагов, как крестьянин с серпом через поле пшеницы. Там, где он проходил, оставалось кровавое жнивье.

Наконец Конан вырвался из свалки. Он не стал медлить и смотреть, как идут дела у его людей с теми, кто избежал его клинка. На стороне Свободного Отряда в любом случае был численный перевес, а ему нужно было отыскать Ариану. Гариан его вовсе не заботил.

Киммериец побежал прямиком в тронный зал. Около огромных дверей не было обычной стражи. Увлеченные общей дракой, шум которой доносился теперь со всех сторон, они покинули пост. Обычно дверь открывали три человека. Варвару помочь не потребовалось.

Огромный тронный зал был пуст. Только Дракон охранял трон, злобно глядя в пустоту.

Личные покои короля! – осенило Конана. Скорее туда! И тот, кто пытался его остановить, умирал на месте. Киммерийцу было не до ритуальных кличей и вызовов на бой. Все, кто носил золотой плащ и не разбегался от него, был врагом. Бежали, впрочем, немногие. Конан сожалел, что приходится убивать, но лишь потому, что короткие схватки задерживали его, Ариана!.. Они были помехой на пути к Ариане.

Карела кралась по дворцовыми залам, как пантера. Сейчас она была одна. После первой стычки рыжая красавица поискала Конана среди груды тел, сама не понимая, хочется ей найти его или нет. Особенно долго разглядывать трупы не пришлось. Снова подоспели солдаты, верные Ведженту. Последовала новая схватка, которая и отнесла всех, кто еще стоял на ногах, куда-то в другое место. Карела видела, как крушил налево и направо Гариан, как отчаянно пробивался к ней Ордо. Одноглазый был воплощением смерти, но Карела только порадовалась, что он не смог за нею последовать. Сейчас она собиралась сделать то, что ее верный пес наверняка бы не одобрил. Неожиданно перед Карелой возник мужчина. Он был ранен в голову, и кровь тонкой струйкой текла на лицо, слишком красивое, чтобы быть мужественным. Меч в его руке также окрашивала кровь. И, судя по тому, как двигался этот юноша, он умело обращался с оружием.

– Во дела! Девка с мечом! – засмеялся женоподобный красавец. – Бросай-ка скорее клинок на пол да беги себе, а то я подумаю, что ты сейчас еще и махать им начнешь...

Карела узнала юношу.

– Беги сам, Деметр! У меня нет желания пачкать меч твоей кровью!

С ним ей делить было нечего, вот только стоял красавец не на месте – у нее на пути.

Его смех перешел в рычание:

– Сука!

Деметр сделал выпад, ожидая легкой победы. Но Рыжий Ястреб с легкостью отбила его самонадеянную атаку и ответным ударом полоснула мечом по груди юноши. Ошеломленный Деметр отскочил назад. Карела наседала, не давая ни возможности, ни места для атаки. Их клинки, непрестанно звеня, стремительно ткали в воздухе замысловатую серебряную паутину. Да, он неплохо дерется, призналась себе Карела. Но я дерусь лучше. Деметр умер, все еще не осознав, что его может убить женщина. На лице застыл ужас и недоверие.

Перешагнув через тело. Карела поспешила вперед. И вот наконец комнаты, которые она искала. Острием меча она осторожно открыла дверь... Сулария, одетая, как знатная дама, в синий бархат, нахмурилась, увидев разбойницу.

– Кто ты? – сурово спросила блондинка. – Наверное, чья-нибудь наложница? Неужели ты не знаешь, что ко мне нельзя входить без разрешения? Ну ладно, раз уж ты здесь, скажи, что там за резня? – Тут Сулария увидела в руках Карелы окровавленный клинок, и у нее перехватило дыхание.

– Ты послала мою подругу в самую гадкую преисполню Зандры, – зловеще, тихо начала Карела. Размеренными шагами она вошла в комнату. Блондинка попятилась прочь...

– Кто ты? Я не знаюсь с подругами таких, как ты... Убирайся! Вон отсюда немедленно, или я прикажу тебя выпороть!

Карела недобро засмеялась:

– Джеланна тоже не знается с такими, как ты. Надеюсь, ее-то ты помнишь? Что до меня, то вряд ли ты способна признать госпожу Тиану без покрывала...

– Ты с ума сошла! – с дрожью в голосе проговорила Сулария. Она почти уперлась спиной в стену.

Рыжая красавица приближалась к блондинке. По пути она бросила меч на пол и тихо произнесла:

– Я с тобой и без меча разделяюсь. Меч, он для равных...

Сулария выхватила откуда-то из складок одежды кинжалчик. Клинок был всего в мизинец длинной.

– Дура! – засмеялась новоиспеченная знатная дама. – Если ты и вправду Тиана, то скоро тебе и в самом деле потребуется покрывало! – И с этими словами блондинка взмахнула кинжалом, метя Кареле по глазам.

Рыжеволосая женщина не двинулась с места. Лишь рука стремительно взвилась и перехватила запястье Суларии. Голубые глаза изумленно округлились: хватка у Карелы, привыкшей к сражениям и мечу, была железная. Другой рукой Карела вцепилась в длинные светлые пряди волос и, заставив блондинку повернуть голову, вперила в ее зрачки изумрудный взгляд. Медленно, но неуклонно рыжеволосая красавица выворачивала руку Суларии, заставляя кинжал поворачиваться в обратную сторону...

– И все-таки, – прошептала она Суларии, – ты еще могла бы сохранить себе жизнь. Если бы ты не ласкала его своими грязными лапами? – И Карела с силой направила кинжал в сердце Суларии.

Мертвая женщина упала на пол. Карела подобрала меч и с презрением вытерла клинок о стенную шпалеру. Оставался еще киммериец.

Рыжий Ястреб осторожно вышла из комнаты. В голове роились тысячи способов расправы над киммерийцем. Дай только найти его. Она уже почти решилась оставить варвара в живых, но от встречи с Суларией чувства нахлынули вновь. Карела с новой силой переживала бездны

унижений, в которые втравил ее Конан. И худшим унижением было то, что он развлекался с такой, как Сулария?.. Хотя ум Карелы всячески избегал прямого ответа на вопрос, почему это так...

Проходя по колоннаде, она увидела внизу, во дворике, Конана. Он стоял задумавшись. Ну конечно! Голова его по-прежнему забита мыслями о том, как отыскать эту драгоценную Ариану. Лицо рыжей красавицы исказил свирепый оскал. Краем глаза она заметила внизу какое-то движение... И у нее невольно перехватило дыхание. Во дворик вошел Веджент, а Конан даже не пошевелился.

Медленно и осторожно, как ночной убийца, солдат, такой же могучий и рослый, как сам Конан, подкрадывался к варвару сзади. Окровавленный меч был уже занесен для удара... Шлем Веджента с красным гребнем и кольчуга казались нетронутыми, и только залитый кровью клинок свидетельствовал, что он в самом деле сражался. Вот сейчас он ударит и она увидит, как умрет Конан. По лицу Карелы покатились слезы. Она сказала себе, что это слезы радости. Ей доставит несказанное удовольствие посмотреть, как умирает негодяй киммериец. Да...

Большое удовольствие...

– Конан! – завопила Карела. – Сзади!

Конан отлично слышал приближавшиеся шаги. С каждой секундой шаги эти становились все менее осторожными. Рука киммерийца уже лежала на рукояти меча. Он не знал, кто там, сзади. Но так подкрадывается только враг. Ну да кто бы там ни был, еще несколько шагов, и желавший напасть неожиданно сам будет неприятно удивлен. Пожалуй, еще один шаг...

– Конан! – зазвенел чей-то крик. – Сзади!

Теперь Конан уже не мог поразить противника неожиданно. Проклиная все на свете, киммериец прыгнул вперед; падая на плитки двора, подвел под себя плечо; перекатившись по земле, вытащил кривую саблю и вскочил на ноги. Перед варварам стоял ошеломленный Веджент.

Конан успел бросить короткий взгляд наверх. Кто же кричал оттуда? На втором этаже галереи через каменные перила опасно перегнулась Карела. Не может быть, сказал он себе. Ну и привидится же иногда! Однако варвар мог бы поклясться в реальности увиденного – даже мимолетного взгляда оказалось достаточно, чтобы понять: Карела плачет! Только ему было пока не до этого. Перед ним стоял заклятый враг.

Веджент ухмылялся, как будто всю жизнь только и мечтал о встрече с киммерийцем.

– Давно я хотел намеряться с тобой силой на мечах, варвар, – сказал полководец. Между прочим, на лице его все еще желтели следы их предыдущей стычки.

– Так вот почему ты подкрадывался сзади? – язвительно заметил Конан. – Умри, варвар! – прогремел солдат, нанося страшный удар мечом сверху вниз.

Клинок Конана звякнул о меч противника и отбил удар. И тут же киммериец перешел от защиты к наступлению. Противники наносили друг другу удары, почти не двигаясь с места. Мечи звенели, как молот о наковальню. Но молотом всегда был меч Конана, атаковал только он, а Ведженту приходилось лишь отражать удары, и притом все более беспорядочно. Пора кончать, подумал Конан. Широко размахнувшись, он нанес решительный удар. Кровь фонтаном забила из обезглавленного тела бывшего командира Золотых Леопардов. Труп еще не упал на землю, а Конан уже повернулся туда, где только что стояла Карела. Но галерея была уже пуста...

Все-таки он не сдержал самодовольной улыбки, подумав о том, что она, видно, вовсе не так ненавидит его, как хочет показать. Иначе зачем бы ей плакать?

Киммериец обернулся и увидел Ордо, входившего в садик.

– Веджент? – спросил одноглазый, мотнув головой в сторону обезглавленного тела. – А я видел Албануса, – продолжал он, когда Конан кивнул. – И Ариану, и двойника. Но, когда я подбежал, они уже скрылись. Я думаю, они направлялись в старую часть Дворца. –

Поколебавшись, Ордо спросил: – Не видел Карелу, киммериец? Никак не могу найти ее! А мне бы так не хотелось снова потерять ее...

Конан указал на галерею, где стояла Карела:

– Найди ее, если сможешь, Ордо. Мне надо отыскать другую женщину.

Ордо кивнул, и двое мужчин разошлись в разные стороны.

Конан пожелал удачи бородачу, однако подозревал, что Карела вновь исчезла надолго. Но сейчас его забота – Ариана. Киммерийцу оставалось только гадать, чего ради Албанусу потребовалось тащиться в древнюю часть Дворца. Может, он собирался убежать через тайные ходы? Если Джеланна знает их, почему бы и этому хищнику не знать. Впрочем, варвар понимал, что вряд ли сможет найти даже тот ход, по которому его вывели. Там такая путаница коридоров, да и темно хоть глаз выколи. Оставалось надеяться только на волчью яму. Слабая надежда, но другой не было. И Конан в который раз помчался бегом...

На бегу Конан благодарил всех Богов, каких только мог припомнить, что ему больше не встречались Золотые Леопарды. Если он хочет застать Албануса у волчьей ямы, нельзя терять ни секунды. Если только Албанус пошел именно туда. И если Ариана была до сих пор жива. Он отмахнулся от всех этих «если». Они там. Должны быть там. Вот и коридор из грубого камня... Это mestечко Конан помнил прекрасно.

Почти добравшись до зала с ямой, варвар услышал, как отдается под сводчатым потолком голос Албануса. Киммериец позволил себе только один краткий вздох облегчения. И вошел в зал. Глаза его были как синяя сталь.

– Сим я их истреблю, – говорил между тем Албанус, лаская в руках синий шарик из прозрачного хрусталя. Рядом с Албанусом стояли подставной король и Ариана. Девушка неестественно застывшим взглядом смотрела в никуда. Но злобный вельможа явно разговаривал сам с собой:

– Сейчас я высвобожу отсюда такую мощь...

Колдовство, понял Конан. Но его было уже ничем не остановить. Черные глаза Албануса вперились в варвара. Киммериец вызвал у вельможи лишь досаду и раздражение. Он по-прежнему отказывался считать его опасной помехой.

– Убей его, Гариан, – сказал Албанус и вновь сосредоточился на синей сфере. Ариана не пошевелилась и не изменила выражения лица.

Неужели Албанус считает поддельного Гариана настоящим? Ой, навряд ли, – думал Конан, глядя на приближающегося двойника. Самозванец держал меч. Э, да при нем тот самый волнистый клинок, что он продал Деметру! Когда это было? Сто лет назад. Теперь варвар не сомневался, что меч заколдован. И тут же получил подтверждение. Двойник поднял меч, и прозвучал тонкий металлический вой, в котором слышался голод. Конан слышал уже этот звук. При встрече с Мелиусом. Тогда он решил, что ему померещилось...

Деваться некуда! И Конан приготовился к бою. От смерти не убежишь. И ни один человек не избежит назначенного ему часа. Меч лже-Гаркала блеснул в движении, и Конан замахнулся, чтобы ответить. Удар мечей друг о друга был так силен, что почти вырвал оружие из рук варвара. В ударах Мелиуса не было такой мощи. И силу эту давал не колдовской меч – она принадлежала тому, кто им орудовал. Однако Конан отказывался верить, что на свете найдется человек, обладающий такой силой. Волосы на затылке варвара встали дыбом... Перед ним был не человек. Но кто же тогда? Конан осторожно стал пятиться...

Албанус держал синий кристалл в ладонях, как в чашечке. Он совершенно не обращал внимания на сражение, происходившее в двух шагах от него. Он начал нараспив:

– Аф-фар, мироф, омини деде каин...

Конану послышался глухой рокот, исходивший из недр земли. Задуматься о его природе не

было времени.

Непонятное создание с лицом Гариана наступало на него. Волнистый клинок мелькал со сверхчеловеческой быстротой. Варвар уже не пытался блокировать удары, только отводил их. Но даже быстрые скользящие соприкосновения клинов потрясали его закаленное тело до самых пят. Вот кончик заколдованного меча коснулся его щеки... Кровь тоненькой струйкой побежала по лицу. И снова раздался металлический вой, да такой громкий, что почти перекрыл голос Албануса, продолжавшего свои заклинания.

Двойник замахнулся снова. Удар, попади он в цель, мог снести голову, но Конан вовремя отпрыгнул, и клинок угодил в железную подставку одного из огромных треножников. Подставку рассекло пополам, горящий светильник медленно опрокинулся, и тут варвар впервые увидел на лице странного создания отражение каких-то чувств. При виде огня на лице двойника изобразился неподдельный ужас.

Лже-Гариан отлетел назад так, как если бы огонь грозил ему смертью. Албанус запнулся на полуслове, но тотчас возобновил заклинания. Подрубленная лампа громыхнула о перила, окружавшие волчью яму, и горящее масло вылилось вниз. Сухая солома на дне с треском вспыхнула.

Конан отважился бросить взгляд на черного мага. Над головой Албануса мало-помалу возникало что-то необычное. Какая-то овеществленная темнота, сгущение воздуха или?.. Камни под ногами киммерийца заходили ходуном, и ему послышались отдаленные раскаты грома.

Однако присматриваться к Албанусу не было времени: двойник схватил тяжеленный обрубок лампы и швырнул ее в яму, полную огня. И сделал это с такой легкостью, точно в руках у него было не железо, а тоненькая лучинка. Теперь земля дрожала непрерывно и с каждым мгновением все сильнее. Уголком глаза Конан заметил, что бесформенная тень над головой Албануса знай себе разрасталась, делаясь плотнее и поднимаясь под самый купол. Заклинания вельможи стали настойчивее и громче. А лже-Гариан продолжал наступать...

– Беги, Ариана! – закричал Конан, пытаясь не потерять равновесия на качающемся полу. Ни один человек не убежит от собственной смерти. – Беги! Она не пошевелилась. Двойник же подходил все ближе, поднимая меч для последнего удара, который наверняка переломит клинок и надвое разрубит самого киммерийца...

Конан сделал отчаянный прыжок в сторону. Страшный удар высек искры из пола, как раз там, где он только что стоял. Двойник слегка качнулся вперед, увлекаемый силой собственного удара, да и земля под ногами так и ходила. Конан улучил мгновение и обрушил свой меч на ребра создания. Он вложил в удар всю силу. Ему показалось, что он пытался рубить гранит. Однако, поскольку в тот момент двойник и так неуверенно стоял на ногах, отчаянное усилие Конана оказалось свое действие. Лже-Гариан упал.

Конан знал уже, с какой быстротой способно двигаться это непонятное создание, и не собирался давать ему возможности встать на ноги. Варвар бросил меч на пол и схватил двойника за перевязь меча и за одежду. Напряжением всех мускулов могучий киммериец поднял двойника в воздух...

– Ступай в огонь, которого ты так боишься! – прокричал варвар и швырнул свою ношу через перила.

Из глотки падающего вырвался чудовищный вопль. Падая вниз, он отшвырнул волнистый клинок прочь и извернулся как мог, пытаясь найти спасение от огня.

Когда он упал в горящую солому, пламя с ревом взвилось, как будто в него плеснули масла. Клубящийся огонь поглотил двойника, но страшные крики еще долго не прекращались...

Когда Конан оторвал взгляд от ужасного зрелища, он сразу встретился глазами с Албанусом. Из груди черного мага торчал тот самым волнистый клинок: вот куда он, оказывается, угодил,

когда двойник в падении отшвырнул его. Сраженный Албанус все еще шевелил губами, пытаясь продолжить заклинание. Ариана, стоявшая рядом, наконец зашевелилась – чары всякого колдуна умирают вместе с ним, Албанус же умирал.

Конан поспешил к девушке. Он взял ее за руку, и она изумленно уставилась на него. Албанус из последних сил пытался говорить, но горлом уже хлестала кровь.

Киммериец повернулся, чтобы скорее увести отсюда Ариану, но взгляд его привлекло то, что почти возникло под куполом. Он увидел нечто, не поддававшееся описанию. Какие-то бесчисленные глаза и щупальца. Человеческое зрение отказывалось воспринимать, а ум – осмысливать: что-то слишком ужасное парило там, в вышине. Вдруг оттуда ударили яркий луч света, он упал на синий кристалл и разбил его в пыль. Синие осколки посыпались на пол из рук Албануса, и одновременно с этим глаза черного мага подернула смертная пелена.

В зале загремел гром, и на сей раз Конан понял, что это было такое: это смеялся демон. А может, Бог. Тень под куполом сгостила, стала еще плотнее, и сгусток тьмы, вдребезги разнеся крышу, рванулся наружу. Конан вовремя успел подхватить Ариану на руки и во всю прыть кинулся вон. Вокруг все рушилось: растрескивались потолки, падали стены. Из разбитого купола шел каменный дождь, постепенно заполнявший обломками волчью яму. В воздухе носились тучи пыли... По счастью, варвара с Арианой там уже не было. Они не видели, как падавшие стены увлекали за собой тех, кто все еще сражался. По древней части Дворца прошла волна разрушения, кругами расходившаяся от волчьей ямы. Она оставила после себя только развалины.

Конан уже некоторое время мчался по отшлифованному мраморному полу, когда до него наконец дошло, что этот пол больше не качался, как корабль в бурю, а падающие камни уже не барабанили его по спине. Он остановился и посмотрел назад сквозь медленно оседавшую пыль. Коридор за ним от пола до потолка был забит каменными обломками. Через дыру в потолке третьего этажа был виден полыхающий закат. Однако в новой части Дворца разрушений оказалось удивительно мало. Только несколько треснувших стен...

Арканы пошевелилась у варвара на руках. Он неохотно опустил ее на пол. Приятная ноша, что говорить! Даже покрытая пылью и осыпанная мусором, она была привлекательна. Ариана кашляла, изумленно оглядываясь.

– Конан?.. Откуда ты взялся? Это что. Королевский Дворец? Что случилось?..

– Потом объясню, – ответил киммериец. Бросив еще один взгляд назад, на опустошение, случившееся так неожиданно, он подумал, что подробности можно будет опустить. – Надо отыскать короля, Ариана. Мне причитается награда.

Глава 25

Конан неторопливо шел по залам бывшего дворца Албануса. Этот дворец вот уже два дня как принадлежал киммерийцу. Король Гариан подписал об этом специальный указ.

Внимание Конана привлекла статуэтка из слоновой кости. Варвар взвесил ее на руке: она была легкой и к тому же мастерски вырезана. В любом большом городе за нее дадут хорошую цену. Конан положил статуэтку в мешок, который держал в руках, и пошел дальше.

Так киммериец добрался до колонного зала, служившего прихожей. Почти одновременно с ним туда вошли Ордо и Арийца. Благо двери во дворец теперь не запирались.

– Вовремя же вы вернулись, – сказал киммериец. – Как там в городе?

Ордо пожал плечами:

– Городская стража и то, что осталось от Золотых Леопардов, ловят на улицах грабителей. Правду сказать, жулья делается все меньше. Похоже, они думают, что землетрясение было послано Богами в наказание за их грязные дела. Да, вот еще! Кое-кто утверждает, будто видели демона, зависшего над Королевским Дворцом в самый разгар землетрясения... – Ордо скептически хмыкнул. – И чего только людям не примерещится, а?

– Да, весьма странно, – ответил Конан, надеясь про себя, что говорит достаточно уверенным тоном. Даже если он сумеет убедительно рассказать Ордо, что на самом даю произошло около волчьей ямы, одноглазый опять начнет причитать, что-де уже слишком стар для всякого такого. – Что «Феста»? – спросил Конан Ариану.

Девушка тяжело вздохнула, стараясь не смотреть на него:

– С «Фестой» покончено. Слишком многие из нас поняли, до чего-может довести прекраснодушная болтовня вроде нашей. Гариан как раз вызволяет Гракуса и остальных из рудников, но, я думаю, пройдет еще немало времени, пока мы сможем спокойно смотреть в глаза друг другу. А я... Я собираюсь уехать из Немедии.

– Поехали со мной в Офир, – сразу предложил Конан.

– Я еду с Ордо в Аквилонию, – был ответ.

Конан уставился на Ариану не в силах вымолвить ни слова. Не то чтобы ему было жаль уступать ее Ордо, – хотя, вообще-то, отчасти и жаль, неохотно признался он сам себе, пусть одноглазый и верный друг. Так или иначе, он все же спас ей жизнь! Где благодарность?

Под пристальным взглядом варвара Арканы приняла независимый вид и приобняла бородача.

– У Ордо – верное сердце. Чего отнюдь не скажешь о некоторых других. Может быть, его верность принадлежит и не мне, но все-таки это верность. А кроме того, уже давным-давно я говорила тебе, что сама решаю, с кем мне быть.

В голосе Арианы слышались оправдательные нотки. Плотно сжатые губы свидетельствовали: она сама чувствовала это, однако не собиралась признавать, что ей было в чем оправдываться.

Конан с отвращением покачал головой и вспомнил старую поговорку: у женщин и кошек хозяев нет, они приходят лишь на время. Сейчас киммериец спрашивал себя, а не лучше ли обзавестись кошкой?..

Потом до варвара дошло, куда они уезжают.

– Почему Аквилония? – спросил их Конан.

Одноглазый передал ему сложенный пергамент и сказал:

– Я слышал, она подалась на восток. Там и для тебя кое-что есть, в этом послании.

Конан развернул пергамент и прочитал:

«Ордо, мой самый преданный пес!

Когда ты получишь это, меня в Немедии уже не будет. Я уезжаю со всеми вещами и служами. Не следуй за мной. Мне не доставит удовольствия снова встретить тебя на своем пути. Однако я желаю тебе всего наилучшего. Киммерийцу скажи, что я с ним еще не разбралась.

Карела.»

Под подписью, сделанной красными чернилами, был нарисован силуэт ястреба.

– Тем не менее ты идешь следом, – сказал Конан, возвращая пергамент. – Конечно, – ответил Ордо. Он тщательно спрятал письмо в мешок. – Но что это за разговоры насчет того, чтобы уехать в Офир? Гариан со дня на день сделает тебя знатным господином...

– Я припомнил слепого предсказателя из «Зарезанного Быка», – ответил киммериец.

– Того старого дурака? Говорил я тебе, встретясь лучше с моим знакомым астрологом!

– Все, что он говорил, оказалось правдой, – спокойно возразил Конан. – Женщина сапфиров и золота – Сулария. Женщина изумрудов и рубинов – Карела. Они обе были готовы посмотреть, как я умру. И причины-то у каждой как раз такие, что он называл. Да и все остальное старик не наврал... А помнишь, как он закончил?

– Ну и как? – спросил Ордо.

– Спаси трон, спаси короля, убей короля – или погибнешь. Что бы ни случилось сейчас, что бы ни случилось потом, сумей угадать, когда настанет время исчезнуть. Он также предупреждал, чтобы я опасался благодарности королей. Немного поздновато, но теперь я принимаю все это близко к сердцу. Оглядываясь по сторонам на мраморные колонны и алебастровые стены, одноглазый фыркнул.

– А что плохого в такой благодарности? Чего тут опасаться?

– Короли – единоличные правители, – объяснил ему Конан. – Чувство благодарности лишает их полновластия. Ставлю сколько угодно, это воистину так! Какой лучший способ избавиться от благодарности? Избавиться от человека, которому обязан. Теперь понимаешь?

– Ты рассуждаешь, как философ, – проворчал Ордо.

Конан откинулся на спинку кресла:

– Боже упаси!

– Командир, – подходя сзади, сказал Махаон, – все люди на конях. У каждого при седле – мешок награбленного. Только до сих пор мне не приходилось слышать, чтобы кто-нибудь приказывал разграбить свой собственный дворец...

Конан встретился взглядом с Ордо без лишних эмоций.

– Возьми здесь все, что тебе понравится, старина, только не мешкай.

Варвар протянул руку, и одноглазый пожал ее. Этот обычай они переняли на востоке.

– Прощай, Конан из Киммерии, – хрипловато сказал Ордо. – Выпей в преисподней за меня, если попадешь туда первым.

– Прощай, Ордо из Заморы. И ты тоже выпей, если окажешься первым. Большими шагами киммериец вышел из дворца, даже не взглянув на Ариану. Что ж! Она сделала выбор.

За дворцом варвара ждал Свободный Отряд. Оставшиеся в живых двадцать человек. Все вооружены и на конях. Конан вскочил в седло.

Странный финал, думал киммериец. Убегать таким образом от предложенного богатства. А две женщины? Он был бы рад, если бы хоть одна, хоть другая скакала бы сейчас рядом с ним. Но ни одна из них не пожелала. Само по себе это было для Конана очень странно. Однако, напомнил он себе, в Офире достаточно женщин. И, по слухам, там тоже неспокойно. Значит, его отряд не останется без работы.

– Мы отправляемся в Офир, – скомандовал Конан и быстро поскакал через ворота впереди Свободного Отряда. Он не оглянулся...

notes

Notes